

JAK

SLOVENIAN
BOOK
AGENCY

Sample translation

MARUŠA KRESE
All My Christmases
Short stories

Maruša Krese *All My Christmases*

Short stories

Sample translation

Original title: *Vsi moji božiči*

Uredili / Edited by

Tanja Petrič, Katja Stergar

Prevodi v angleščino / English translations by

Jason Blake, Tina Mahkota

Založila in izdala Javna agencija za knjigo Republike Slovenije, Metelkova 2b, 1000 Ljubljana
Zanjo Aleš Novak, direktor

Issued and published by Slovenian Book Agency, Metelkova 2b, 1000 Ljubljana

Aleš Novak, Director

Grafično oblikovanje in prelom / Technical editing and layout

Marko Prah

Tisk / Print

Grafex, d. o. o.

Naklada / Print run

300 izvodov / 300 copies

Darilna publikacija / Gift edition

© Nosiči avtorskih pravic so avtorji/prevajalci sami, če ni navedeno drugače.

© The authors/translators are the copyright holders of the text, unless stated otherwise.

Ljubljana, 2015

CIP - Kataložni zapis o publikaciji

Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

821.163.6-32

KRESE, Maruša, 1947-2013

All my Christmases : short stories : sample translation / Maruša Krese. -

Ljubljana : Javna agencija za knjigo Republike Slovenije = Slovenian Book Agency, 2015

ISBN 978-961-93270-7-4

281276672

Table of contents

Maruša Krese: About the author and her work	2
<i>Vsi moji božiči</i> (in Slovenian)	7
<i>All My Christmases</i> (in English, translated by Tina Mahkota)	11
Translations	
Bulgarian (Translated by Ljudmil Dimitrov)	16
Croatian (Translated by Miroslav Gradečak and Ksenija Premur)	21
Dutch (Translated by Draga Rinkema)	29
German (Translated by Tadeja Lackner-Naberžnik)	34
Hungarian (Translated by Gergely Bakonyi)	39
Italian (Translated by Lucia Gaja Scuteri)	44
Japanese (Translated by Jun Mita)	49
Macedonian (Translated by Darko Spasov)	54
Polish (Translated by Marlena Gruda)	59
Romanian (Translated by Paula Braga Šimenc)	64
Russian (Translated by Aleksandra Krasovets and Nadežda Starikova)	69
Serbian (Translated by Dragana Bojanić Tijardović and Jelena Dedeić)	79
Spanish (Translated by Damian Ahlin)	87
List of Translators	92
Co-financing Publications of Slovenian Authors in Foreign Languages	98

Maruša Krese (1947–2013)

For many years, poet, fiction writer and journalist Maruša Krese lived and created abroad. She divided her life between Ljubljana, Berlin and Graz, and during the war in Bosnia and Herzegovina she built bridges between Sarajevo and Berlin as well as between Sarajevo and Belgrade, repeatedly risking her life in extreme conditions. The German President awarded her the Order of Merit of the Federal Republic of Germany for her humanitarian and cultural mediation between Bosnia and Germany. She studied Literary Theory, Art History and Psychotherapy in Ljubljana, the United States, London and Utrecht. For some time she was employed at the Ljubljana Psychiatry Clinic. She also worked as a psychotherapist in London and Tübingen. In 1990, she moved to Berlin, where she worked as a freelance artist and journalist, writing for

Photo: Bojan Kranjc

the newspapers *Die Zeit*, *Berliner Zeitung*, the daily *TAZ*, *Lettre International* and *Manuskripte*, and creating for German radio. She received *Dnevnik* newspaper's Fabula Award for her collection of short stories *Vsi moji božiči* (*All My Christmases*; Mladinska knjiiga, 2006; *Alle meine Weihnachten*; Založba Drava, 2006); the initiators of the European project "Women with Vision" ranked her among the 100 most influential women in Europe. After numerous publications in magazines, as well as poetry collections, radio plays and three collections of short stories, she wrote her first novel, *Da me je strah?* (*Me, Afraid?* – published by Založba Goga, 2012), which was among the five finalist for *Delo* newspaper's Kresnik Award for the best novel of the year. The Slovene Literary Critics' Association awarded her the "Kritičko sito" prize for the best work of fiction for 2013.

Book information

© Maruša Krese

Photographs: Meta Krese

Year of Publication: 2006, 1. reprint 2014

Binding: softcover

Dimensions: 14 x 21.5 cm

No. of pages: 111

Publisher: Mladinska knjiga, Slovenska 29,
1000 Ljubljana, Slovenia

Webpage: www.mladinska.com/publishing

ISBN: 978-86-11-17567-6

Price: €18.74

Foreign rights

Ms Meta Krese: meta.krese@guest.arnes.si

Vsi moji božiči (All My Christmases, short stories)

When Maruša Krese describes her Christmases, she is at the same time describing her life. The individual Christmas Eves she experienced as a child in Ljubljana, and the later ones in New York, London, Berlin, Sarajevo, and in many other places where she was temporarily living, are anything but an idealized image of that evening. The poet and journalist, a mother of three children, cannot avoid cele-

brating Christmas, but at the same time this celebrating brings much discomfort and anguish, because they never work out as “prescribed” or as she would like. These thirty Christmas stories, and at the same time thirty scenes from various periods of her life, by no means align with the prevailing media images of happy families singing “Silent Night, Holy Night” by the Christmas tree.

From the book's cover

“Fresh potica and a warm stove” and “Our First German Christmas” from the short story collection *All My Christmases*

are published in this booklet as a sample translation.

Media reactions

Through the thirty Christmas Eves of *All My Christmases*, Maruša Krese directly and honestly presents the story of her life, stretched in time in various places, between home and the rest of the world, between family and solitude. Christmas Eve, thus, grows into a metaphor for the existential seeking of every individual.

Her book, with its concentration of motifs and language, brings to the Slovenian space a fresh literary minimalism, one that surprises the reader with its rhythmic moderation and multi-layered messages [...]. Maruša Krese's terseness says a great deal, since many stories play themselves out behind her personal lyricism.

Prize justification for the 2008 Fabula Award

In this collection there is no lack of wise perceptiveness that declines to embellish anything, neither occasional melancholy nor the quandary of a situation, but at the same time there is no lack of self-irony, which at times spills over into brusque retorts that have a lucid, witty and liberating effect. The collection declines to "literarize"; it seems that, more than a strik-

ing and pleasing forming of the force of memory or organisation of material, there is authenticity, an almost lyric concentration which, with a story on a few pages, with the splinter of a broader story, penetrates into the specific sentiment or atmosphere – which is then effectively, and also reservedly, in black and white, emphasised and completed by photography.

Matej Bogataj, *Mladina*

For all the levity and ironic laconicism of such moments, and for all the derision about the holiday-hysteria, in Maruša Krese's Christmas vignettes there is al-

ways a palpable longing – the longing that a spiritual secret might be discoverable on an evening that in real life is usually an un-holy Eve [...].

Michael Braun, *Freitag*

In *All My Christmases* the analogy between pain of journeying and the pain of life comes even more into focus when the author juxtaposes them with this happiest and most static of holidays. [...] Her Christmas journeying is never a return-

ing home, but a returning to the road, not point A or point B, but the distance between them – a *moving* by which she avoids the “kissing and hugging, and the searching for unnecessary lies.”

Tanja Petrič, *Sodobnost*

Godless mothers. What do we do at Christmas? What did we do last year? Three years ago? And when the children were little? The Slovenian author Maruša

Krese has kept a Christmas-tally, telling of her passionate, often futile battle around the holy holiday that, every year, becomes a tragi-comedy.

Iris Radisch, *Die Zeit*

The writer is somehow unable to avoid the annual Christmas celebrating, although it never works out the way she envisaged it, as it brings anxiety and sometimes also tears; in short, it is anything but the idealized picture of the evening. The author unveils to the reader thirty scenes from her life that have rather little in common

with the prevailing image anchored in the consciousness, namely, that of a happy family around a decorated tree. In the struggle for survival and the searching for a home, the happy and peaceful Christmas atmosphere is replaced by empty looks, concerns and fears.

Eva Vrbnjak, *Bukla*

Vsi moji božiči

SVEŽA POTICA IN TOPLA PEČ

Petelini so se oglasili. Vroče mi je. Obrnem se in zagledam še sestro in sestrično in še eno sestrično in še dva bratranca. Pri stari mami smo, pri očetovi mami. V Bogeneči vasi. Kakšno ime! Vas, ki je Bog noče. Ali je kdo že slišal zanjo? Do nje ni mogoče priti po cesti z avtomobilom. Oče v vas vedno pošlje telegram in najavi naš prihod kakšen tened dni prej, preden se odpravimo na pot. Avto potem pustimo v bližnjem kraju, kjer imajo cerkev, šolo in pošto, nekaj kilometrov stran od Bogeneče vasi, in po nas pride stric z vozom in konjem. Ko se peljemo čez travnike in gozd, nam oče vedno znova pove, da je vsako jutro tukaj hodil peš v šolo, tudi pozimi, v dežju, vetrui in snegu.

Mama je šla na študijsko izpolnjevanje v Rim, in oče nas je za nekaj dni poslal k svoji mami in mlajši sestri, ki živi na kmetiji z možem in petimi otroki. V Bogenečo vas. Ne vem, kako je z mojo mlajšo sestro, ampak zame je to bivanje na vasi pravo malo trpljenje. Ponoči spimo vsi otroci na krušni peči, kosimo pa vsi, ne samo otroci, iz velike sklede, ki stoji sredi mize. Žlice so lesene. Po navadi jemo krompir, stročji fižol s smetano in ocvirki. To pomeni, da sem ves dan lačna in se šele zvečer najem svežega kruha, ki ga teta speče v krušni peči, na kateri potem ponoči spimo. V jeseni na njej sušijo jurčke in slive in majhne hruške za kompot in jabolčne krhlje.

Pravzaprav je v vasi lepo. Pred večerjo gremo vsi otroci in ženske s konji in kravami v dolino do velikega potoka. Kako se že temu reče? Živino napajat. Medtem ko živali pijejo, ženske iz vasi zajemajo vodo iz studenca v velike vrče. Te nato odnesejo na glavah domov v vas, po strmi poti v hrib. V tisto vas, ki je Bog ne mara.

Podnevi se otroci mečemo po snegu in včasih se obmetavamo s slamo v skejdnu, po navadi tako dolgo, dokler kdo ne zajoka. Potem se na peči igramo karte, najraje tarok, včasih igramo tudi človek, ne jezi se. Stara mama nas velikokrat

opazuje pri igri. Nekam čudno je z njo. Mojega očeta ima prav gotovo, skoraj roko dam v ogenj za to, najraje od vseh svojih otrok. Mene in sestre očitno ne mara. Neprestano nama govori, da sva prebledi in presuhui in da nimava nikakršne moči. Neprestano nama daje za vzor bratrance. Mislim, da najine mame nekako nima preveč rada, in ne vem, zakaj bi moral imeti najin oče še sina, saj sva s sestro popolnoma dovolj. Stare mame nikdar ne pogledam v oči, kajti potem si takoj zaželim domov in nočem, da bi opazila moje solze. »Ti razvajeni mestni otrok,« mi reče v takem trenutku. Sedimo na peči in se že stotič danes igramo človek, ne jezi se, in jaz sploh ne gledam več, kdo goljufa. Samo še domov si želim.

Iz kuhinje se zasliši kričanje stare mame in tete. »Seveda jo bom spekla, že zaradi otrok jo bom spekla. Že tako vedno poslušajo, da so drugačni od ostalih!« Nikoli še nisem slišala svoje tete tako jezne, kaj šele, da bi vpila na svojo mamo. »In kaj če kdo pride naokrog in to potem pove še v Ljubljani?« jo stara mama miri. »Otrokom bom spekla potico, če že ne smejo imeti božiča,« reče teta odločno.

Zvečer prinese na mizo svežo potico. V hipu je vse pozabljeno. Spanje z drugimi otroki na veliki peči, krompir in fižol in tudi to, da bi šla rada domov. Vsa hiša diši po smetani in orehih. Teta prižge svečo in z nožem zareže v potico. Zunaj se zasliši petje. Gledamo skozi okno. Iz sosedove hiše in tudi iz druge sosedove hiše in nasploh iz vseh vaških hiš prihajajo ljudje s svečami, v tople šale zaviti. Srečajo se pred našo hišo, malo postojijo in se odpravijo po poti naprej. Prepevajo.

»Kam gredo?« radovedno vprašam. Stara mama in teta se spogledata. »V cerkev, k maši.« »In zakaj ne gremo tudi mi?« Že spet se spogledata in stara mama reče: »Zato, ker je župnik med vojno izdal očeta, ki je bil pri partizanih. Če nas ne bi sosed opozoril, da prihajajo Nemci, bi bili danes vsi mrtvi in hiša bi bila požgana. Tako pa smo se lahko še pravočasno poskrili v gozd. Dolgo, dolgo časa smo preživelki pod milim nebom.«

Usedem se spet za mizo in z užitkom jem potico. Rada bi šla s sosedji, ker bi rada videla to čudo božje od maše. Rada bi videla enkrat cerkev od znotraj in izredno me zanima, kaj je molitev. Kaj ljudje sploh počnejo v cerkvi? Nikakršne predstave nimam o tem. Ampak vseeno, prav nikamor se mi ne mudri. Danes sta tu sveža potica in topla peč. Zunaj je mraz. Cerkev je predaleč. Ampak ko bom velika, bom nekoč zares šla v cerkev za božič.

NAŠ PRVI NEMŠKI BOŽIČ

Šivam majhne zavese, postavljam svetilke, pletem preproge za Anino hišo za punčke. Kupim majhen štedilnik, posodo, hladilnik, dnevno sobo, spalnico, delovne sobe, otroške sobe, gugalnice za na vrt in bazen za v klet. Pravzaprav ku-

pim vse, česar mi nimamo in najbrž, pravzaprav gotovo ne bomo nikoli imeli. Naj kupim še zibelko z dojenčkom? Ne zdaj, še malo bom počakala. Takole prečepim vso noč pred leseno hiško, prestavljam pohištvo sem in tja in pripravim celo sobo za likanje in šivanje v kleti. Hiška za Ano. Vedno me prosi, da bi v dnevni sobi imeli pravo zoto. Ne tako moderno italijansko, temveč mehko iz usnja, ali še bolje iz umetnega usnja, tako, v katero se zavalиш in potem ure in ure ne moreš več vstati iz nje. Tako za vso družino, pravi Ana.

Mislim, da je hiška bolj ali manj v redu in da lahko pripravim darilo za Davida. Legokocke. Ampak pravzaprav si želi bobne. Že sedaj me boli želodec ob misli na njegove oči, ko bo zagledal otroško igračo namesto bobnov. Vse skupaj postavim pod božično jelko, ki sta jo otroka okrasila že popoldne. Stvari prelagam sem in tja in spet tja in sem. Hudiča, zakaj Davidu nisem kupila bobnov? Bil bi srečen in jaz bi bila mirna in življenje bi bilo vsaj nekaj dni enostavno. Saj je tako ali tako jasno, da mu jih bom nekega dne prav gotovo kupila. Sedaj grem lahko spat. Vsak čas se bo zdanilo. Vem, da ne bom zaspala.

To je namreč naš prvi nemški božič. Manjša katastrofa. Takoj ko smo prišli v to deželo, mi je umrl oče in David je nehal peti. Samo še na pogrebu je pel in potem nikoli, nikoli več. Ana noče govoriti nemško in zato vsi otroci v njenem razredu govorijo angleško. Očitno je ta moja hči zgrajena iz železa. In jaz? Bolje, da pozabim na svojo samoto. Prvič v življenju me neprestano boli glava, prvič jem aspirine in ponoči ne spim. Ampak drugače je vse v redu in praznujemo prvi nemški božič. Sicer ga res za kakšen dan zamujamo, toda to nam je popolnoma vseeno. Škoda, samo škoda, da nisem kupila tistih bobnov.

Ne morem zaspasti. Zakaj nisem z vsem malo bolj pohitel? Sedaj bi lahko bili že v Ljubljani. Preveč sem se posvetila šivanju, preveč sem se poglobila v peko in še bolj, to moram priznati, v nemško kulturo. Za božične praznike so na televiziji tri dni zapored prikazovali filme o Sissi, avstrijski cesarici. Z Romy Schneider v glavni vlogi in tako dalje. Še nikoli nisem videla nobenega od teh filmov, in temu so se čudili vsi moji nemški znanci. Pa Sissijin mož Franc Jožef, pa Avstrija, pa Madžarska, pa Alpe in Donava in njena bolezen. Še bolezen je lažja, če si bogat. Tako sem tudi božič za dan ali dva zamudila, vendar to priznam samo sebi. Pravzaprav ne vem, ali sem čisto poštena do sebe. Tu v Nemčiji delam s pacienti. Delam čudeže božje, od psihodrame do tajčija, od joge do bioenergije. Težko sem se navadila na globoke nemške duše, ne, niso globoke, ne vem, kako bi rekla, mogoče vrtajoče v globino, vrtajoče na vsak način prav tam, kjer globine prav gotovo ni. In njihova disciplina. Moj največji terapevtski uspeh je v tem, da na uro s psihoterapevtsko skupino zamudim petnajst minut in mi tega nihče ne očita. Ampak to se res redko zgodi, in kadar se zgodi, sem naslednjih petnajst dni srečna. Kar pomeni, da sem v tej deželi postala izredno

skromna. Jaz njim tajči, oni meni veselje do zamujanja in Sissi. Pravzaprav so stvari kar pravično razdeljene.

Zjutraj me prebudi veselo otroško kričanje. David je, hvala bogu, pozabil na bobne in se veseli pisanih igrač. Ana pelje svojo novo družino na sprehod in jaz sem tečna. Spet moram pakirati. Od vseh teh premikanj po svetu mi je slabo in sploh ne morem več videti ne kovčkov, ne nahrbtnikov, ne mornarskih vreč. Ure dolgo hodim gor in dol po hiši in razmišljjam, kaj vse bi vzela s seboj. Zadnje čase kovčke napolnim z vsem, kar mi pride pod roko, in tako imamo vedno toliko prtljage, da ne gre vsa v avto. Pa še darila za Ljubljano, pa še Ana in David hočeta vzeti s sabo svoje nove pridobitve. Potem se prepiramo. Slabo mi je od vsega, slabo mi je od mojih racionalnih odločitev, kajti te so se vedno, ampak res vedno, izkazale za popolnoma napačne. Življenje je eno samo veselje.

Moj novi mož je neznansko nervozen, pravzaprav njegova nervosa že meji na histerijo. Pravijo, da je to po navadi ženska bolezen, vendar jaz o tem nisem tako zelo prepričana. Ne vem, zakaj spet rine z nami v Ljubljano. Potem se je treba spet ukvarjati samo z njim in govoriti angleško. Nikakor se ne pusti prepričati, da ima tudi sam svoje sorodnike. Tudi tisto malo počitka v glavi mi ne dovoli. Pa še avto prav nemarno vozi.

Vozimo po snegu in v dežju ter v koloni. Otroci spijo, ali pa prepevajo, ali pa so lačni, ali pa morajo na stranišče. Sprašujejo, koliko kilometrov je še do Ljubljane, sprašujejo, zakaj se nismo odpeljali že dan prej. Preprosto zato, dragi moji, ker sem jaz gledala Sissi. Moža, nemškega levičarskega intelektualca, skoraj zadene kap.

Po snegu in ledu nekako prilezemmo do meje na vrhu hriba. Vsa družina sedi v avtomobilu in jaz vozim. Mimo stoječih vozil, ki se nikamor ne premaknejo, mimo ljudi, ki avtomobile zaman porivajo po ledu navzgor v hrib. Na meji si oddahnem, vse dokler ne pridemo do carine. Jugoslovanski cariniki so se tokrat odločili, da bodo zaračunali vse živo. Jugoslovanski, turški, grški in ne vem, ali ne tudi iranski gastarbajterji, vsi stojijo na meji in preklinjajo jugoslovansko državo. Tudi jaz sem med njimi. David preplašen vpraša: »Mama, kaj če te posluša tovariš Tito v nebesih?«

All My Christmases

FRESH POTIZA¹ AND A WARM STOVE

The cocks have crowed. I feel hot. I roll over and see my sister and my girl cousin and another girl cousin of mine and two of my boy cousins. We're staying at my gran's, at my father's mum. In Bogeneča vas.² What a name! A village unwanted by God. Has anyone ever heard of Bogeneča vas? There's no road to reach it by car. My father always sends a telegram to the village, about a week before we set out, to let them know we're coming. We leave the car in a nearby village, which has a church, a school and a post office, a few kilometres from Bogeneča vas, and there we're picked up by my uncle who arrives with a horse cart. As we ride through the meadows and the woods, my father tells us again and again how he used to walk to school every morning, even in winter, rain, wind and snow.

My mum's gone to Rome for some professional training, so my dad has sent us away for a few days to stay with his mother and his younger sister who lives on the farm with her husband and five kids. To Bogeneča vas. I'm not sure about my sister, but for me this is agony. At night the kids will sleep on top of the masonry stove, and all of us, the adults and the kids alike, eat lunch from a big dish placed in the centre of the table. The spoons are made of wood. We usually have spuds, green beans with cream and pork scratchings. This means that I spend most of the day hungry and it's only at dinner time that I get stuffed on fresh bread that my aunt has baked in the same oven on top of which we sleep at night. In autumn, this surface is used to dry porcini and plums and measly pears for compote and apple segments.

1 Potiza is a traditional nut roll served at Christmas. (Translator's note)

2 The place name Bogeneča vas sounds as if it were derived from the phrase meaning 'unwanted by God'. (Translator's note)

Still, it's nice to be in the village. Before dinner the kids and the women bring horses and cows to a wide stream in the valley. What's the word for it again? To lead the horses to the water trough. While the animals drink, the village women fill their big pitchers with fresh water and carry them on top of their heads to the village, up the hill by a steep footpath. To the village unwanted by God.

During the day we romp in the snow and sometimes we stage a straw fight in the barn and play until some of us starts crying. Then we sit on the oven and play cards, preferably tarot, and sometimes we play ludo. Gran often watches us playing. She's a bit funny. I bet for the life of me that my dad is her favourite child. But it's quite obvious that she doesn't like me or my sister. She's always telling us off for being too pale and too skinny and lacking any physical strength. She tells us to take after our boy cousins. I don't think she's very fond of my mum either, and I don't get it why my dad should have a son too; won't we do, my sister and I? I never look gran in the eyes, because if I do so, I yearn to go home and I don't want her to see my tears. "You spoilt city brat," she calls me. Now we're sitting on the stove and playing a game of ludo for the umpteenth time, and I can't be bothered any longer to see who is cheating. All I want is to go home.

From the kitchen I can hear gran and my aunt yelling at each other. "I'm definitely going to bake it, for the sake of the kids, if nothing else. It's bad enough they're always being told they're different from the rest of the kids!" I've never heard my aunt being so angry, let alone yelling at her mother. "But what if someone calls and spreads the word about it in Ljubljana?" My gran tries to calm her down. "If the kids aren't allowed to have Christmas, I'm going to make them potiza," says my aunt adamantly.

In the evening she brings freshly baked potiza to the table. In a moment, all is forgotten. Sleeping on the stove with other kids, the spuds and green beans, and also my yearning for home. The house smells sweet of cream and walnuts. My aunt lights a candle and cuts into potiza with a knife. One can hear singing outside. We all look through the window. People wrapped up in warm scarves and carrying candles start emerging from our closest neighbour's house and from another neighbour's house and from all the houses in the village. They congregate outside our house, pause a bit and continue their way. They're singing.

"Where are they going?" I ask inquiringly. Gran and my aunt look at each other. "To church, to mass." "Why aren't we going too?" They look at each other again. "During the war our parish priest squealed on your father who was in the woods with the partisans. That's why. Had our neighbour not warned us that the Germans were coming, we'd be all dead today and the house would've been

burnt down. We were lucky to escape and hide in the woods. We spent a very long time living in the open."

I go back to the table and relish my potiza. I'd love to go out with our neighbours to see this wonder of the world, the mass. For once I'd love to see a church from inside, and I'm desperate to find out what is a prayer. What is it that people do in church? I haven't the foggiest idea. But never mind, I'm in no rush. Today, I have my freshly baked potiza and a warm stove. It's cold outside. The church is too far away. But when I grow up, I'll go to church at Christmas.

OUR FIRST GERMAN CHRISTMAS

I'm sewing miniature curtains, setting up lamps, knitting rugs for Ana's doll house. I buy a small cooker, crockery, a fridge, a living room, a bedroom, studies, nurseries, and swings for the garden and a swimming pool for the basement. Come to think of it, I'm buying everything we don't have, and probably never will. Should I buy a cradle with a tiny baby too? Not just yet, I'll wait a while. I spend the night on my hunkers in front of the doll house, moving pieces of furniture here and there, and I furnish a room for ironing and sewing in the basement too. A doll house for Ana. She keeps begging me to get us a proper sofa for our living room. Not a modern Italian piece, but a soft one, made of leather, or, even better, of artificial leather, to lounge away for hours not wanting to get up. A sofa for the whole family, says Ana.

I declare the doll house to be perfectly fine, and now I can work on David's Christmas present. Lego blocks. Actually, he'd love to get a drum kit. I feel sick in my stomach just thinking of him and his eyes when he sees children's toys instead of a drum kit. I place everything underneath the Christmas tree that Ana and David decorated in the afternoon. I shift the parcels back and forth. Damn it, why haven't I bought a drum kit for David? He'd be so happy, and I'd be content, and life would be so simple, at least for a couple of days. It's so obvious I'll buy him a drum kit sooner or later. I can go to bed now. Morning will break any minute. I know that I won't be able to fall asleep.

This is our first German Christmas. It's a small-scale disaster. Soon after we had moved here, my father died and David stopped singing. He sang at his funeral, and never again did he sing, never ever. Ana won't speak German, so the children in her class all speak English. It looks like this daughter of mine is made of steel. What about me? I'd rather not think about my loneliness. For the first time in my life I suffer from a constant headache and swallow aspirins and can't sleep at night. Apart from this, all is well and we're celebrating our first

German Christmas. Admittedly, we're a day or two late, but we don't mind. It's a pity though, a real pity that I haven't bought the drum kit.

I can't fall asleep. Why haven't I stepped it up a notch? We could be in Ljubljana by now. I got too absorbed in sewing, I got too absorbed in home baking, and, I have a confession to make, in German culture. There were films about Sissi, the Austrian empress, on the telly, three days in a row during Christmas. Starring Romy Schneider and co. I have never seen any of them, which baffled my German acquaintances. What with Sissi's husband Franz Joseph and Austria and Hungary and the Alps and the Danube and her illness. Even illness is less of a nuisance if you're loaded with cash. This is why I missed Christmas for a day or two, which I admit only to myself. Actually, I don't know if I'm perfectly honest with myself here. In Germany, I'm working with patients. I perform miracles, from psychodrama to tai chi, yoga and bioenergy. It was hard for me to get used to deep German souls, no, they're not deep, I don't know how to put it, and maybe they're quarrying into depths where there is definitely no depth. To say nothing about their discipline. My greatest achievement as a therapist consists of me being late to meet my group for fifteen minutes and not to be scolded by anyone. But this is such a rare occurrence, and when it occurs, it makes me happy for fifteen days. It simply goes to show how humble I've become in this country. I give them tai chi, and they give me the joy of being late and watching Sissi. A fair deal, come to think of it.

In the morning I'm woken up by my children's cheerful shouts. David has forgotten, thank God, about his drum kit and loves his colourful toys. Ana takes her new family for a walk, and I'm snappy. I have to pack again. I'm fed up with our endless journeys around the world, and I can't bear the sight of another suitcase, backpack or kitbag. For hours I'm pacing the house deciding what to bring with us. It's become increasingly hard to pack, so we always end up with too much stuff that won't fit in the car. Plus the presents for people in Ljubljana, plus Ana and David insisting on bringing their new toys. So then we have a fight. I'm sick of everything, I'm sick of my rational decisions which have always, and I mean it, always, proved to be wrong. Life is such fun.

My new husband is terribly nervous, his nervousness actually borders on hysteria. Presumably, hysteria is a female affliction, but I'm not so sure anymore. I really don't know why he insists on joining us in Ljubljana. When he comes, people feel obliged to pay extra attention to him and speak English. But he won't be put off when I say that he has relatives of his own to visit. He begrudges me every little breather in my head. Plus, he's such a pathetic driver.

We're driving in queues in snow and rain. The children are sleeping or singing, they're either hungry or need to go to the loo. They're asking how many more kilometres to Ljubljana, they're asking why we haven't set out a day ear-

lier. Because I watched Sissi, my darlings. My husband, a German left-wing intellectual nearly has a stroke.

Driving in snow and ice we somehow manage to reach the border crossing at a mountain pass. My family is seated in the car with me behind the wheel. We're driving past the cars brought to a standstill, past the people who are desperately trying to push their cars uphill. At the border crossing I take a deep breath of relief. Then we reach Yugoslav customs control. Today, Yugoslav customs officers have decided to charge import duty on everything. Migrant workers from Yugoslavia, Turkey, Greece, even Iran perhaps, are waiting at the border and cursing Yugoslavia. Me too. David is terrified and asks apprehensively: "Mummy, what if comrade Tito can hear you in heaven?"

Translated by © Tina Mahkota
Contact: tmahkota@amis.net

Всички мои Коледи

Translated by Ljudmil Dimitrov
Contact: ljudiv@abv.bg

Пресен козунак и топла печка

Петлите пропяха. Горещо ми е. Обръщам се и поглеждам към сестра си, братовчедка си, другата братовчедка и двамата братовчеди. При баба сме, майката на баща ми. В село Богнещи. Какво име само! Село, което Бог не го ще. Дали някой е чувал за него? Дотам по улицата не можеш да стигнеш с кола. Татко винаги изпраща телеграма в селото и известява за нашето идване поне една седмица преди да тръгнем. Оставяме колата в близкия край, където са черквата, училището и пощата, на няколко километра от село Богнещи, и чично с каруцата и коня идва да ни вземе. Докато минаваме през поляните и гората, татко за кой ли път ни разказва как оттук всяка сутрин е отивал пеш на училище, дори през зимата, в дъжд, вятър и сняг.

Мама замина на следдипломна специализация в Рим и татко ни изпрати за няколко дни при майка си и при по-малката си сестра, която живееше на село с мъжа си и с петте си деца. В село Богнещи. Не знам какво чувства сестра ми, но за мен този престой на село си е цяло едно изпитание. Нощем децата спим на зиданата печка, а всички, не само децата, обядваме от големи купи, поставени на средата на масата. С дъревени лъжици. Обикновено хапваме картофи, зелен фасул със сметана и пръжки. Което означава, че цял ден съм гладна и едва вечер се наядждам с пресен хляб, изпечен от леля ми в зиданата печка, на която спим нощем. А наесен върху нея сушат манатарки, сливи, малки круши за компот и резенчета ябълки.

Въщност на село е чудесно. Преди вечеря всички деца и жени отиваме с конете и кравите в долината при големия поток. Как му викаха на

това? Водопой. Докато животните пият, жените точат вода от кладенеца в големи стомни. На връщане в селото ги носят на главите си по стръмната хълмиста пътека. В същото онова село, което Бог не го обича.

През деня децата се въргалият в снега, а нерядко се замеряме със слама в бараката, обикновено докато не се разплачне някой. После на печката играем карти, най-любима ни е тарок, а понякога и на „Не се сърди, човече“. Баба често ни гледа как играем. Нещо странно има при нея. От всичките си деца тя със сигурност, мога да се закълна в това, най-много е привързана към моя баща. Нас със сестра ми, по всичко личи, не ни обича. Все ни обяснява колко сме бледи и слаби и как нямаме никакви сили. Все за пример ни дава братовчедите. Мисля, че тя много-много не понася нашата майка, но не мога да разбера защо баща ни трябва да има и син, та ние със сестра ми напълно му стигаме. Никога не гледам баба в очите, защото после веднага ми се прищява да си ида у дома, а не искам тя да види сълзите ми. – Градска глезла – ми казва обикновено в такъв момент. Седим на печката и днес за стотен път играем на „Не се сърди, човече“, но аз изобщо не следя кой лъже. Искам час по-скоро да си отида у дома.

От кухнята се чуват крясъците на баба и на леля. – Естествено, че ще го изпека, заради децата ще го изпека. И без това само им се натрапва, че са различни от останалите! – Никога не бях чувала леля толкова ядосана, че да крещи на майка си. – И какво като някой ни чуе и ни разнесе в Любляна? – утешава я баба. – Ще изпека козунак на децата, щом като вече не им се разрешава да празнуват Коледа – решително казва леля.

Вечерта поднася на масата пресен козунак. На мига всичко е забравено. Спането с другите деца на голямата печка, картофите и фасула, както и желанието ми да си ида у дома. Цялата къща ухае на сметана и орехи. Леля пали свещта и с ножа разрязва козунака. Вън се чува песен. Поглеждаме през прозореца. От съседската къща, от другата съседска къща и отвсякъде пристигат хора със свещи, загърнати с топли шалове. Срещат се пред нашата къща, спират за малко, след което продължават нататък по пътя. Припяват.

– Къде отиват – любопитствам. Баба и леля се споглеждат. – В чеквата, на служба. – А ние защо не отиваме? – Те отново се споглеждат и баба казва: – Защото през войната свещеникът издаде баща ти, че е при партизаните. Ако съседът не ни беше предупредил, че идват немци, днес всички щяхме да сме мъртви, а къщата – опожарена. А така навреме се скрихме в гората. Страшно дълго живяхме под голо небе.

Сядам пак на масата и с апетит хапвам козунак. Бих отишла със съседите, защото искам да видя чудото Божие на службата. Поне веднъж ми се ще да видя черквата отвътре и страшно ме интересува какво представ-

влява молитвата. Какво изобщо правят хората в черква? Нямам ни най-малка представа. Но, както и да е, закъде съм се забързала. Днес имам пресен козунак и топла печка. Навън е студено. Черквата е далеч. Като порасна обаче, наистина някой път ще отида на черква за Коледа.

Нашата първа немска коледа

Шия малки перденца, поставям лампички, плета пътечки за Анината къщичка за кукли. Купувам малко котлонче, прибори, хладилник, дневна стая, спалня, кабинети, детски стаи, люлки за градината и басейн за мазето. Всъщност купувам всичко, което нямаме и навсярно, по-точно със сигурност, никога няма да имаме. Дали да купя и люлка с пеленаче? Засега не, ще почакам малко. Цяла нощ ще клеча пред дървената къщичка, ще мести мебелите ту тук, ту там и ще подготвя цялата стая за гладене и шиене в мазето. Къщичка за Ана. Все ме моли в дневната да имаме истински диван. Не такъв модерен италиански, а мек кожен, още по-добре ако е от изкуствена кожа, такъв, в който се отпускаш и после с часове не можеш да станеш от него. Такъв, за цялото семейство, казва Ана.

Мисля, че къщичката малко или повече ще се получи, но я да взема аз да пригответя подарък за Давид. Лего конструктор. Но той пък поиска барабан. Отсега ми се свива стомахът като си представя как опулва очички при вида на детска играчка, а не на барабан. Всичко ще поставя под коледната елха, която децата украсиха следобед. Мести вещите от тук – там и от там – отново тук. Защо, по дяволите, не купих барабан за Давид? Той щеше да е щастлив, аз щях да съм спокойна и животът поне няколко дни би текъл нормално. Така и така един ден ще му купя, повече от ясно е. Я вече да лягам. Всеки момент ще съмне. А че няма да заспя – си го знам.

Това е, така да се каже, нашата първа немска Коледа. Страхотен фалстарт. Веднага след пристигането ни в тази страна умря баща ми и Давид спря да пее. Само на погребението пя, а след това никога, ама никога повече. Ана отказва да говори на немски и по тази причина всички деца в нейния клас говорят на английски. Явно моята дъщеря е от желязо. А аз? По-добре да забравя за самотата си. За първи път в живота непрекъснато ме боли глава, за първи път пия аспирин и нощем не мога да спя. Но иначе всичко е наред и празнуваме първата си немска Коледа. Вярно, че за късняхме с един-два дни, но ни е напълно безразлично. Жалко, много жалко, че не купих онзи барабан.

Не мога да заспя. Защо не побързах малко повече с всичко? Сега вече можеше да сме в Любляна. Прекалено много се посветих на шиенето, пре-

калено много се задълбочих в готвенето и, дължна съм да го призная, в немската култура. За коледните празници по телевизията три дни даваха филми за Сиси, австрийската императрица. С Роми Шнайдер в главната роля и още куп други. Не бях гледала нито един от тях и моите немски познати много ми се чудеха. То не бе съпругтът на Сиси, Франц Йозеф, не бе Австрия, не бе Унгария, не бяха Алпите, Дунав и нейната болест. Когато си богат, и болестта се понася по-леко. Така че закъснях за Коледа с ден-два, ама го признавам само пред себе си. Тук, в Германия, работя с пациенти. Правя чудеса, от психодрама до тай чи, от йога до биоенергия. Голям опит събрах с дълбоките немски души, не, не са дълбоки, не знам как да кажа, може би дълбаещи, във всеки случай дълбаещи точно там, където дълбочина със сигурност няма. И пословичната им дисциплина. Най-големият ми терапевтичен успех е, когато за един час работя в група закъснявам с петнайсет минути и никой не ми държи сметка. Това, истина е, се случва рядко, но пък слути ли се, през следващите петнайсет дни съм щастлива. Което означава, че в тази страна станах изключително скромна. Аз на тях тай чи, те на мен – радост и Сиси до пълно изключване. Честно казано, нещата са разпределени справедливо.

На сутринта ме събуджат весели детски викове. Давид, слава Богу, е забравил за барабана и се радва на шарените играчки. Ана е повела новото си семейство на разходка и аз съм нервна. Пак трябва да стягам багажите. От всичките ми скиторения по света ми призлява и вече не мога да гледам нито куфари, нито раници, нито мешки. С часове крача нагоренадолу из къщата и мисля какво да взема със себе си. Накрая напълвам куфарите с всичко, което ми падне под ръка, и се събира толкова много багаж, че не успявам да го натъпча в колата. Още и подаръци за Любляна, а Ана и Давид настояват да си вземат новите придобивки. След което се разправяме. Лошо ми е от всичко, призлява ми от собствените ми рационални решения, защото винаги, ама наистина винаги, се оказват сто процента погрешни. Животът си е жив купон.

Моят нов съпруг е нервен неизвестно от какво, но нервността му направо граничи с истерия. Казват, че обикновено това е женска болест, но аз не съм съвсем убедена. Не знам защо пак напира да идва с нас в Любляна. За пореден път ще трябва да се занимаваме само с него и да говорим на английски. Никога не можеш да му втълпиш, че си има свои роднини. Изобщо не ми позволява да си освободя съзнанието от него дори за малко. А и не обича да шофира.

Караме по сняг и дъжд и в колона. Децата или спят, или си тананикат, или са гладни, или им се пишка. Питат колко километра остават до Любляна, питат защо не сме тръгнали предишния ден. Просто защото, скъ-

пи мои, аз гледах Сиси. Мъжът ми, немски ляв интелектуалец, едва не получи инсулт.

По сняг и лед никак се добрахме до границата на върха на хълма. Аз карам колата с цялото семейство. Покрай спрелите автомобили, които изобщо не помръдват, покрай хора, отчаяно бутащи колите си нагоре по заледения хълм. На границата, докато стигнем до митницата, си отдъхвам. Югославските митничари тогава имаха заповед да таксуват всичко живо. Югославски, турски, гръцки и не знам още какви, ако не и ирански гастарбайтери, всички чакат на границата и псуват Югославската държава. И аз заедно с тях. Давид уплашено питат: „Мамо, ами ако те чуе другият Тито на небето?“

Svi moji Božići

Translated by Miroslav Gradečak
Contact: mgradecak@yahoo.com

SVJEŽA SAVIJAČA I TOPLA PEĆ

Pijetli su se oglasili. Vruće mi je. Okrenem se i zagledam sestru, sestričnu, pa drugu sestričnu i još dva bratića. Kod bake smo, očevoj majci. U Bogneči vasi. Kakvo ime! Selo koje Bog ne želi. Je li tko već čuo za nju? Do nje se ne može doći po cesti automobilom. Tjedan dana prije odlaska na put otac uvijek pošaљe u selo telegram i najavi naš dolazak. Automobil ostavljamo u obližnjem mjestu koje ima crkvu, školu i poštu, nekoliko kilometara udaljenom od Bogneče vasi, kamo po nas dolazi stric s konjem i kolima. Dok prolazimo kroz livade i šume otac nam uvijek govori kako je ovdje svako jutro pješice išao u školu, čak i zimi, po kiši, vjetru i snijegu.

Mama je otišla na studijsko usavršavanje u Rim pa nas je otac poslao na nekoliko dana svojoj majci i mlađoj sestri koja živi na selu s mužem i petero djece. U Bogneču vas. Ne znam za svoju mlađu sestru, ali za mene je boravak na selu prava mala patnja. Noću spavamo zajedno s drugom djecom na krušnoj peći, a djeca i odrasli zajedno ručamo iz velike zdjele na sredini stola. Žlice su drvene. Obično jedemo krumpir te mahune s vrhnjem i čvarcima. To znači da sam ciјeli dan gladna i tek se navečer najudem svježeg kruha što ga teta ispeče u krušni peći, na kojoj zatim spavamo. Ujesen na njoj suše vrganje, šljive i male kruške za kompot te kriške jabuka.

Na selu je zapravo lijepo. Prije večere sva djeca i žene odlaze s konjima i krvama u dolinu do velikog potoka. Kako se već ono kaže? Napajati stoku. Dok stoka piće, žene iz sela zahvaćaju vodu iz studenca u velike vrčeve. Na glavama ih nose kući u selo, po strmom putu uzbrdo. U ono selo koje Bog ne voli.

Djeca se danju bacamo po snijegu i u štaglju nabacujemo slamom, obično tako dugo dok netko ne zaplače. Zatim se na peći kartamo, najradije tarok, a

ponekad igramo „Čovječe, ne ljuti se“. Baka nas često promatra kako igramo. Ona je pomalo čudna. Od sve svoje djece mojeg oca gotovo sigurno voli najviše, dala bih ruku u vatru da je tako. Mene i sestru očito ne voli. Neprestano nam govori da smo preblijede i premršave te da smo potpuno bez snage. Neprestano ističe naše bratiće kao uzor. Mislim da našu majku baš i ne voli te ne znam zašto bi naš otac morao još imati i sina, ta sestra i ja smo sasvim dovoljne. Baku nikad ne gledam u oči, jer odmah poželim otići kući i ne želim da vidi moje suze. „Ti razmaženo gradsko dijete“, kaže mi u takvim trenucima. Sjedimo na peći i već po stoti put danas igramo „Čovječe, ne ljuti se“, a ja uopće više ne gledam tko vara. Samo želim kući.

Iz kuhinje se začuje bakino i tetino vikanje. „Naravno da će je ispeći, zbog djece će je ispeći. Ionako stalno slušaju kako su drugačiji od ostalih!“ Još nikad nisam čula svoju tetu tako ljutu, a kamoli da više na svoju majku. „Što ako netko naiđe i zatim to kaže u Ljubljani?“, umiruje ju baka. „Ispeci će djeci savijaču, kad već ne smiju imati Božić“, reče teta odlučno.

Navečer je na stol donijela svježu poviticu. U trenu je sve bilo zaboravljenog. Spavanje s drugom djecom na velikoj peći, krumpir i grah, čak i moja želja za povatkom kući. Cijela kuća miriše na vrhnje i orahe. Teta pali svijeću i nožem zareže savijaču. Izvana se začuje pjevanje. Gledamo kroz prozor. Iz kuće jednog susjeda, pa iz kuće druge drugog susjeda, kao uglavnom iz svake kuće u selu pristižu ljudi sa svjećama, ogrnuti toplim šalevima. Susreću se pred našom kućom, malo zastanu pa krenu dalje. Pjevaju.

„Kamo idu?“, upitam radoznaš. Baka i teta se pogledaju. „U crkvu, na misu.“ „A zašto mi ne idemo?“ Opet se pogledaju pa baka reče: „Zato što je župnik tijekom rata izdao oca koji je bio u partizanima. Da nas susjed nije upozorio da dolaze Nijemci danas bi svi bili mrtvi, a kuća bi bila spaljena. Ovako smo se pravovremeno mogli sakriti u šumu. Dugo, dugo vremena živjeli smo pod vedrim nebom.“

Opet sjednem za stol i s užitkom jedem savijaču. Rado bih se pridružila susjedima, jer želim vidjeti to čudo Božje od mise. Rado bih vidjela crkvu iznutra i jako me zanima što je to molitva. Što ljudi uopće rade u crkvi? Nemam nikakvu predodžbu o tome. S druge strane, baš nikamo mi se ne žuri. Danas su tu svježa savijača i topla peć. Vani je hladno. Crkva je predaleko. Ali jednom kad postanem velika, zaista će za Božić otici u crkvu.

NAŠ PRVI NJEMAČKI BOŽIĆ

Šivam male zavjese, postavljam svjetiljke, pletem tepihe za Aninu kućicu za lutke. Kupujem mali štednjak, posuđe, hladnjak, dnevnu sobu, spavaću sobu, radne sobe, dječje sobe, ljuljačke za vrt i bazen za podrum. Zapravo, kupujem sve

ono što mi nemamo i najvjerojatnije nikada nećemo ni imati. Da kupim i količevku s bebom? Ne sad, još ču malo pričekati. Čučim tako cijelu noć ispred drvene kućice, premještam pokućstvo amo-tamo te pripremam cijelu sobu za glačanje i šivanje u podrumu. Kućica za Anu. Stalno me moli da u dnevnu sobu stavimo pravu sofу. Ne neku modernu talijansku, već mekanu, napravljenu od kože ili još bolje od umjetne kože, u koju se zavališ, a zatim satima ne možeš iz nje ustati. Sofu za cijelu obitelj, kaže Ana.

Mislim da je kućica više-manje u redu i da mogu pripremiti poklon za Davida. Lego kocke. No on zapravo želi bubenjeve. Želudac me zaboli čim pomislim na njegove oči kad će umjesto bubenjeva ugledati dječju igračku. Sve zajedno stavim pod božićnu jelku koju su djeca već popodne okitila. Stvari premještam amo-tamo pa ih opet vraćam na početak. K vragu, zašto Davdu nisem kupila bubenjeve? Bio bi sretan i ja bi bila mirna, a život bi barem nekoliko dana bio jednostavan. Ionako je jasno da će mu ih jednog dana sigurno kupiti. Sada mogu na spavanje. Svakog trena će svanuti. Znam da neću zaspasti.

Naime, to je naš prvi njemački Božić. Manja katastrofa. Odmah po dolasku u tu zemlju umro mi je otac i David je prestao pjevati. Pjevao je još samo na pogrebu i od tada nikada, nikada više. Ana ne želi govoriti njemački pa zato sva djeca u njenom razredu govore engleski. Očito je ta moja kći čvrsta kao čelik. A ja? Bolje da zaboravim na svoju samoču. Prvi put u životu me neprestano boli glava, prvi put uzimam aspirine i noću ne spavam. Ali inače je sve u redu i slavimo prvi njemački Božić. Doduše, kasnimo koji dan, ali za to nam je sasvim svejedno. Jedina je šteta što nisam kupila one bubenjeve.

Ne mogu zaspasti. Zašto nisam sa svime malo požurila? Sad smo već mogli biti u Ljubljani. Previše sem se posvetila šivanju, previše sem se udubila u pečenje i još više, moram priznati, u njemačku kulturu. Za božićne praznike su na televiziji tri dana zaredom bili prikazivani filmovi o Sisi, austrijskoj carici. S Romy Schneider u glavnoj ulozi i tako dalje. Nikad nisam pogledala nijedan od tih filmova i tome su se čudili svi moji njemački znanci. Te Sisijin muž Franjo Josip, te Austrija, te Mađarska, te Alpe i Dunav i njena bolest. I s bolešću se lakše nositi, ako si bogat. Tako sam i na Božić zakasnila za dan ili dva, ali to će samo sebi priznati. Zapravo nisam sigurna jesam li sasvim poštena prema sebi. Ovdje u Njemačkoj radim s pacijentima. Radim čuda Božja, od psihodrame do taj čija, od joge do bioenergije. Teško sam se navikla na duboke njemačke duše, zapravo, nisu duboke, ne znam kako bih se izrazila, možda vrtaju u dubinu, vrtaju na svaki način baš tamo gdje dubine sasvim sigurno nema. Pa njihova disciplina. Moj najveći terapijski uspjeh je da na sat s psihoterapijskom grupom zakasnim petnaest minuta, a da mi nitko ne spočitava. Ali to se zaista rijetko događa, a kada se dogodi sljedećih sam petnaest dana sretna. To znači da sam

u ovoj zemlji postala iznimno skromna. Ja njima taj či, oni meni veselje zbog kašnjenja i Sisi. Zapravo su stvari poštено podijeljene.

Ujutro me probudi vesela dječja graja. David je, Bogu hvala, zaboravio na bubnjeve i veseli se šarenim igračkama. Ana vodi svoju novu obitelj u šetnju, a ja sam naporna. Opet moram pakirati. Zlo mi je od svog tog seljakanja po svijetu i ne mogu više gledati ni kovčege, ni naprtnjače, ni mornarske vreće. Satima hodam gore-dolje po kući i razmišljam što da ponesem sa sobom. U zadnje vrijeme u kovčege stavljam sve što mi dođe pod ruku pa uvijek imamo toliko prtljage da sve ne može stati u auto. Pa još pokloni za Ljubljani, pa još Ana i David žele uzeti sa sobom svoju novu stečevinu. Zatim se prepiremo. Zlo mi je od svega, zlo mi je od mojih racionalnih odluka, jer su se uvijek, ali baš uvijek pokazale potpuno pogrešnim. Život je sama radost.

Moj novi muž je neobično nervozan, njegova nervosa zapravo već graniči s histerijom. Kažu da je to obično ženska bolest, ali ja baš i nisam sigurna da je tako. Ne znam zašto se opet gura s nama u Ljubljani. Opet bi se morali baviti samo njime i govoriti engleski. Ne može ga se uvjeriti da on također ima svoju rodbinu. Ne dopušta mi da barem malo odmorim glavu. A nije baš ni odgovoran vozač.

Vozimo po snijegu, po kiši i u koloni. Djeca ili spavaju ili pjevaju ili su gladna ili moraju na zahod. Pitaju koliko još ima kilometara do Ljubljane, pitaju zašto nismo otišli dan ranije. Jednostavno zato, dragi moji, jer sam ja gledala Sisi. Muža, njemačkog ljevičarskog intelektualca, je gotovo pogodila kap.

Po snijegu i ledu nekako smo dopuzali do granice na vrhu brda. Cijela obitelj sjedi u automobilu, a ja vozim. Pokraj zaustavljenih vozila koja se nikud ne pomiču, pokraj ljudi koji uzalud guraju automobile po ledu uzbrdo. Na granici predahnem, sve dok ne dođemo do carine. Jugoslavenski carinici su ovoga puta odlučili, da će zaračunati sve živo. Jugoslavenski, turski, grčki, a vjerojatno i iranski gastarbajteri, svi stoje na granici i preklinju jugoslavensku državu. I ja sam jedna od njih. David uplašeno upita: „Mama, a što ako te u nebesima sluša drug Tito?“

Svi moji Božići

Translated by Ksenija Premur
Contact: ksenija.premur@zg.t-com.hr

SVJEŽI NABUJAK I TOPLA PEĆ

Pijetlovi su se oglasili. Vruće mi je. Okrenem se i ugledam sestru i sestričnu i još jednu sestričnu i dva bratića. Kod bake smo, kod očeve mame. U Bognečem selu. Kakvo ime! Selo koje Bog ne želi. Je li itko čuo za njega? Do njega se ne može doći cestom u automobilu. Otac uvijek pošalje telegram u selo i najavi naš dolazak kakav tjedan dana ranije, prije negoli krenemo na put. Automobil potom ostavimo u obližnjem mjestu u kojem je crkva, škola i pošta, nekoliko kilometara udaljenom od Bognečeg sela, i po nas dođe stric kolima i konjem. Kada se vozimo kroz travnjake i šumu, otac nam uvijek iznova kazuje kako je svako jutro ovdje pješice išao u školu, i zimi, po kiši, vjetru i snijegu.

Mama je otisla na studijsko usavršavanje u Rim i otac nas je na nekoliko dana poslao svojoj mami i mlađoj sestri koja živi na seoskom dobru s mužem i petero djece. U Bogneče selo. Ne znam kako je s mojom mlađom sestrom, ali za mene je taj boravak na selu prava mala patnja. Noću svi mi djeca spavamo na krušnoj peći, ručamo svi, a ne samo djeca, iz velike zdjele koja stoji nasred stola. Žlice su drvene. Kao i uvijek, jedemo krumpir, grah s mahunama i vrhnjem i čvarcima. To znači da sam cijeli dan gladna i tek se uvečer najedem svježeg kruha, koji teta ispeče u krušnoj peći na kojoj potom noću spavamo. Ujesen na njoj suše vrganje i šljive i male kruške za kompot i jabučne kriške.

Zapravo je na selu lijepo. Prije večere mi djeca i žene hodamo s konjima i kravama u dolinu do velikog potoka. Kako se to zove? Napojiti stoku. Dok životinje piju, žene iz sela zahvaćaju vodu iz bunara u velike vrčeve. Njih potom odnose na glavi kući u selo strmim putom u brije. U to selo koje Bog ne voli.

Poslijepodne se mi, djeca, valjamo po snijegu i ponekad se nabacujemo po slami u štaglu, obično tako dugo dok netko ne zaplače. Zatim se na peći igramo

kartama, najradije tarok, a ponekad se igramo čovječe ne ljuti se. Baka nas često promatra kako se igramo. Nešto je čudno s njome. Mojeg oca zasigurno, dajem ruku u vatru za to, najviše voli od sve svoje djece. Mene i sestru očito ne voli. Neprestance nam govori da smo suviše blijede i mršave, te da nemamo nimalo snage. Neprestance nam za uzor pokazuje bratiće. Mislim da našu mamu nekako previše i ne voli, a ja ne znam zašto bi naš otac imao i sina jer smo sestra i ja posve dovoljno. Baku nikada ne pogledam u oči jer se tada odmah poželim vratiti kući i ne želim da opazi moje suze. „Ti razmaženo gradsko dijete“, kaže mi u takvom trenutku. Sjedimo na peći i već po stoti put danas igramo čovjeka ne ljuti se i ja više uopće ne pratim tko varu. Samo još želim otići kući.

Iz kuhinje se začuje vrisak bake i tete. „Dakako da će ga ispeći, već zbog djece će je ispeći. I tako uvijek slušaju kako su drugačiji od ostalih!“ Nikada nisam čula svoju tetu tako bijesnu, a kamoli da bi vikala na svoju mamu. „A što ako netko prođe naokrug i potom sve kaže i u Ljubljani?“ baka je smirivala tetu. „Djeci će ispeći nabujak, kad već ne smiju slaviti Božić“, kaže teta odlučno.

Uvečer donese na stol svježi nabujak. U trenu je sve zaboravljeno. Spavanje s drugom djecom na velikoj peći, krumpir i grah, pa i to da bismo željeli poći kući. Cijela kuća miriše po vrhnju i orasima. Teta zapali svijeću i nožem zareže u nabujak. Vani se čuje pjevanje. Gledamo kroz prozor. Iz susjedove kuće i iz druge susjedove kuće i uopće iz svih seoskih kuća dolaze ljudi sa svijećama, umotani u tople šalove. Susreću se ispred naše kuće, nakratko stoje, a potom kreću putom naprijed. Pjevaju.

„Kamo idu?“ znatiželjno upitam. Baka i teta se pogledaju. „U crkvu, na misu“. „A zašto ne idemo i mi?“ I opet se pogledaju i baka reče: „Zato što je župnik u ratu izdao oca koji je bio u partizanima. Da nas susjed nije upozorio na dolazak Nijemaca, danas bismo svi bili mrtvi, a kuća spaljena. Tako smo se mogli još na vrijeme skrivati u šumi. Dugo, dugo vremena proveli smo pod vedrim nebom.“

Ponovno sjednem za stol i s užitkom jedem nabujak. Rado bih pošla sa susjedima jer bih željela vidjeti to čudo božje od mise. Voljela bih jednom vidjeti crkvu iznutra i silno me zanima što je to molitva. Što ljudi uopće rade u crkvi? Nikakve predodžbe o tome nemam. Ali svejedno, baš mi se nikamo ne žuri. Danas su tu svježi nabujak i topla peć. Vani je mraz. Crkva je predaleko. Ali kad narastem, jednom će doista poći u crkvu za Božić.

NAŠ PRVI NJEMAČKI BOŽIĆ

Šivam malene zavjese, postavljam svjetiljke, pletem sagove za Aninu kućicu za lutke. Kupujem mali štednjak, posuđe, hladnjak, dnevnu sobu, spavaonicu, radne sobe, dječje sobe, a ljuljačku za vrt i bazen za podrum. Zapravo kupujem

sve što mi nemamo i najvjerojatnije, zapravo zasigurno nikada nećemo imati. Da li da kupim i zipku s djetetom? Ne sada, još malo ču pričekati. I tako pročučim cijelu noć pred drvenom kućicom, preslažem pokućstvo ovdje i ondje i prepričim cijelu sobu za glaćanje i šivanje u podrumu. Kućica za Anu. Uvijek me moli da u dnevnoj sobi imamo pravu sofу. Ne tako modernu talijansku, već meku od kože, ili još bolje, od umjetne kože, takvu u koju se zavalis i potom satima ne možeš više ustati iz nje. Tako za cijelu obitelj, kaže Ana.

Misljam da je kućica više-manje u redu i da mogu pripremiti dar za Davida. Legokocke. Ali on zapravo želi bubenjeve. Već me sada boli želudac pri pomisli na njegove oči kada ugleda dječju igračku umjesto bubenjeva. Sve zajedno složim ispod božićne jelke koju su djeca ukrasila već poslijepodne. Stvari preslagujem ovdje i ondje i opet ovdje i ondje. K vragu, zašto Davidu nisam kupila bubenjeve? Bio bi sretan i ja bih bila mirna i život bi barem nekoliko dana bio jednostavan. Jer je i ovako i onako jasno da ču mu ih jednoga dana zasigurno kupiti. Svakog će se trena razdaniti. Znam da neću spavati.

To je, naime, naš prvi njemački Božić. Manja katastrofa. Čim smo došli u tu zemlju, umro mi je otac i David je prestao pjevati. Samo je još pjevao na pogrebu i zatim nikada, nikada više. Ana ne želi govoriti njemački i zato sva djeca u njezinom razredu govore engleski. Očito je ta moja kćer napravljena od željeza. A ja? Bolje će biti da zaboravim na svoju samoću. Po prvi puta u životu neprestance me boli glava, prvi puta uzimam aspirine i noću ne spavam. Ali sve je drugo u redu i slavimo prvi njemački Božić. Uistinu s time nekoliko dana kasnimo, ali to nam je posve svejedno. Šteta, samo šteta da nisam kupila te bubenjeve.

Ne mogu zaspasti. Zašto nisam sa svime malo požurila? Sada bismo već mogli biti u Ljubljani. Previše sam se posvetila šivanju, suviše sam se udubila u pečenje i još više, to moram priznati, u njemačku kulturu. Za Božićne blagdane na televiziji su tri dana zaredom prikazivani filmovi o Sisi, austrijskoj carici. S Romy Schneider u glavnoj ulozi i tako dalje. Još nikada nisam vidjela nijedan od tih filmova i tome su se čudili svi moji njemački znanci. Pa Sisin suprug Franjo Josip, pa Austria, pa Mađarska, pa Alpe i Dunav i njezina bolest. I bolest je lakša ako si bogat. Tako sam i za Božić zakasnila dan-dva, iako to priznajem samo sebi. Zapravo ne znam jesam li posve poštena prema sebi. I u Njemačkoj radim s pacijentima. Izvodim čuda božja, od psihodrame do tai-chija, od joge do bioenergije. Teško sam se privikla na duboke njemačke duše, ne, nisu duboke, ne znam kako bih to rekla, možda bušeće u dubinu, bušeće na svaki način upravo ondje gdje dubine zasigurno nema. I njihova disciplina. Moj se najveći terapijski uspjeh sastoji u tome da na sat s psihoterapijskom grupom zakasnim petnaest minuta i to mi nitko ne prigovori. Ali to se doista rijetko dogodi, a kada se i dogodi, idućih sam petnaest dana sretna. Što znači da sam u ovoj zem-

lji postala vrlo skromna. Ja njima tai-chi, oni meni radost zbog kašnjenja i Sisi. Zapravo su stvari taman pravedno podijeljene.

Izjutra me bude veseli dječji povici. David je, hvala bogu, zaboravio na bubreve i radovao se šarenim igračkama. Ana vodi svoju novu obitelj na šetnju, a ja sam naporna. Opet moram pakirati. Slabo mi je od svih tih selidbi svijetom i uopće više ne mogu niti vidjeti kofere, naprtnjače ni mornarske vreće. Satima koračam gore i dolje kućom i razmišljam što bih sve uzela sa sobom. U posljednje vrijeme kovčuge punim svime, što mi dođe pod ruku, i tako uvijek imamo toliko prtljage da nema dovoljno mjesta za sve. Pa još i darovi za Ljubljani, pa i Ana i David žele sa sobom uzeti svoje nove stvari. Potom se prepiremo. Zlo mi je od svega, zlo mi je od mojih racionalnih odluka jer su se uvijek, ali zaista uvijek, pokazale kao posve pogrešne. Život je sav jedno veselje.

Moj novi suprug nezamislivo je nervozan, zapravo njegova neuroza već graniči sa histerijom. Kažu da je to obično ženska bolest, iako ja u to nisam tako silno uvjerena. Ne znam zašto se opet gura s nama u Ljubljani. Tada se opet treba baviti samo njime i govoriti engleski. Nikako se ne da uvjeriti da i sam ima svoje rođake. Ne dopušta mi ni to malo predaha u glavi. Pa čak i auto vozi vrlo nehajno.

Vozimo se po snijegu i kiši i u koloni. Djeca spavaju ili pjevaju ili su gladni ili moraju na zahod. Zapitkuju koliko je kilometara do Ljubljane, pitaju zašto se nismo odvezli već dan ranije. Jednostavno zato, dragi moji, što sam ja gledala Sisi. Supruga, njemačkog ljevičarskog intelektualca, zamalo udari kap.

Po snijegu i ledu nekako se dovučemo do granice na vrhu brda. Cijela obitelj sjedi u autu, a ja vozim. Mimo vozila koja stoje, koja se nikako ne pomiču, mimo ljudi koji aute uzalud guraju ledom prema gore u brdu. Na granici predahnem sve dok ne dospijemo do carine. Jugoslavenski su carinici u to vrijeme odlučili da će zaračunati sve živo. Jugoslavenski, turski, grčki i ne znam da li i iranski gastarbajteri, svi stoje na granici i proklinju jugoslavensku državu. I ja sam među njima. David prestrašeno upita: „Mama, a što ako te sluša drug Tito na nebesima?“

Al mijn Kerstmissen

Translated by Draga Rinkema
Contact: draga.rinkema4@gmail.com

VERSE POTICA¹ EN WARME OVEN

De hanen lieten van zich horen. Ik heb het heet. Ik draai me om, en in mijn blikveld liggen mijn zus en mijn nicht en nog een nicht en nog mijn twee neefjes. We zijn bij mijn grootmoeder, langs mijn vaders kant. In het dorp Bogeneča vas. Wat een naam ook! Een dorp dat niet in Gods genade is gevallen. Heeft iemand daar ooit van gehoord? Het dorp is niet te bereiken met de auto. Mijn vader stuurt altijd al een week voor we erheen gaan een telegram naar het dorp om onze komst aan te kondigen voordat we daarheen vertrekken. De auto laten we dan altijd staan in een plaatsje nabij, een paar kilometer waar ze ook een kerk hebben en een school en een postkantoor. Onze oom uit Bogeneča vas komt ons halen met paard en wagen. Wanneer we langs de grasvelden en het bos rijden vertelde vader ons vroeger keer op keer dat hij hier elke ochtend lopend naar school moest, ook in de winter door weer én wind, en ook door de sneeuw.

Mijn moeder ging op studiereis naar Rome en mijn vader stuurde ons voor een paar dagen naar zijn eigen moeder en zijn jongere zus. Die woont op de boerderij samen met haar man en vijf kinderen. Wij dus naar Bogeneča vas. Ik weet niet hoe mijn jongere zus hierover denkt, maar wat mij betreft is dit verblijf een regelrechte ramp. 's Nachts slapen wij kinderen met z'n allen op de tegelkachel. Warm eten doen we met z'n allen, niet alleen de kinderen, uit één grote schaal die midden op tafel staat. De lepels zijn van hout. Meestal eten we aardappels en bonen in de peul met room en gebakken spekjes. Dit betekent

1 'Potica' is traditioneel Sloveens gebak met walnoten; het was na de oorlog verboden voor de communisten en hun families om Kerst, met de erbij horende feestelijke potica, te vieren. (Opm. vert.)

voor mij dat ik dan de hele dag honger heb en dat ik me pas 's avonds tegoed doe aan versgebakken brood uit de tegelkachel, door mijn tante gebakken. In de tegelkachel waarop we dan 's nachts slapen. In de herfst drogen ze er eekhoornntjesbrood op, én pruimen én kleine peertjes voor compote en appelschijfjes.

Eigenlijk is het mooi in het dorp. Voor het avondeten gaan we, de vrouwen met alle kinderen, met de paarden en koeien naar het dal tot aan de grote beek. Om ze... hoe heet dat ook al weer? Om het vee te drenken. Terwijl de dieren drinken vullen de vrouwen grote karaffen met water uit de beek. Dit dragen ze dan op hun hoofd langs de steile weg naar huis. Naar het dorp dat niet in Gods genade viel, Bogneča vas dus.

Overdag laten wij kinderen ons vallen in de sneeuw. En soms bekogelen we elkaar met stro in de boerenschuur, meestal net zolang totdat iemand begint te huilen. Daarna gaan we kaarten op de tegelkachel, liefst tarok, soms spelen we ook Mens erger je niet. Grootmoeder kijkt vaak naar ons toe hoe we spelen. Er is iets raars aan haar. Van al haar kinderen houdt ze het meest van mijn vader; daar durf ik mijn hand voor in het vuur te steken. Van mij en mijn zusje houdt ze blijkbaar niet. Ze vertelt ons telkens weer dat we te bleek zijn en te mager en dat we geen kracht in onze lijfjes hebben. De hele tijd wil ze ons onze neefjes als voorbeeld stellen. Ik denk ook dat ze niet echt van onze moeder houdt en ik weet ook niet waarom onze vader van haar nog een zoon zou moeten hebben, we voldoen met mijn zusje toch prima? Ik kijk mijn grootmoeder nooit recht in de ogen want dan zou ik meteen naar huis willen, bovendien wil ik niet dat ze ooit mijn tranen zou zien. Jij verwend stadskind, zegt ze tegen mij in zo'n geval. We zitten dus op die ene tegelkachel en spelen al voor de honderdste keer Mens erger je niet en ik houd helemaal niet meer in de gaten wie weer vals speelt, ik wil alleen maar nog naar huis.

Uit de keuken hoor ik plotseling heibel tussen mijn grootmoeder en tante. »Natuurlijk ga ik potica bakken, al was het maar voor de kinderen, dat ga ik doen. Ze moeten toch al de hele tijd aanhoren dat ze anders zijn dan de rest!« Ik heb mijn tante nog nooit zo boos gezien, laat staan dat ze zo tegen grootmoeder zou uitvallen. »En als er iemand langskomt en gaat klikken in Ljubljana?« probeert mijn grootmoeder nog op een rustige toon. »Als de kinderen al geen Kerst mogen vieren, bak ik potica voor de kinderen,« zegt mijn tante vastberaden.

's Avonds brengt ze ons de versgebakken potica en zet het op tafel. Plotse-
ling is alles weer vergeven en vergeten. Het gezamenlijk slapen met alle andere
kinderen op de tegelkachel, de aardappels met bonen en ook dat ik eigenlijk
graag naar huis had gewild. Het hele huis ruikt naar room en walnoten. Mijn
tante steekt een kaars aan en snijdt de potica aan. Buiten horen we gezang. We

kijken door het raam. Vanuit het huis van de buren, uit een huis verderop en overal vandaan, uit alle huizen in het hele dorp komen mensen aangelopen met kaarsen, warm ingepakt en in dikke sjaals gewikkeld. Ze ontmoeten elkaar voor ons huis, blijven even staan en vervolgen dan hun weg. Ze zingen en blijven zingen.

»Waar gaan ze heen?« vraag ik nieuwsgierig. Mijn grootmoeder en mijn tante kijken elkaar aan. »Naar de kerk, naar de mis.« »En waarom gaan wij niet mee?« Ze kijken elkaar alweer aan en mijn grootmoeder zegt: »Omdat de priester tijdens de oorlog je vader heeft verraden, omdat die met de partizanen vocht. Als we toen niet gewaarschuwd zouden worden door de buurman dat de Duitsers kwamen dan waren we vandaag de dag allemaal dood geweest en het huis zou in vlammen zijn opgegaan. Nu konden we nog op tijd schuilen in het bos. Lang, heel lang hebben we doorgebracht onder de sterrenhemel.«

Ik ga weer eens aan tafel om me de potica opnieuw te laten smaken. Ik wilde zo graag naar de buurvrouw toe om dat godswonder, de mis, mee te kunnen maken. Ik wil graag de kerk eens van binnen zien en ben erg benieuwd wat bidden nou eigenlijk is. Wat doen mensen helemaal in de kerk? Ik kan me daar geen enkele voorstelling van maken. Maar het maakt mij niet uit. Ik heb helemaal geen haast meer. Vandaag is hier verse potica en een warme oven. Buiten is het koud. De kerk is te ver. Maar als ik groter ben zal ik met Kerst echt nog wel eens naar de kerk gaan.

ONZE EERSTE DUITSE KERST

Ik naai kleine gordijnen, plaats lampen en brei tapijten voor Ana's poppenhuis. Ik koop een mini fornuis, wat huisgerei, een koelkast, de inrichting voor een woonkamer, een slaapkamer, werkkamers, kinderkamers, schommels voor in de tuin en een zwembad voor in de kelder. Eigenlijk koop ik alles wat wij niet hebben en waarschijnlijk ook nooit zullen hebben. Zal ik nog een wiegje met een baby'tje erin kopen? Niet nu meteen, ik wacht nog wel even. Dan hurk ik maar voor het houten poppenhuisje, verplaats de meubeltjes over en weer en maak zelfs een naai- en strijkkamertje in orde in de kelder. Het huisje voor Ana. Altijd vraagt ze me of we in de woonkamer ook een echte bank zouden kunnen hebben. Niet zo'n moderne Italiaanse, maar een zachte leren bank of nog beter, van kunstleer, zo één waar je in kunt hangen om er dan urenlang niet vanaf te komen. Eentje voor het hele gezin, zegt Ana.

Ik denk dat het huisje min of meer klaar is en dat ik nu kan beginnen aan het cadeautje voor David. Lego blokjes. Maar eigenlijk wilde hij graag een drumstel. Nu heb ik al last van mijn maag bij het idee hoe zijn blik versombert

op het moment dat hij geen drums zal aantreffen bij het uitpakken van zijn cadeau. Ik plaats alles bij elkaar onder de kerstboom, die de kinderen al 's middags versierd hebben. De spulletjes verplaats ik van hier naar daar en dan weer van daar naar hier. Verdomd nog aan toe, waarom heb ik dat drumstel toch niet gekocht voor David? Hij zou gelukkig zijn en ik rustig en het leven zou tenminste voor een paar dagen eenvoudig zijn. Het spreekt voor zich dat ik het ooit toch voor hem zal kopen. Nu kan ik gaan slapen. Nog even en dan wordt het licht. Ik weet het nu al, dat ik niet in slaap zal komen.

Dit is namelijk onze eerste Duitse Kerst. Een lichte ramp. Meteen nadat we naar dit land verhuisden overleed mijn vader en stopte David met zingen. Alleen nog op de begrafenis heeft hij gezongen en daarna nooit maar dan ook nooit meer. Ana wil geen Duits spreken en daarom praten ze in haar klas allemaal Engels. Klaarblijkelijk is mijn dochter van ijzer. En ik? Het is beter dat ik mijn eenzaamheid vergeet. Voor het eerst in mijn leven heb ik constant hoofdpijn, voor het eerst slik ik aspirine aan de lopende band en slaap ik 's nachts niet. Voor de rest is het goed en vieren we onze eerste Duitse Kerst. We zijn er weliswaar een dag of wat te laat mee, maar dat hindert niet. Alleen is het jammer, het is nou toch echt jammer dat ik dat drumstel niet gekocht heb.

Ik kan niet in slaap vallen. Waarom heb ik me niet iets meer gehaast om iets eerder klaar te zijn? Dan konden we al in Ljubljana zijn. Ik maakte me te druk met al dat genaai en hield me teveel bezig met bakken en erger nog, dit moet ik toegeven, ik ging me dus verdiepen in de Duitse cultuur. Tijdens de kerstdagen was op de Duitse televisie drie dagen achter elkaar de film over Sissi, de Oostenrijkse prinses. Met Romy Schneider in de hoofdrol enzovoorts. Tot grote verbazing van al mijn Duitse kennissen heb ik nog nooit één van deze films gezien. En dan Sissi's man Franz Jozef én Oostenrijk én Hongarije én de Alpen én de Donau én haar ziekte. Zelfs ziek zijn is gemakkelijker als je rijk bent. Zo was ik ook een dag of twee te laat voor de Kerst maar dit geef ik alleen maar toe aan mezelf. Eigenlijk weet ik niet of ik wel helemaal eerlijk naar mezelf ben. Hier in Duitsland werk ik met patiënten. Ik verricht Gods wonderen, van psychodrama therapie tot aan Thai Chi, van yoga tot aan bio-energie nog aan toe. Ik had moeite om aan de diepe Duitse zielen te wennen, nee, ze zijn niet diep, dit moet ik even goed zeggen, misschien is dit spijkers op laag water zoeken, gravend in ieder geval vooral daar waar zeker geen diepte is. En hun discipline. Mijn grootste therapeutische succes zit daarin dat ik een kwartier te laat kom voor een sessie met mijn psychodrama groep en er helemaal niemand is die mij dit dan verwijt. Maar dat gebeurt heel zelden. Als het gebeurt dan ben ik de komende vijftien dagen gelukkig. Wat wil zeggen dat ik in dit land uitermate bescheiden ben geworden. Een goede ruil, ik voor hen de Tai Chi, zij voor mij dat plezier om te laat komen en Sissi uiteraard. Eigenlijk is dit een eerlijke verdeling, wel beschouwd.

In de ochtend word ik wakker door het vrolijk gegil de kinderen. David is godzijdank zijn drums vergeten en lijkt net zo blij met zijn bonte speelgoed. Ana neemt haar nieuwe gezin mee uit wandelen en ik ben prikkelbaar. Nu moet ik alweer gaan pakken. Van al dat verplaatsen op de wereld word ik misselijk en ik kan geen koffer meer zien, geen rugzakken en geen draagtassen. Urenlang loop ik door het huis op en neer en denk na over wat ik allemaal wel of niet mee moet nemen. De laatste tijd vul ik mijn koffer met zowat alles wat mij onder handen komt en krijgen we altijd zoveel bagage dat het niet meer in de kofferbak past. Nog cadeautjes voor naar Ljubljana moeten mee en Ana en David willen hun aanwinsten ook nog meenemen. We krijgen ruzie. Ik word dan niet lekker van vanalles, en ik word zeker niet goed van al mijn rationele besluiten, want die pakken altijd, maar dan ook écht altijd verkeerd uit. Hélémaal. Het leven zelf is één en al vreugde.

Mijn nieuwe man is ontzettend zenuwachtig, zijn nervositeit grenst al lichtelijk aan hysterie. Men zegt dat dit meestal een vrouwelijke kwaal is, maar daar ben ik zelf niet erg van overtuigd. Ik zou niet weten niet waarom hij weer met ons mee moet naar Ljubljana. Dan moeten we ons weer alleen met hem bezig houden en Engels spreken. Hij laat zich hoe dan ook niet overtuigen dat hij ook een eigen familie heeft. Zelfs dat beetje ontspanning in mijn hoofd gunt hij me niet en bovendien rijdt hij nogal slordig.

We rijden door de sneeuw én de regen én in de file. De kinderen slapen óf zingen óf hebben trek óf moeten plassen. Ze vragen hoeveel kilometer het nog is tot Ljubljana en ze vragen waarom we niet een dag eerder zijn vertrokken. Simpelweg daarom, mijn liefsten, omdat ik naar Sissi heb gekeken. Mijn man, een Duitse linkse intellectueel, krijgt daar bijna een beroerte van.

Door de sneeuw en ijzel bereiken we ternauwernood de top van de heuvel. Het hele gezin zit in de auto en ik rijd. Langs de stilstaande auto's die maar niet weg kunnen komen, langs de mensen die hun auto's min of meer tevergeefs de heuvel op duwen. Aangekomen bij de grens slaak ik een zucht van verlichting, totdat we bij de douane arriveren. De Joegoslavische douane heeft blijkbaar besloten om deze keer van alles te gaan beladen en moeilijk te doen. De Joegoslavische, Turkse, Griekse en wellicht ook Iraanse gastarbeiders staan stil aan de grens en vloeken over de Joegoslavische staat. Ook ik doe mee. Maar dan vraagt David geschrokken: »Mama, maar wat als kameraad Tito nu in de hemel naar jou zit te luisteren?«

Alle meine Weihnachten

Translated by Tadeja Lackner-Naberžnik
Contact: tadeja@lackner.at

NUSSPOTITZE UND OFENWÄRME

Die Hähne krähen. Mir ist heiß. Ich drehe mich um und erblicke noch meine Schwester und meine Cousine und noch eine Cousine und noch zwei Cousins. Wir sind bei Großmutter, Vaters Mutter. In Bogeneča vas. Was für ein Name! Ein Dorf, das Gott nicht mag. Hat schon jemand davon gehört? Man kann es über keine Autostraße erreichen. Der Vater schickt immer ein Telegramm ins Dorf und kündigt unsere Ankunft etwa eine Woche vorher an, bevor wir uns auf den Weg machen. Das Auto lassen wir dann in einem nahen Ort stehen, wo es eine Kirche, eine Schule und eine Post gibt, ein paar Kilometer vom Dorf Bogeneča vas entfernt. Dann holt uns der Onkel mit Wagen und Pferd ab. Wenn wir über die Felder und durch den Wald fahren, erzählt uns unser Vater jedes Mal aufs Neue, dass er hier zu Fuß zur Schule gegangen war, auch im Winter, bei Regen, Wind und Schnee.

Mama war zur Weiterbildung nach Rom gefahren, und Vater schickte uns für einige Tage zu seiner Mutter und seiner jüngeren Schwester, die mit ihrem Mann und fünf Kindern am Bauernhof lebten. Ins Dorf Bogeneča vas. Ich weiß nicht, wie es meiner jüngeren Schwester geht, aber für mich ist dieser Aufenthalt im Dorf ein echtes kleines Leiden. Nachts schlafen wir Kinder alle am Brotbackofen, und wir essen alle, nicht nur die Kinder, aus einer großen Schüssel, die mitten auf dem Tisch steht. Die Löffel sind aus Holz. Üblicherweise essen wir Kartoffeln, Fisolen mit Rahm und Grammeln. Das bedeutet, dass ich den ganzen Tag Hunger habe und ich mich erst am Abend am frischen Brot sattessen kann, das die Tante im Brotbackofen, auf dem wir dann nachts schlafen, gebacken hatte. Im Herbst werden darauf Pilze, Pflaumen und kleinere Birnen fürs Kompott und Apfelringe getrocknet.

Eigentlich ist es im Dorf schön. Vor dem Abendessen gehen alle Kinder und Frauen mit Pferden und Kühen ins Tal zum großen Bach. Wie heißt das noch? Das Vieh tränken. Während die Tiere trinken, schöpfen die Frauen vom Dorf das Wasser aus der Quelle in große Krüge. Die tragen sie dann am Kopf nach Hause ins Dorf, den steilen Weg bergauf. In jenes Dorf, das Gott nicht mag.

Tagsüber tollen wir Kinder im Schnee herum und manchmal bewerfen wir uns in der Scheune mit Stroh, gewöhnlich so lange, bis jemand zu weinen beginnt. Dann spielen wir auf dem Ofen Karten, am liebsten Tarock, manchmal spielen wir auch Mensch ärgere dich nicht. Die Großmutter beobachtet uns oft beim Spielen. Das ist etwas eigenartig mit ihr. Meinen Vater, da gebe ich meine Hand ins Feuer, liebt sie von ihren Kindern am meisten. Mich und meine Schwester mag sie offenbar nicht. Unentwegt redet sie auf uns ein, wir seien zu blass und zu dünn und dass wir überhaupt keine Kraft hätten. Unentwegt hält sie uns unsere Cousins als Vorbild hin. Ich glaube, sie mag unsere Mutter nicht besonders, und ich weiß nicht warum unser Vater noch einen Sohn haben sollte, wo meine Schwester und ich doch vollauf genügen. Ich schaue der Großmutter nie in die Augen, denn dann wünsche ich mir auf der Stelle nach Hause und ich will nicht, dass sie meine Tränen bemerkt. „Du verwöhntes Stadtkind“, sagt sie in solchen Augenblicken zu mir. Wir hocken am Ofen und spielen heute schon zum hundertsten Mal Mensch ärgere dich nicht, und ich passe nicht mehr auf, wer schummelt. Ich wünsche mir nur noch nach Hause.

Aus der Küche ist das Geschrei von Großmutter und der Tante zu hören. „Selbstverständlich werde ich ihn backen, schon der Kinder wegen werde ich ihn backen. Sie müssen sich so schon ständig anhören, dass sie anders sind als die anderen!“ Noch nie habe ich meine Tante so wütend erlebt, geschweige denn, dass sie ihre Mutter angebrüllt hätte. „Und was, wenn jemand vorbei kommt und das womöglich noch in Ljubljana herumerzählt?“, versucht die Großmutter sie zu beruhigen. „Ich werde eine Potitze für die Kinder backen, wenn sie schon kein Weihnachten haben dürfen“, sagt die Tante entschlossen.

Abends stellt sie die frische Nusspotitze auf den Tisch. Im Nu ist alles vergessen. Das Schlafen auf dem Ofen mit den anderen Kindern, die Kartoffeln und die Fisolen und auch, dass ich mir nach Hause wünschte. Das ganze Haus duftet nach Rahm und Nüssen. Die Tante zündet eine Kerze an und schneidet die Potitze an. Von draußen hört man Singen. Wir schauen durchs Fenster. Aus dem Nachbarhaus und auch aus dem anderen Nachbarhaus und überhaupt aus allen Häusern des Dorfes kommen Menschen mit Kerzen heraus, in dicke Schals eingemummt. Sie treffen sich vor unserem Haus, bleiben kurz stehen und setzen dann den Weg fort. Sie singen. „Wohin gehen sie?“ frage ich neugierig. Die Großmutter und die Tante wechseln ihre Blicke. „In die Kirche, zur Messe.“ „Und warum gehen wir nicht auch hin?“ wieder wechseln sie ihre Bli-

cke und Großmutter sagt: „Deswegen, weil der Pfarrer im Krieg den Vater verraten hat, der bei den Partisanen war. Wenn uns der Nachbar nicht gewarnt hätte, dass die Deutschen kommen, wären wir heute alle tot und das Haus niedergebrannt. So aber konnten wir uns noch rechtzeitig in den Wald flüchten. Lange, sehr lange lebten wir unter freiem Himmel.“

Ich setze mich wieder zum Tisch und genieße die Nusspotitze. Ich wäre gern mit den Nachbarn gegangen, weil ich gerne die Messe dieses Wunder Gottes gesehen hätte. Ich hätte gerne einmal die Kirche von innen gesehen und es interessierte mich brennend, was denn das Gebet sei. Was treiben die Leute überhaupt in der Kirche? Ich habe keinerlei Vorstellung davon. Aber egal, ich habe es überhaupt nicht eilig. Heute gibt es frische Potitze und einen warmen Ofen. Draußen ist es kalt. Die Kirche ist zu weit. Doch wenn ich groß bin, gehe ich bestimmt einmal zu Weihnachten in die Kirche.

UNSER ERSTES DEUTSCHES WEIHNACHTEN

Ich nähe kleine Vorhänge, stelle Lichter auf, stricke Teppiche für Annas Puppenhaus. Ich kaufe einen kleinen Herd, Geschirr, einen Kühlschrank, ein Wohnzimmer, ein Schlafzimmer, ein Arbeitszimmer, ein Kinderzimmer, Schaukeln für den Garten und ein Schwimmbecken für den Keller. Eigentlich kaufe ich alles, was wir nicht haben und wir wahrscheinlich, eigentlich mit Sicherheit, niemals haben werden. Soll ich noch eine Wiege mit einem Baby kaufen? Nicht jetzt, ich werde noch warten. So verbringe ich die ganze Nacht vor dem Holzpuppenhaus, stelle die Möbel hierhin und dorthin und richte sogar ein Bügel- und Nähzimmer im Keller ein. Ein kleines Haus für Anna. Immer schon wünschte sie sich ein echtes Sofa im Wohnzimmer. Nicht so ein modernes italienisches, sondern ein weiches aus Leder, oder noch besser aus Kunstleder, in das man sich hineinkuschelt und von dem man dann stundenlang nicht mehr aufstehen kann. So eines für die ganze Familie, sagt Anna.

Ich denke, dass das Puppenhaus im Großen und Ganzen in Ordnung ist und ich das Geschenk für David vorbereiten kann. Legosteine. Aber eigentlich wünschte er sich Trommeln. Schon jetzt zieht sich mein Magen bei dem Gedanken zusammen, wenn ich an seine Augen denke, wenn sie das Kinderspielzeug an Stelle der Trommeln erblicken werden. Alles zusammen wird unter den Weihnachtsbaum gelegt, den die Kinder schon am Nachmittag geschmückt hatten. Ich ordne es immer wieder neu, von hier nach da, von da nach dort. Zum Teufel, warum habe ich für David keine Trommeln besorgt? Er wäre glücklich und ich ruhig und das Leben wäre zumindest für ein paar Tage unkompliziert. Es liegt doch sowieso auf der Hand, dass ich sie ihm eines Tages

kaufen werde. Jetzt kann ich ins Bett. In Kürze bricht der Tag an. Ich weiß, dass ich nicht einschlafen werde können.

Das ist nämlich unser erstes deutsches Weihnachten. Eine kleinere Katastrophe. Gleich als wir in dieses Land kamen, starb mein Vater und David hatte aufgehört zu singen. Nur noch beim Begräbnis hatte er gesungen, und dann nie, nie wieder. Ana will nicht deutsch sprechen, deshalb sprechen alle Kinder in ihrer Klasse englisch. Allem Anschein nach ist diese meine Tochter mit eisernem Willen gesegnet. Und ich? Besser ich vergesse meine Einsamkeit. Zum ersten Mal in meinem Leben habe ich ständig Kopfschmerzen, zum ersten Mal nehme ich Aspirin und kann nachts nicht schlafen. Doch sonst ist alles in Ordnung und wir feiern das erste deutsche Weihnachten. Zwar sind wir in der Tat etwas zu spät dran, doch das ist uns vollkommen egal. Schade, wirklich schade, dass ich diese Trommeln nicht gekauft habe.

Ich kann nicht einschlafen. Warum habe ich mich mit allem nicht etwas mehr beeilt. Wir könnten jetzt schon in Ljubljana sein. Zu lange habe ich mit dem Nähen aufgehalten, zu viel Zeit mit dem Backen zugebracht, und noch mehr, das muss ich zugeben, der deutschen Kultur gewidmet. Zu den Weihnachtsfeiertagen brachte das Fernsehen an drei aufeinanderfolgenden Tagen die Filme von Sissy, der österreichischen Kaiserin. Mit der Romy Schneider in der Hauptrolle und so weiter. Diese Filme hatte ich noch nie gesehen, darüber waren alle meine deutschen Bekannten verwundert. Und Sissys Mann Franz-Joseph, und Österreich, und Ungarn, und die Alpen und die Donau und ihre Krankheit. Sogar Krankheit ist leichter zu ertragen, wenn man reich ist. So habe ich auch Weihnachten um ein oder zwei Tage verpasst, doch das gestehe ich nur mir selber ein. Eigentlich weiß ich nicht, ob ich mir gegenüber ganz ehrlich bin. Hier in Deutschland arbeite ich mit Patienten. Ich vollbringe wahre Wunder, vom Psychodrama über Tai-Chi, vom Yoga bis zur Bioenergie. Ich konnte mich nur schwer an die tiefgründige deutsche Seele gewöhnen, nein, sie ist nicht tiefgründig, ich finde die Worte nicht, vielleicht in die Tiefe bohrend, auf jeden Fall dort bohrend, wo es mit Sicherheit keine Tiefe gibt. Und ihre Disziplin. Mein größter therapeutischer Erfolg liegt darin, dass ich mich zur Gruppenpsychotherapie um fünfzehn Minuten verspätet und mir das niemand übel nimmt. Doch das kommt wirklich selten vor, und wenn es vorkommt, bin ich für die nächsten fünfzehn Tage glücklich. Was heißen will, dass ich in diesem Land ausgesprochen bescheiden geworden bin. Für sie Tai-Chi, für mich die Freude am Zu-Spät-Kommen und Sissy. Genau genommen sind die Dinge durchaus gerecht aufgeteilt.

Am Morgen weckt mich fröhliches Kindergeschrei. David hat Gott sei gedankt, auf die Trommeln vergessen und freut sich über das bunte Spielzeug. Ana führt ihre neue Familie spazieren und ich bin unlediglich. Ich muss wieder

packen. Dieses Herumwandern in der Welt verursacht mir Übelkeit und ich kann keine Koffer, keine Rucksäcke und auch keine Seesäcke mehr sehen. Eine geschlagene Stunde gehe ich im Haus auf und ab und überlege, was mitzunehmen ist. In letzter Zeit fülle ich die Koffer mit allem an, was mir unter die Hände kommt, so habe ich jedes Mal so viel Gepäck, dass nicht alles ins Auto passt. Dann noch die Geschenke für Ljubljana, obendrein wollen Ana und David ihre Neuerrungenschaften mitnehmen. Dann streiten wir. Ich habe von allem bis zum Überdruss genug, ich habe genug von meinen rationalen Entscheidungen, denn sie haben sich noch immer, wirklich immer, als völlig falsch erwiesen. Das Leben ist eine einzige Freude.

Mein neuer Mann ist ungeheuer nervös, eigentlich grenzt seine Nervosität schon an Hysterie. Man sagt, dass das üblicherweise eine weibliche Krankheit ist, doch bin ich davon nicht sehr überzeugt. Es ist mir nicht klar, warum er wieder mit uns nach Ljubljana drängt. Dann muss man sich wieder nur mit ihm beschäftigen und englisch sprechen. Es ist unmöglich, ihn davon zu überzeugen, dass er auch selbst Verwandte hat. Nicht einmal dieses wenig an geistiger Ruhe vergönnt er mir. Und obendrein seine geradezu fahrlässige Fahrweise.

Wir fahren durch Schnee und Regen und im Kolonnenverkehr. Die Kinder schlafen, oder sie singen, oder sie sind hungrig, oder müssen auf die Toilette. Sie fragen, wie viele Kilometer es noch bis nach Ljubljana sind, sie fragen, warum wir nicht schon einen Tag früher gefahren sind. Ganz einfach deshalb, meine Lieben, weil ich Sissy geschaut habe. Den Mann, ein deutscher linkslastiger Intellektueller, trifft fast der Schlag.

Über Schnee und Eis gelingt es uns irgendwie, die Grenze oben am Berg zu erreichen. Die ganze Familie sitzt im Auto und ich fahre. Vorbei an stehenden Autos, die sich nirgendwohin bewegen, vorbei an Menschen, die ihre Fahrzeuge ohne Erfolg die vereiste Straße bergen schieben. An der Grenze atme ich auf, bis wir den Zoll erreichen. Die jugoslawischen Zollbeamten haben diesmal beschlossen alles, was nicht niet- und nagelfest ist, zu verzollen. Jugoslawische, türkische, griechische und möglicherweise sogar iranische Gastarbeiter, alle stehen an der Grenze und verfluchen den jugoslawischen Staat. Auch ich bin darunter. David fragt verschreckt: „Mama, und was, wenn dich Genosse Tito im Himmel hört?“

Mindegyik karácsonyom

Translated by Gergely Bakonyi
Contact: gergelybakonyi@yahoo.com

FRISS POTICA¹ ÉS MELEG KEMENCE

Megszólaltak a kakasok. Melegem van. Megfordulok, és megbámulom a húgomat, az unokatestvéremet, aztán még egy unokatestvéremet, aztán ezek két fiáról. A nagymamánál vagyunk, apa anyjánál. Bogneča vas-ban. Micsoda név! Falu, amit Isten nem akar.² Hallott már róla valaki? Autóúton nem lehet odajutni. Apa mindig táviratot küld a faluba, vagy egy héttel korábban jelzi érkezésünket, mint ahogy útra kelünk. Az autót aztán egy közelű helyen hagyjuk, néhány kilométerrel odébb Bogneča vas-tól, ahol van templom, iskola és posta, a nagybátyám pedig szekérrel és lóval jön értünk. Amikor az erdőn és a mezőkön megyünk át, apa minden újra elmondja, hogy minden reggel itt gyalogolt az iskolába, télen is, esőben, szélben és hóban.

Anya tanulmányi kötelezettségek miatt Rómába ment, és apa elküldött minket néhány napra az anyjához és a húgához, aki egy parasztbirtokon él a férjével és öt gyerekével. Bogneča vas-ba. Nem tudom, hogy van ezzel a húgom, de számonra az itt-tartózkodás igazi kis kínzszenvedés. Éjszaka, mi gyerekek, mindenkorban a sütökemencénél alszunk, enni mindenkorban, nem csak a gyerekek, az asztal közepén álló nagy tálból eszünk. A kanalak fából vannak. Általában krumplit eszünk, párolt zöldbabot tejföllel és pörccel. Ez azt jelenti, hogy egész nap éhes vagyok, és csak este lakom jól friss kenyérrel, amit a nagynéném süt a kemencében, amin aztán éjszaka alszunk. Összel ezen szárítanak vargányát és szilvát és kis körtét a kompóthoz és az aszalt almászeletekhez.

¹ Bejgliszerű sütemény, kelt térszával készült. (Fordítók figyelmét)

² Bog: 'Isten', noče: 'nem akar', vas: 'falu'. (Fordítók figyelmét)

Igazából a faluban kellemes. Vacsora előtt lemegyünk mindannyian gyerekek és az asszonyok a lovakkal és a tehenekkel a völgybe a nagy patakhoz. Hogy is mondják ezt? Állatokat itatni. Amíg az állatok isznak, a falusi asszonyok a nagy korsókba vizet húznak a kútból. Ezeket aztán a fejükön viszik a meredek úton a hegyre, haza a faluba. Abba a faluba, amelyet Isten nem kedvel.

Nappal mi gyerekek a hóban birkózunk, és időnként szalmával dobálózunk a pajtában, rendszerint addig, amíg valaki el nem kezd sírni. Aztán a kemencén kártyázunk, általában tarokkozunk, és időnként Ki nevet a végén?-t is játszunk. A nagymama sokszor megfigyel bennünket a játék alatt. Valami furcsa van vele. Apámat szereti legjobban mindegyik gyermeké közül, szinte tűzbe teszem ezért a kezemet. Engem és a húgomat láthatóan nem kedvel. Folyamatosan mondja nekünk, hogy túl fehérek vagyunk és túl vékonyak, és hogy nincs semmi erőnk sem. Folyamatosan az unokafivréinket állítja elénk példának. Azt hiszem, anyánkat valahogy nem nagyon szereti, és nem tudom, miért kellene apánknak még egy fiú, hiszen a húgommal mi ketten tökéletesen eleget vagyunk. Soha nem nézek a nagymama szemébe, mert ha azt tenném, azonnal hazavágynék, és nem akarom, hogy észrevegeye a könnyeimet. – Te elkényeztetett városi gyerek – mondja ebben a pillanatban. A kályhán ülünk, és már századszor játszunk Ki nevet a végén?-t, és én egyáltalán nem nézem, ki csal. Már csak hazavágym.

A konyhából kihallatszik a nagymama és a nagynéni kiabálása. – Természetesen meg fogom sütni, már csak a gyerekek miatt is meg fogom sütni. Mindig azt hallják, hogy mások, mint a többiek! – Soha nem hallottam a nagynénemet ilyen mérgesnek, mi több, hogy kiabáljon a saját anyjával. – És mi van, ha valaki erre jár, és aztán elmondja Ljubljánában? – csitítja őt a nagymamám. – Sütni fogok a gyerekeknek poticát, ha már nem lehet karácsonyuk – mondja a nagynéném elszántan.

Este friss poticát hoz az asztalhoz. Egy pillanat alatt minden feledésbe merül. A többi gyerekkel való alvás a nagy kemencén, a krumpli és a bab, és az is, hogy szívesen hazamennék. Az egész házat betölti a tejszín és a dió illata. A nagynéném gyertyát gyújt, és a késsel megvágja a poticát. Kint ének hallatszik. Kinézünk az ablakon. A szomszéd házából és a másik szomszéd házából, és egyáltalán a falu minden házából gyertyákkal, meleg sálakba burkolózva érkeznek az emberek. A házunk előtt találkoznak, kicsit megállnak, és útnak indulnak tovább. Énekelnek.

– Hova mennek? – kérdezem kíváncsian. A nagymamám és a nagynéném összenéznek. – A templomba, misére. – És miért nem megyünk mi is? – Megint összenéznek, és a nagymamám azt mondja: – Azért, mert a plébános a háború alatt elárulta az apádat, aki partizán volt. Ha a szomszéd nem figyelmezeti minket, hogy jönnek a németek, ma mindenki halott lenne, és a házat felgyújtották

volna. Így még időben el tudtunk bújni az erdőben. Hosszú, hosszú ideig éltünk a szabad ég alatt.

Ismét leülök az asztalhoz, és élvezettel eszem a poticát. Szívesen mennék a szomszédokkal, mert szeretnék isteni csodát látni a misén. Szeretnék látni egyszer templomot belülről, és rendkívül érdekel, mi az az imádság. Mit csinálnak egyáltalán az emberek a templomban? Nincs semmiféle elképzelésem erről. De mindegy is, igazán sehol sem sietős. Ma itt van a friss potica és a meleg kemence. Kint fagy van. A templom túl messze. De ha nagy leszek, egyszer tényleg elmegyek a templomba karácsonykor.

AZ ELSŐ NÉMETORSZÁGI KARÁCSONYUNK

Kis függönyöket varrok, lámpákat teszek fel, szőnyegeket készítik Ana babaházához. Kis tűzhelyt, edényt, hűtőt, nappali szobát, hálót, dolgozószobát, gyerek-szobát vásárolok, hintát a kertbe és medencét a pincébe. Igazából minden megvesznek, amink nincs, és valószínűleg, igazából biztosan, nem is lesz soha. Vegyek még bölcsőt csecsemővel? Nem most, még egy kicsit várni fogok. Így szószmötölök egész éjjel a fa házacska előtt, felállítom ide-oda a bútorokat, és egész szobát rendezek be a pincébe a varráshoz és a vasaláshoz. Babaház Anának. Mindig azt kéri, hogy legyen a nappalinkban igazi szófa. Nem az a divatos, olasz, hanem puha, bőrből vagy még inkább műbőrből készült, olyan, amilyenbe ha befészke-lődpsz, órákon át nem tudsz kiszállni. Az egész családnak, mondja Ana.

Azt gondolom, hogy a babaház többé-kevésbé rendben van, és előkészíthetem David ajándékát. LEGO-kockákat. Bár igazából dobot szeretne. Már most gyomorgörcsöm van, ha a tekintetére gondolok, amikor meglátja a gyerekjátékot a dob helyett. Mindent a karácsonya alá helyezek, amit a gyerekek délután díszítettek fel. Innen oda rakkatatom a dolgokat, majd megint onnan ide. A fennébe, miért nem vettet Dávidnak dobot? Boldog lenne, és én nyugodt, és az élet legalább néhány napig egyszerűbb volna. Hiszen így is, úgy is világos, hogy egy nap biztosan megveszem neki. Most lehetek aludni. Hamarosan hajnalod-ni fog. Tudom, hogy nem fogok elaludni.

Ez ugyanis az első németországi karácsonyunk. Egy kisebb katasztrófa. Azonnal ahogy ebbe az országra jöttünk, meghalt az apám, és Dávid abbahagyta az éneklést. Csak a temetésen énekelt még, és utána soha, soha többé. Ana nem akar németül beszálni, és ezért minden gyerek az osztályában angolul beszél. Szemmel látható, hogy ez az én lányom vasból van. És én? Jobb, ha elfeledkezem a magányomról. Először az életben szüntelenül fáj a fejem, először szedek Aszpirint, és éjszaka nem alszom. De egyébként minden rendben, és az első németországi karácsonyunkat ünnepeljük. Igaz ugyan, hogy néhány napot ké-

sünk, de hát nekünk úgyis teljesen mindegy. Kár, nagy kár, hogy nem vettetem meg azt a dobot.

Nem tudok elaludni. Miért nem siettem mindenkel egy kicsit jobban? Most már Ljubljánában lehetnékn. Túl sok időt töltöttem a varrással, túlságosan elmerültem a sütésben, és még jobban, ezt be kell vallanom, a német kultúrában. A karácsonyi ünnepek alkalmából Sissiről, az osztrák császárnéről szóló filmet játszottak egymás után a televízióban. Romy Schneiderrel a főszerepben, és így tovább. Még soha sem láttam egy részt sem ezekből a filmekből, amin minden német ismerősöm csodálkozott. És hát Sissi férje, Ferenc József és Ausztria és Magyarország és az Alpok és a Duna és a betegsége. Még a betegség is könnyebb, ha gazdag vagy. Így késtem le egy vagy két nappal a karácsonyt, noha ezt csak magamnak vallom be. Igazából nem tudom, becsületes vagyok-e magammal szemben. Itt Németországban páciensekkel dolgozom. Földöntűli csudákkal foglalkozom, a pszichodrámától a thai chi-ig, a jóga-tól a bioenergiáig. Nehezen szoktam meg a mély német lelket, nem, nem mély, nem tudom, hogyan mondjam, talán mélység felett kerengő, a kerengő minden bizonnal igaz ott, ahol mélység egészen biztosan nincs. És a fegyelmezetség. A legnagyobb sikereim terapeutaként az, hogy tizenöt percet késik a csoportterápiáról, és senki nem szembesít ezzel. Bár ez ritkán történik meg, és amikor mégis megesik, a következő tizenöt napban boldog vagyok. Ami azt jelenti, hogy kivételesen szerényé váltam ebben az országban. Én nekik a tai chi-t adom, ők nekem a késés örömet és Sissit adják. Igazából a dolgok egészen jól el vannak rendezve.

Reggel boldog gyermekkiáltás ébresztett. David, hál' istennek, elfelejtette a dobot, és örül a színes játékoknak. Ana az új családját viszi sétálni, és én goromba vagyok. Megint pakolnom kell. Rosszul vagyok az összes világjárástól, és egyáltalán nem bírok több bőröndöt, hátizsákat vagy tengerészszákat látni. Óráig járkálok föl és alá a házban, és gondolkodom, mi minden vigyek magammal. Végtére is a bőröndöket teletömök mindazzal, ami a kezem ügyébe akad, és így minden annyi csomagunk van, hogy nem fér el minden az autóban. És még a Ljubljánába szánt ajándékok, és még Ana és David is magával akarja hozni az újdonsült szerzeményeket. Aztán veszekedünk. Rosszul vagyok az egész-től, rosszul vagyok a racionális döntéseimtől, mivel ezekről minden, de tényleg minden kiderült, hogy tökéletesen hibásak. Az élet csupa öröm.

Az új férjem hallatlanul ideges, igazából az idegesége már a hiszteria határán billeg. Azt mondják, ez általában női betegség, noha erről én nem vagyok határozottan meggyőződve. Nem értem, minek erőszakoskodik, hogy megint velünk jön Ljubljánába. Aztán megint csak vele kell foglalkozni, és angolul kell beszélni. Soha nem hagyja meggyőzni magát, hogy neki magának is vannak rokonai. Azt a kis nyugalmat a fejemen, azt sem hagyja meg nekem. És még az autót is figyelmetlenül vezeti.

Hóban, esőben és torlódásban haladunk. A gyerekek alszanak, vagy énekelnek, vagy éhesek, vagy vécére kell menniük. Kérdezgetik, hogy még hány kilométer Ljubljanaig, kérdezgetik, hogy miért nem jöttünk el már egy nappal korábban. Egyszerűen azért, kedveseim, mert én a Sissit néztem. A férjem, a német baloldali értelmiségi majdnem agyvérzést kap.

Valahogy elvánszorgunk a havon és a jégen a határig a hegy tetejére. Az egész család az autóban ül, és én vezetek. Az álló járművek mellett, amelyek semmire sem mozdulnak, emberek mellett, akik hiába tolják az autókat a jégen a hegyre felfelé. A határon fellélegzem, egészen addig, amíg el nem jutunk a várig. A jugoszláv vámosok úgy döntöttek, hogy átvizsgálnak minden létező dolgot. Jugoszláv, török, görög, és nem tudom, talán iráni vendégmunkások, minden állnak a határon, és szidják Jugoszláviát. Én is. David rémültén kérdezi: – Anya, mi van, ha meghall téged Tito elvtárs az égben?

Tutti i miei Natali

Translated by Lucia Gaja Scuteri
Contact: lg.scuteri@gmail.com

POTICA¹ FRESCA E FORNO CALDO

Il canto dei galli mi ha svegliata. Ho caldo. Mi giro e vedo mia sorella e una cugina, un'altra cugina e altri due cugini. Siamo dalla nonna, dalla mamma di papà. Nel villaggio di Bogeneča vas.² Che razza di nome! Il paese che Dio non vuole. Qualcuno l'ha mai sentito nominare? Non ci si può arrivare con l'auto. Papà manda sempre al paese un telegramma una settimana prima della partenza, annunciando il nostro arrivo. La macchina poi la lasciamo in una località vicina, a qualche chilometro di distanza da Bogeneča vas, dove ci sono la chiesa, la scuola e la posta, e dove ci viene a prendere lo zio col carro e il cavallo. Quando attraversiamo i prati e il bosco, papà non manca mai di ripetere di nuovo come proprio passando di qui lui ogni mattina andasse a piedi a scuola, anche d'inverno, con pioggia, vento e neve.

Mamma è andata a un corso di perfezionamento a Roma e papà ci ha mandate per qualche giorno da sua madre e dalla sorella minore, che vive alla fattoria col marito e i cinque figli. A Bogeneča vas. Non so come la pensi mia sorella minore, ma per me questo soggiorno al paese è una vera e propria piccola tortura. Di notte tutti noi bambini dormiamo sul forno del pane e pranziamo tutti, non solo noi bambini, servendoci da una grossa scodella posta al centro del tavolo. I cucchiali sono di legno. Di solito mangiamo patate, fagiolini con panna e

1 Tipico dolce sloveno tradizionale delle feste. Nel testo si parla di quella più diffusa per le feste natalizie, la potica alle noci. La 'c' in sloveno si pronuncia come una z dolce, es. la z in zio. (N.d.T)

2 Pronuncia: Bognetsa vas; paesino della Carniola inferiore realmente esistente sul cui nome l'autrice nel seguito del racconto ironizza dato che Bog significa dio in sloveno e neča deriva dalla forma negativa dell'ausiliare hoteti (avere); tradotto letteralmente significa "il paese che Dio non vuole". La locuzione appesantisce il testo e si è preferito conservare il toponimo originale. (N.d.T)

ciccioli. Il che significa che ho fame per tutto il giorno e solo la sera mi riesco a saziare col pane fresco che la zia cuoce nel forno del pane, su cui poi la notte dormiamo. In autunno vi essiccano funghi porcini e prugne, piccole pere da marmellata e spicchi di mela.

In realtà al paese è bello. Prima di cena tutti noi bambini e le donne portiamo i cavalli e le mucche a valle, fino al grande ruscello. Com'è che si dice? Ad abbeverare il bestiame. Mentre gli animali si abbeverano, le donne del villaggio raccolgono l'acqua del ruscello in grandi brocche. Le trasportano sulla testa fino alla propria casa al villaggio, salendo per il ripido sentiero che porta alla montagna. Al villaggio che a Dio non piace.

Di giorno noi bambini ci buttiamo nella neve e alle volte andiamo nel fienile e ci lanciamo addosso il fieno, di solito finché qualcuno non si mette a piangere. Poi giochiamo a carte sul forno, per lo più i tarocchi, qualche volta giochiamo anche a Non t'arrabbiare. La nonna ci osserva spesso mentre giochiamo. C'è qualcosa di strano in lei. Fra tutti i suoi figli, quasi ci metterei la mano sul fuoco, sicuramente mio padre è il suo preferito! Ma è evidente che non ama particolarmente né me né mia sorella. Ci ripete ininterrottamente che siamo troppo pallide, troppo magre e che siamo prive di forza. Ci esorta ininterrottamente a prendere i nostri cugini maschi da modello. Credo che neanche a nostra madre voglia particolarmente bene e non so perché nostro padre dovrebbe avere un figlio maschio, visto che io e mia sorella bastiamo e avanziamo. Non guardo mai mia nonna negli occhi perché subito dopo mi viene voglia di tornare a casa e non voglio che noti le mie lacrime. "Sei una bambina di città viziata" mi dice in questi momenti. Stiamo seduti sul forno ed è la centesima volta oggi che giochiamo a Non t'arrabbiare e io ho smesso di stare attenta agli imbrogli. Voglio solo andare a casa.

Dalla cucina si sentono le urla della nonna e della zia. "Ma certo che la farò, è proprio per i bambini che la farò. Tanto comunque si sentono sempre dire che sono diversi dagli altri." Non avevo mai sentito la zia così arrabbiata, ancor meno che si mettesse a urlare contro la madre. "E se passa qualcuno e lo va a raccontare a Lubiana?" cercava di calmarla la nonna. "Visto che non possono avere il Natale, almeno faccio la *potica* ai bambini" dice la zia con fermezza.

La sera porta a tavola la *potica* appena uscita dal forno e in un attimo è tutto dimenticato, il dormire con gli altri bambini sul grande forno, le patate e i fagiolini e anche il desiderio di tornare a casa. Per tutta la casa si spande un odore di panna e di noci. La zia accende una candela e affonda il coltello nella *potica*. Da fuori si sente cantare. Ci affacciamo alla finestra. Dalla casa dei vicini e anche dalla casa degli altri vicini e in generale da tutte le case del villaggio giungono persone avvolte in caldi scialli con in mano una candela. Si incontrano davanti casa nostra, si fermano per un po' e poi proseguono lungo il sentiero, cantando.

“Dove vanno?” chiedo piena di curiosità. La nonna e la zia si scambiano un’occhiata. “In chiesa, a messa.” “E perché non andiamo anche noi?” Si lancia-no di nuovo un’occhiata e la nonna dice: “Perché il parroco durante la guerra ha tradito tuo padre che stava tra i partigiani. Se il vicino non ci avesse avvertito che stavano arrivando i tedeschi, oggi saremmo tutti morti e la casa sarebbe stata incendiata. Così invece abbiamo fatto in tempo a nasconderci nel bosco. Per molto, molto tempo abbiamo vissuto all’aperto.”

Mi siedo di nuovo a tavola e mangio la *potica* con gusto. Vorrei andare coi vicini perché vorrei vedere da vicino questo mistero divino della messa. Una volta vorrei vedere una chiesa da dentro e mi incuriosisce tantissimo cosa sia una preghiera. Che cosa faranno mai le persone in chiesa? Non ho alcuna idea a riguardo. Ma non importa, oggi non c’è fretta. Oggi qui ci sono la *potica* fresca e il forno caldo. Fuori fa freddo. La chiesa è troppo lontana. Ma quando sarò grande, una volta ci andrò per davvero in chiesa a Natale.

IL NOSTRO PRIMO NATALE TEDESCO

Cucio piccole tende, posiziono lampadine e intreccio tappeti per la casa delle bambole di Ana. Compro un piccolo fornello, una pentola, il frigo, il soggiorno, la camera da letto, dei piccoli studi, le stanze per bambini, altalene per il giardino e una piscina da mettere in cantina. In realtà compro tutto quello che non abbiamo o che con molta probabilità non avremo mai. Compro pure la culla con neonato? Non ancora, aspetterò un altro po’. Così trascorro tutta la notte inginocchiata davanti alla casetta di legno, sposto i mobili di qua e di là e preparo persino una stanza per stirare e cucire nello scantinato. La casetta per Ana. Mi prega continuamente di comprare un vero divano per il soggiorno. Non uno moderno italiano, bensì uno morbido in pelle, anzi ancora meglio in pelle sintetica, di quelli su cui ti ci butti sopra e poi per ore e ore non riesci più ad alzarti. Un divano per tutta la famiglia, dice Ana.

Penso che la casetta sia più o meno a posto e che possa dedicarmi a preparare il regalo per David. I lego. Ma in realtà lui vorrebbe una batteria. Già adesso mi si stringe lo stomaco al pensiero dei suoi occhi, quando vedrà un giocattolo per bambini invece della batteria. Metto i regali sotto l’albero di Natale che i bambini hanno addobbato nel pomeriggio. Sposto le cose di qua e di là e poi di nuovo di là e di qua. Accidenti, perché non ho preso la batteria a David? Lui sarebbe stato contento e io sarei stata tranquilla e la vita, almeno per qualche giorno, sarebbe stata semplice. Tanto è chiaro che alla fine un giorno gliela comprerò di sicuro. Adesso posso andare a dormire. L’alba sorgerà da un momento all’altro. So che non mi addormenterò.

Questo è infatti il nostro primo Natale tedesco. Una catastrofe minore. Non appena siamo arrivati in questo paese è morto mio padre e David ha smesso di cantare. Ha cantato per un'ultima volta al funerale e poi mai più. Ana si rifiuta di parlare tedesco e per questo tutti i bambini della sua classe parlano in inglese. Evidentemente questa mia figlia è fatta di ferro. E io? Meglio che dimentico la mia solitudine. Per la prima volta nella vita mi fa ininterrottamente male la testa. Per la prima volta nella vita prendo l'aspirina e non dormo la notte. A parte questo è tutto a posto, stiamo festeggiando il nostro primo Natale tedesco. C'è da dire che in realtà siamo in ritardo di qualche giorno, ma non ce ne importa affatto. Solo che peccato, peccato che non abbia comprato quella batteria.

Non riesco a dormire, perché non mi sono affrettata un po' di più? Adesso saremmo potuti già stare a Lubiana. Mi sono dedicata troppo al cucito, sono stata troppo presa dall'in fornare biscotti e ancor di più, devo ammetterlo, mi sono immersa nella cultura tedesca. Per le feste natalizie per tre giorni di seguito alla televisione hanno trasmesso i film di Sissi, l'imperatrice austriaca. Con Romy Schneider nel ruolo protagonista e così via. Non avevo mai visto nessuno di questi film e tutti i miei conoscenti tedeschi ne erano molto sorpresi. E il marito di Sissi Francesco Giuseppe, e l'Austria, l'Ungheria e le Alpi e il Danubio e la sua malattia. Persino la malattia è più facile se sei ricco. Ed è così che ho festeggiato il Natale con un giorno o due di ritardo, ma lo ammetto solo con me stessa. In effetti non so se sono completamente onesta con me stessa. Qui in Germania ho dei pazienti. Faccio miracoli, dallo psicodramma al Tai Chi, dallo yoga alla bioenergia. Mi sono abituata con difficoltà alle profonde anime tedesche, no, non sono profonde, come potrei dire, forse che penetrano in profondità, che in ogni caso penetrano proprio nel punto in cui non c'è alcuna profondità. E la loro disciplina. Il mio più grande successo terapeutico sta nel fatto che a una seduta psicoterapeutica di gruppo della durata di un'ora se sono in ritardo di quindici minuti nessuno mi dice niente. Ma è anche vero che questo accade molto di rado e, quando succede, per i successivi quindici giorni sono felice. Il che significa che in questo paese sono diventata estremamente modesta. Io gli do il Tai Chi e loro mi danno il piacere del fare tardi e Sissi. A dire il vero è un buono scambio, le cose sono equamente suddivise.

Al mattino mi svegliano allegre voci infantili. David, grazie al cielo, ha dimenticato la batteria e si rallegra dei giochi colorati. Ana porta la sua nuova famiglia a spasso mentre io sono di cattivo umore. Devo di nuovo fare le valigie. Non ne posso più di tutti questi spostamenti per il mondo e non posso soffrire la vista né di valigie, né di zaini né di borsoni. Per ore cammino su e giù per la casa e rimugino su cosa portare con me. Negli ultimi tempi riempio le valigie di qualsiasi cosa mi finisce sotto le mani e così abbiamo sempre così tanti bagagli che non ci entrano tutti in macchina. E anche i regali per Lubiana e poi anche

Ana e David che vogliono portarsi appresso i loro nuovi possedimenti. E poi finisce che litighiamo. Sto male al pensiero di tutto, sto male per le mie decisioni razionali, perché si sono sempre, ma davvero sempre, rivelate essere completamente sbagliate. La vita è proprio un piacere continuo.

Il mio nuovo marito è terribilmente nervoso, in realtà il suo è un nervosismo al limite dell'isteria. Dicono che di solito sia una malattia femminile, ma io non ne sono del tutto convinta. Non so perché insista di nuovo nel venire con noi a Lubiana. Poi bisogna di nuovo occuparsi solo di lui e parlare in inglese. Non si fa convincere in alcun modo che ha anche lui dei parenti. Non mi concede neanche quel po' di relax mentale e poi guida proprio distrattamente.

Guidiamo tra neve, pioggia battente e in mezzo al traffico. I bambini dormono oppure cantichiano oppure hanno fame oppure devono andare in bagno. Chiedono quanti chilometri manchino fino a Lubiana, perché non siamo partiti il giorno prima. Semplicemente, cari miei, perché stavo guardando Sissi. A mio marito, intellettuale tedesco di sinistra, viene quasi un infarto.

Alla fine tra ghiaccio e neve in qualche modo riusciamo a raggiungere il confine sulla cima della montagna. Tutta la famiglia sta seduta in macchina e sto io alla guida. Oltrepassiamo auto ferme che non si spostano di un millimetro e persone che spingono invano le auto in salita, su per la montagna e sul ghiaccio. Al confine tiro un sospiro di sollievo; finché non arriviamo alla dogana. I doganieri jugoslavi stavolta hanno deciso che ci faranno scontare di tutto e di più. *Gastarbeiter*³ jugoslavi, turchi, greci e chissà, forse anche iraniani, tutti sono fermi al confine e imprecano contro lo stato jugoslavo. E io con loro. David spaventato chiede: "Mamma, e se il compagno Tito ti sente dal cielo?"

³ In tedesco nell'originale. Lavoratori ospiti, immigrati. (N.d.T.)

クリスマスの思い出

Translated by Jun Mita
Contact: junmitalcfr@hotmail.com

焼きたてのクルミケーキと温かいパン焼き釜

鶏が鳴いた。暑い。寝返りを打つと、妹と従姉妹、さらにもう一人の従姉妹に二人の従兄弟の姿が目に入った。私たちは祖母のところにいる。父のお母さんの家。「ボグネーチャ・ヴァス」という村。変な名前。「神(ボグ)の望まぬ(ネーチャ)村(ヴァス)」だなんて。この村を知ってる人なんているのかしら。この村には車で行けない。父は村に電報を打ち、私たちが行くことを出発の一週間くらい前には知らせていた。そして車は近くの街に置いていく。ボグネーチャ・ヴァスから数キロほど離れたここには教会や学校、郵便局があって、叔父が馬に車を引かせて迎えに来てくれる。野原や森を抜けて行く時、父は決まって毎朝ここを歩いて学校に通ったことを話し出す。冬の日も、雨や風、雪の中を通ったもんだよ。

母さんは研修のためにローマに行ってしまい、父は自分の母と妹の所に数日間私たちをやることにした。ボグネーチャ・ヴァスに。父の妹は、夫と五人の子供たちと農場に住んでいた。私の妹がどう思っていたかは分からないけれど、村での生活はちょっと大変だった。夜、子供たちは全員パン焼き釜の上で眠り、昼ご飯は大人も一緒に、食卓の真ん中に置かれた一つの大皿から皆が食べる。スプーンは木製だった。食べるものはジャガイモに、サワークリームとカリカリに揚げたベーコンを添えたサヤインゲンと決まっていた。そんなわけで、私は一日中おなかを空かせているのが常で、焼き立てのパンをおなかいっぱい食べられるのは晩御飯の時だけだった。パンは、私たちが寝床にしている焼き釜で叔母さんが焼いてくれた。秋にはこの釜の上で、キノコやジャム用のプラムと小ぶりの洋梨、そして薄く切ったリンゴを乾かした。

実のところ、村の生活はすてきだった。晩御飯前には、馬や牛を連れて子供と女たちは幅の広い小川へ行く。何と言うんだったか、そう、家畜の水飼場だ。動物たちが水を飲んでいる間に村の女たちは泉から大きな甕に水を汲んだ。それから女たちはこの甕を頭に載せ、険しい道を歩いて村に持つて帰るのだった。神の好まぬ村へと。

一日中、子供たちは雪の中で転げ回り、時には納屋の中で麦わらを投げ付け合った。誰かが泣き出すまで。それからパン焼き釜の上でトランプをする。よくやったのはタロットで、時々「イライラしないで」¹という名前のボードゲームもした。祖母はよく私たちが遊んでいる所を見ていた。祖母は少し変わった人だった。誓ってもいいくらいだけど、祖母は子供たちの中で父のことを一番好いていた。私と妹のことは好きではないみたいだった。私たちが青白くて瘦せぎすで、ひ弱なことこの上ないといつもこぼしていた。従兄弟たちを見習いなさいとよちゅう言われた。たぶん祖母は私たちの母さんのがあまり好きではなかったのだと思う。どうして父に息子もいなくちゃいけないのか私には分からなかった。私たち姉妹は二人でもう十分満足していたから。祖母の目をまともに見ることは絶対しなかった。そんなことをしたらすぐに家に帰りたくなるし、涙を祖母に気づかれたくなかったから。「おまえは甘やかされた都会っ子だね」と、そんな時に祖母は言うのだ。パン焼き釜の上に陣取って、今日はもう何度も「イライラしないで」をやったけど、誰かズルしていかどうか全く見ていなかった。ただただ、家に帰りたかった。

台所から、祖母と叔母が口論しているのが聞こえてきた。「もちろん焼くわよ。子供たちのためにね。他の子とは違うんだってあの子たちはよちゅう言われてるのよ！」叔母がこんなに怒っているのを聞いたのは初めてだった。自分のお母さんに怒鳴るなんて。「誰かが聞きつけて、リュブリヤーナでも言いふらされたりしたらどうするんだい」と、祖母は叔母をなだめた。「子供たちにクルミケーキを焼くわ。クリスマスを祝えないっていうなら」と叔母は断固として言った。

その晩、焼きたてのクルミケーキが食卓に登場した。その瞬間、いやなことは何もかも忘れてしまった。他の子供たちとパン焼き釜の上で眠らなければならないことや、ジャガイモとサヤインゲンの食事、家に帰りたかったことまでも。生クリームとクルミの香りが家中に広がった。叔母はロウソクに火を灯し、ナイフでケーキを切り分けた。外から歌声が聞こえて、私たちは窓から外を覗いた。近所の家から、別の家からも、村中の家からロウソクを持ち、厚いスカーフで頭を覆った人々が出てきた。彼らはうちの前に集まり、少しの間留まると、歩き出した。歌いながら。

1:ドイツ生まれのボードゲーム。

「みんなどこに行くの？」興味津々で私は訊いた。祖母と叔母は目を見合せた。「教会よ。ミサへ行くの」「なんで私たちは行かないの？」二人はまた視線を交わすと、祖母が言った。「戦争の時、そこの司祭がパルチザンだったお前のお父さんを裏切ったからさ。ドイツ兵が来ることをお隣が教えてくれなかつたら、みんな殺されて家は燃やされていたろうね。おかげで、わしらはすんでの所で森に隠れることができたんだ。宿無しで長いこと生き延びたんだよ」。

私は席に戻っておいしいクルミケーキを食べた。私は近所の人たちと教会に行ってみたかった。ミサで神さまの奇跡を見てみたかったから。一度は教会を中から見てみたかったし、お祈りがどういうものなのかすごく興味があったのだ。みんな教会で一体なにをしてるんだろう。まったく想像がつかなかった。でも大丈夫、急ぐことはない。今日ここには焼きたてのクルミケーキと温かいパン焼き釜がある。外は寒い。教会はとても遠い。でも大きくなったら、いつか絶対に教会に行く。クリスマスの時に。

初めてのドイツ式クリスマス

小さなカーテンを縫う。ランプを立てて、アナにプレゼントする人形の家用の絨毯を編む。小さなかまど、食器、冷蔵庫、応接間、寝室、書斎、子供部屋、庭にはブランコ、そして地下室に置くプールを買った。実の所、全て我が家には無くて、恐らくは一生持てないものばかりだ。赤ちゃん付きの揺りかごも買ってあげるべきかしら。ううん、まだいい。もうちょっと待とう。こんなふうにして私は一晩中、木製の人形の家の前に張り付いていた。家具をあちこちに動かし、地下室にはアイロンがけと縫い仕事用の部屋を設えた。アナのおうち。アナは応接間に本物のソファーが欲しいといつもねだっていた。モダンなイタリアのではなくて、皮製の柔らかなのか、合皮製のだったらもっといい。転げまわれるくらいの大きさので、何時間も寝そべっていたくなるようなソファー。家族全員が座れるようなやつよ、とアナは言った。

人形の家はなかなかいい感じになったので、ダーヴィトのプレゼントの準備に移ることにした。レゴブロックだ。でもダーヴィトが本当に欲しがっているのはドラムセットだった。ドラムの代わりに子供用のおもちゃを見つけた時の彼のまなざしを思うと、早くも胃が痛くなった。皆のプレゼントをクリスマツリーの下に一緒に置いた。ツリーはもう午後の内に子供たちが飾り付けていた。物の配置をいろいろと置き換えてみたりした。まったく、何でダーヴィトにドラムを買ってあげなかつた

のだろう。あの子は喜んだろうし、自分も落ち着けた。少なくとも数日は物事が楽にならうに。いずれにせよドラムはそのうち必ず買ってあげよう。ようやく床に就ける。まもなく夜が明ける。寝付けないことは分かっていた。

ドイツで初めて迎えるクリスマス。それはちょっとした悲劇だった。この国に来るやいなや父が死に、ダーヴィトは歌を止めてしまった。埋葬の時に歌ったきり、二度と歌うことはなかった。もう二度と。アナはドイツ語を話すのを嫌がり、クラスの子供たちが皆英語で話す羽目になった。どうやら娘は鉄でできているらしい。自分はどうだろう。孤独は忘れる方がいい。生まれて初めて偏頭痛に悩まされてアスピリンを服用するようになり、夜は疲れなかった。それを除けば全てが上手く行っていて、ドイツに来て初めてのクリスマスを迎えていた。実は祝うのが数日遅れてしまっていたのだけれど、私たちは全く気にしていなかった。ただ、例のドラムを買わなかったことだけが悔やんでも悔やみきれなかった。

疲れなかった。なぜ、色々な事をもうちょっと急がなかったのか。今頃リュブリヤーナに到着していることだってできたのに。縫い物に時間を費やし過ぎたし、ケーキを焼くことや、さらにはドイツ文化にのめり込みすぎたことを認めざるを得ない。テレビでは三日連続でオーストリア皇妃シシーの映画を放映していた。ロミー・シュナイダーが主役の皇妃エリーザベトを演じているあれば。私がこの映画を見たことがなかったことを知って、ドイツ人の知人たちは皆驚いていた。シシーの夫、皇帝フランツ・ヨーゼフ、オーストリア、ハンガリー、アルプス、ドナウ川に彼女の病。裕福であれば病ですら人より楽になる。そんな調子でクリスマスも一日二日と祝い損ねてしまったのだが、それは私の心にしまっておく。実のところ自分に本当に正直なのかは分からなかった。ここドイツでは患者たちの相手をしている。心理劇に太極拳、ヨガから生体エネルギーまで、ありとあらゆる神のごとき奇跡を起こしている。ドイツ人の精神の奥深さに慣れるのには苦労した。いや、深いという訳ではない。上手く言えないが、深層に向かって掘って進むというのか、深層など決して無い場所を、いずれにしても掘って行くのだ。そしてドイツ人の規律といったら。私の心理療法の最大の成功は、患者グループとの約束の時間に十五分遅れて行っても文句を言われないことだった。しかしそんなことはめったになかったし、もしさればその後十五日は幸せだった。つまるところ、この地で私は非常に控えめな人間になった。私は彼らに太極拳を教え、彼らは私に遅刻をする喜びとシシーを与えてくれた。要するに、役割分担は十分公平になっていたのだ。

翌朝、子供たちの歓声で目が覚めた。ありがたいことに、ダーヴィトはドラムのことを忘れて、カラフルなおもちゃを喜んでくれた。アナは新しい家族を散歩に連れ

て行き、私はといえば不機嫌だった。また荷造りをしないといけないので。引越に伴うごたごたで私は調子が悪く、スーツケースやリュックサック、鞄に目に向けることができなかった。家の中を何時間も上へ下へと歩き回り、何を持っていくか考えていた。最終的に手近にあったものを何でもかんでもスーツケースに突っ込むので、いつも車に入りきらないほどの大荷物になった。その上、リュブリヤーナに持っていくプレゼントもあるし、アナとダーヴィトは新しく手に入れたものを一緒に持つて行きたがった。そして諍いになる。何もかもがうんざりだった。自分の理性的な決断にうんざりしていた。というのも、いつも、本当にいつも完全に間違っていたことが証明されるから。生きているということだけが唯一の喜びだった。

新しい夫はひどく神経質で、ヒステリーの一歩手前だった。ヒステリーは女性の病気だと言うけれど、私はあまり信じていない。なぜ彼が私たちと再びリュブリヤーナに行こうとするのか理解できなかった。また向こうでは彼にかかりつきになつて、英語で話さねばならなくなる。自分にも親戚がいることを彼は決して認めなかつた。彼抜きのささやかな頭の休息ですらも私には許されなかつた。その上、彼の運転は危なっかしい。

雪と雨の中、列をなして車を走らせる。子供たちは眠るか歌うか、あるいは空腹を訴え、時には用を足さねばならなかつた。リュブリヤーナまであと何キロか、なぜもう一日早く出発しなかつたのかと彼らは尋ねる。それはね、子供たち、ただ単に私がシシーの映画を見てたせいなのよ。ドイツの左翼系知識人の夫は卒倒寸前だつた。

雪と氷の中、なんとか丘の上有る国境に辿り着いた。家族は皆車に乗つていて、私が運転していた。立ち往生している自動車や、凍りついた道で車を丘の上まで押して行こうと無駄な努力をしている人々の傍らを通り抜ける。国境に着き、税関に向かうまでの間、ほつと一息ついた。この日、ユーゴスラヴィアの税関職員はありとあらゆるものに關税を課すつもりだった。ユーゴスラヴィア人、トルコ人、ギリシャ人、さらにはイラン出身の外国人労働者だったか、皆が国境に立つてユーゴスラヴィア国家に悪態をついていた。私もその輪の中にいた。ダーヴィトはおずおずと尋ねてきた。「ママ、天国で同志チトーが聞いてたらどうするの？」

Секој мој Божиќ

Translated by Darko Spasov
Contact: polatski@gmail.com

Свежа потица и топла печка

Петлите се разбудија. Жешко ми е. Се вртам и ги гледам сестра ми и братучетка ми и уште една братучетка и уште двајца братучеди. Кај баба сме, по мајкина страна. Во Богнеча Вас. Какво име! Село коешто Бог не го сака. Има некој што слушнал за ова село? До селото не се стигнува со автомобил. Татко ми, секогаш прво ќе испрати телеграма во селото за да го најави нашето доаѓање, и тоа барем една недела пред да појдеме на пат. Автомобилот го оставаме во поблиското место, во кое има црква, училиште и пошта, неколку километри од Богнеча Вас, и по нас доаѓа стрико ни со коњска кола. На поминување низ ливадите и шумата тато секогаш вели дека овде секое утро пеш одел на училиште, па дури и в зима, по дожд, по ветер и снег.

Мајка ми отиде на студиски престој во Рим, па затоа татко ни на неколку дена нè испрати кај неговата мајка и кај помладата сестра, која таму живее со сопругот и петте деца. Во Богнеча Вас. Не знам како е со мојата помлада сестра, но за мене останувањето на село е вистинско мало мачење. Ноќе сите деца спијеме на сиданата печка за леб; сите, дури и ние, децата, ручаме од еден голем сад ставен на средината на масата. Лажиците се дрвени. Обично јадеме компирни, боранија со изварка и џимиринки. Тоа значи дека сум гладна цел ден, па дури навечер ќе се најадам од мекиот леб на тетка ми, печен во печката на којашто спијеме ноќе. Наесен на печката сушат вргањ, сливи и мали крушки за ошав и резниња од јаболки.

Всушност, во селото е убаво. Пред вечерата сите деца и жени ги водиме коњите и кравите во долината, до големиот поток. Како го викаат тоа? Добиток на поило. Додека животните пијат, жените од селото во големи

врчви полнат вода од бунарот. Врчвите потоа ги носат дома, на главите и по стрмната патека воз ридот. Во селото коешто Бог не го сака.

Преку ден децата се фрламе во снегот, а понекогаш се маваме со слама во плевната, и тоа најчесто сè додека некој не заплаче. Потоа на печката играме карти, најчесто тарок, а понекогаш играме и не лути се човече. Баба честопати нè гледа како си играме. Некако ми е чудна. Татко ми, сигурна сум, еве глава сечам, го сака најмногу од сите свои деца. Мене и сестра ми очигледно не нè сака. Постојано ни зборува дека сме бледи и преслаби и дека немаме никаква сила. Постојано ни ги дава како пример братучедите. Мислам дека и мајка ми не ја сака премногу, и не знам зошто татко ми треба да има и син, па ние со сестра ми сме сосема доволни. Баба никогаш не ја гледам в очи, затоа што ако ја погледнам, тогаш веднаш сакам да си отидам и не сакам да ги забележи моите солзи. „Ти разгалено градско дете“, ќе ми рече во таков момент. Седиме на печката и по стоти пат денес играме не лути се човече, а јас веќе дури и не гледам кој мами. Само сакам да си одам дома.

Од кујната се слуша како се расправаат баба и тета. „Се разбира дека ќе ја испечам, па за децата ќе ја испечам. И така цело време слушаат како се различни од останатите!“ Никогаш не сум ја слушнала тета толку лута, а камоли да вика по баба. „А што ако некој случајно чуе и пренесе во Љубљана?“, ја смирува баба. „На децата ќе им испечам потица, кога веќе не смеат да имаат Божиќ!“, одлучно одговори тета.

Вечерта на маса стави свежа потица. За миг сè беше заборавено. Спиењето со другите деца над големата сидана печка, компирите и боранијата, како и тоа дека сакам да си одам дома. Цела куќа мириса на изварка и ореви. Тетка запали свеќа и со нож ја пресече тортата. Надвор се слуша пеење. Гледаме низ прозорецот. Од куќатата на соседот и, исто така, од куќата на другиот сосед, и воопшто од сите куќи во селото се приближуваат луѓе со свеќи, завитканы во топли шалови. Се собираат пред нашата куќа, постојаа така малку и продолжија. Пеат.

- Каде одат? – прашувам љубопитно. Баба и тетка се погледнуваат.
- В црква, на литургија.
- А зошто и ние не одиме?

Повторно се погледнаа и баба рече: „Бидејќи свештеникот за време на војната го издаде тато којшто беше партизан. Да не ни јавеше соседот дека доаѓаат Германците, сега сите ќе бевме мртви и куќата ќе беше запалена. Така, навреме се сокривме во шумата. Долго, долго време поминавме под отворено небо.“

Седнувам на маса и со сласт си јадам потица. Сакам да одам со соседите. И јас би сакала да го видам тоа божјо чудо од литургија. Би

сакала еднаш да видам црква од внатре и многу ме интересира што е тоа молитва. Што прават луѓето в црква? Немам никаква претстава за тоа. Ама сеедно, никаде не ми се брза. Денеска пред мене има свежа потица и топла печка. Надвор е студено. Црквата е предалеку. Но, кога ќе пораснам, еден ден навистина ќе појдам в црква за Божик.

Нашиот прв германски Божик

Шијам мали завеси, местам светилки, плетам тепих за домот на куклите на Ана. Купувам мало шпоретче, садови, фрижидер, дневна соба, спална соба, работни соби, детски соби, нишалки за в градина и базен за во подрумот. Всушност купив сè што немаме и веројатно, никогаш нема да имаме. Да купам лулка со доенче? Не денес, уште малку ќе почекам. Така останувам цела ноќ пред дрвена куќичка, го разместувам мебелот де ваму де таму и местам дури соба за пеглање и шиење во подрумот. Куќичка за Ана. Постојано ме моли во дневната соба да имаме права sofa. Не таква модерна италијанска, туку мека, од кожа, или уште подобро, вештачка кожа, таква, во која кога ќе седнеш не ти се станува со часови. Таква, како за целото семејство, вели Ана.

Мислам дека куќичката е горе-долу во ред, и дека можам да подготвам подарок за Давид. Лего коцки. Но, всушност сака тапани. Отсега ме стегнува во желудникот при помислата на неговите очи, кога наместо тапани ќе види играчка. Сите работи ги ставам под елката, којашто децата ја украсија уште попладне. Работите ги местам де ваму де таму, ту напред ту назад. По ѓаволите, зошто на Давид не му купив тапани? Тој би бил среќен, и јас ќе бидам мирна, и животот барем неколку дена ќе биде едностврен. Тоа е и така и така јасно дека еден ден бездруго ќе му ги купам. Сега можам да одам на спиење. Секој миг ќе се раздени. Знам дека нема да заспијам.

Ова е всушност нашиот прв германски Божик. Помала катастрофа. Веднаш по доаѓањето во оваа земја, татко ми почина и Давид престана да пее. Уште на погребот запеа и никогаш, никогаш потоа. Ана одбива да зборува германски и затоа сите деца во нејзиното одделение зборуваат англиски. Очигледно оваа моја ќерка е направена од железо. А јас? Подобро да заборавам на својата самотија. За прв пат во животот имам постојана главоболка, прв пат пијам аспирин и не спијам ноќе. Инаку сè е во ред и го празнуваме првиот германски Божик. Всушност доцните некој ден, ама сеедно ни е. Единствено штета, штета што не ги купив оние тапани.

Не можам да заспијам. Зошто не побрзав со сево ова? Сега можевме да сме во Љубљана. Премногу му се посветив на шиењето, премногу се задлабочив во печење, и уште повеќе, тоа морам да го признаам, во германската култура. За Божиќните празници три дена по ред на телевизија прикажуваат филмови за Сиси, царицата на Австрија. Со Роми Шнајдер во главна улога, и така натаму. Никогаш не сум ги гледала овие филмови, а тоа ги зачуди сите мои германски пријатели. И сопругот на Сиси, Франц Јозеф, па Австрија, па Унгарија, па Алпите и Дунав, па нејзината болест. Дури и болеста е полесна ако си богат. Така Божиќ го задоцнив за ден или два, но тоа само себе си го признавам. Всушност не знам дали сум целосно искрена со себе. Овде во Германија работам со пациенти. Работам чуда божји, од психодрами до таи чи, од јога до биоенергија. Тешко ми беше навикнувањето на длабоката германската душа, не, не се длабоки, не знам, како да кажам, можеби вртливи во длабочина, вртливи на секој начин точно таму, каде што длабочина сигурно нема. И нивната дисциплина. Мојот најголем терапевтски успех е тоа што на часот со психотерапевтската група доцнам петнаесет минути и никој не ме прекорува за тоа. Само што тоа навистина ретко се случува, но кога ќе се случи останувам среќна цели петнаесет дена. Што значи дека во оваа земја станав исклучително скромна. Јас ним таи чи, тие мене радост за доцнењето и Сиси. Всушност, работите се правично поделени.

Следното утре ме разбуди весело детско пискање. Давид, фала богу, заборави на тапаните и им се радува на шарените играчки. Ана си го води своето ново семејство на прошетка, а јас сум кисела. Повторно морам да пакувам. Ми се мачи од сите овие движења по светот и преку глава ми се и куферите и ранците и морнарските ќесиња. Со часови сновам низ куќата и размислувам што да понесам со себе. Во последно време куферите ги полнам со сè што ќе ми падне под рака, па така секогаш имаме толку многу багаж што не сè влегува во автомобилот. Па подароци за Љубљана, па Ана и Давид сакаат да ги земат своите нови работи. Потоа се расправаме. Смачено ми е од сè, смачено ми е од моите рационални одлуки, бидејќи тие, секогаш, ама навистина секогаш, излегуваат потполно погрешни. Животот е една голема радост

Децата или спијат, или пеат, или се гладни, или им се оди во тоалет. Прашуваат уште колку километри има до Љубљана, прашуваат зошто не сме тргнале еден ден порано. Едноставно затоа, драги мои, затоа што јас ја гледав Сиси. Маж ми, германски левичарски интелектуалец, за малку ќе го удреше инфаркт.

По снег и лед некако се искачивме до границата на врвот на ридот. Целото семејство седи во автомобилот. Јас возам. Меѓу возилата што

никаде не се движат, меѓу луѓето кои залудно ги туркаат автомобилите пругоре кон ридот. На границата издивнувам дури пред царината. Југословенските царински службеници одлучија да царинат сè живо. Југословенски, турски, грчки и, не знам, можеби и ирански гастарбајтери, сите стојат на граница и ја пцујат југословенската држава. И јас сум еден од нив. Давид преплашен прашува: „Мамо, а што ако другарот Тито те слуша од небото?“

Wszystkie moje święta Bożego Narodzenia

Translated by Marlena Gruda
Contact: marlena.gruda@gmail.com

ŚWIEŻA POTICA¹ I CIEPŁY PIEC

Koguty zapiały. Gorąco mi. Odwracam się i widzę siostrę, kuzynkę, jeszcze jedną kuzynkę i jeszcze dwóch kuzynów. Jesteśmy u babcii, mamy ojca. We wsi Bógniechce. Co za nazwa! Wieś, której nie chce Bóg. Czy już ktoś o niej słyszał? Nie można do niej dotrzeć samochodem. Ojciec zawsze wysyła telegram do wsi i zgłasza nasz przyjazd jakiś tydzień wcześniej, zanim wyruszymy w drogę. Samochód zostawiamy w miejscowości obok, gdzie jest kościół, szkoła i poczta, kilka kilometrów od wsi Bógniechce. Tam przyjeżdża po nas wuj wozem zaprzężonym w konia. Jadąc przez łąki i las, ojciec za każdym razem opowiada jak to chodził tedy pieszo do szkoły, także zimą, w deszczu, wietrze i śniegu.

Mama wyjechała na studia podyplomowe do Rzymu, a ojciec wysłał nas na kilka dni do swojej mamy i młodszej siostry, mieszkającej w gospodarstwie z mężem i pięciorgiem dzieci. Do wsi Bógniechce. Nie wiem, jak dla mojej młodszej siostry, ale dla mnie ten pobyt na wsi to prawdziwe małe cierpieние. W nocy razem ze wszystkimi dziećmi śpimy na piecu opalanym drewnem, a obiad jemy wszyscy, nie tylko dzieci, z jednej wielkiej miski, stojącej na środku stołu. Łyżki są drewniane. Zwykle jemy ziemniaki, fasolkę szparagową ze śmietaną i skwarkami. Oznacza to, że cały dzień jestem głodna i dopiero wieczorem zajadam się chlebem, upieczonego przez ciocię w piecu, na którym potem w nocy śpimy. Jesienią suszą się na nim prawdziwki, śliwki, małe gruszki na kompot i kawałki jabłek.

We wsi jest naprawdę ładnie. Przed kolacją razem ze wszystkimi dziećmi i kobietami chodzimy z końmi i krowami nad wielki potok do doliny. Jak to się mówi? Poić bydło. Podczas gdy zwierzęta piją, kobiety ze wsi nabierają wodę ze

¹ Potica – tradycyjne słoweńskie ciasto drożdżowe z nadzieniem orzechowym. (Tłumacze pamiętać)

studni i wlewają ją do dużych dzbanów, które następnie niosą na głowach do domu w wsi stromą drogą pod górę. Do tej wsi, której Bóg nienawidzi.

W ciągu dnia razem z innymi dziećmi tarzamy się w śniegu i czasami obrzucamy słomą w stodole, zwykle tak długo, aż ktoś nie zacznie płakać. Potem gramy w karty na piecu, najczęściej w tarok, czasami też w *Człowieku, nie irytuj się*. Babcia nas często obserwuje podczas zabawy. Jest trochę dziwna. Mojego ojca, jestem pewna, prawie rękę dam sobie uciąć, kocha najbardziej ze wszystkich swoich dzieci. Mnie i siostry wyraźnie nie lubi. Ciągle nam mówi, że jesteśmy za blade i za chude i że nie mamy w ogóle siły. Ciągle daje nam za wzór naszych kuzynów. Myślę, że nie za bardzo lubi naszą mamę, i nie wiem dlaczego nasz ojciec miałby mieć jeszcze syna, przecież ja z siostrą w zupełności wystarczymy. Nigdy nie patrzę babci w oczy, bo potem od razu mam ochotę wracać do domu, żeby nie zobaczyła moich łez. „Ty rozpieszczony miejski dzieciak,” mówi mi w takiej chwili. Siedzimy na piecu i po raz setny dzisiaj gramy w *Człowieku, nie irytuj się*, a ja już nawet nie patrzę, kto oszukuje. Jedyne, co bym chciała, to jechać do domu.

Z kuchni dochodzą krzyki babci i cioci. „Jasne, że dam jej popalić, choćby ze względu na same dzieci dam jej popalić. Tak zawsze słuchają, są inne niż pozostałe dzieci!” Nigdy jeszcze nie słyszałam swojej cioci tak złej, a co dopiero wydzierającej się na swoją mamę. „A co jeśli ktoś przejdzie obok i powie to potem w Lublanie?” uspokaja ją babcia. „Dzieciom upiekę poticę, jak już nie mogą mieć świąt Bożego Narodzenia,” mówi stanowczo ciocia.

Wieczorem stawia na stole świeżą poticę. W mgnieniu oka wszystko znika. Spanie z innymi dziećmi na dużym piecu, ziemniaki i fasolka, a także to, że chciałam jechać do domu. W całym domu pachnie śmietaną i orzechami. Ciocia zapala świecę i kroi nożem poticę. Na zewnątrz słyszać śpiew. Patrzymy przez okno. Z sąsiedniego domu, jednego, drugiego i w ogóle ze wszystkich domów we wsi idą ludzie w ciepłych szalach i niosą świece. Spotykają się przed naszym domem, stoją chwilę i idą dalej. Przyśpiewuję.

„Dokąd idą?” pytam z zaciekawieniem. Babcia i ciocia spoglądają na siebie. „Do kościoła, na mszę.” „A dlaczego my też nie idziemy?” Znowu spoglądają na siebie i babcia mówi: „Dlatego, że proboszcz podczas wojny wydał ojca, bo ten należał do partyzantów. Gdyby nie sąsiad, który nam powiedział, że nadchodzą Niemcy, wszyscy byliby dzisiaj martwi, a dom byłby spalony. Tak że zdążyliśmy się jeszcze ukryć w lesie. Długo, długo mieszkaliśmy pod gołym niebem.”

Siadam znowu za stołem i ze smakiem jem poticę. Chciałabym pójść do sąsiadki, chciałabym zobaczyć ten cud Boży. Chciałabym raz zobaczyć kościół od środka, a najbardziej ciekawi mnie, co to jest modlitwa. Co ludzie w ogóle robią w kościele? Nie wyobrażam sobie tego. Ale przecież nigdzie mi się nie spieszy.

Dzisiaj są tu świeża potica i ciepły piec. Na zewnątrz jest mróz. Kościół jest za daleko. Za to jak będę duża, pójdę kiedyś do kościoła na święta Bożego Narodzenia.

NASZE PIERWSZE NIEMIECKIE BOŻE NARODZENIE

Szyję małe zasłonki, stawiam lampki, plotę dywany do domku dla lalek Ani. Nabędę małą kuchenkę, naczynia, lodówkę, pokój dzienny, sypialnię, pokoje do pracy, pokoje dziecięce, huśtawki do ogrodu i basen do piwnicy. Tak naprawdę nabędę wszystko, czego my nie mamy i najprawdopodobniej, niemalże na pewno, nigdy nie będziemy mieli. Powinnam nabyć jeszcze kołyskę z niemowlęciem? Nie teraz, jeszcze trochę poczekam. Siedzę tak całą noc przed drewnianym domkiem, przestawiam meble tam i z powrotem, chcąc przygotować pokój do prasowania i szycia w piwnicy. Domek dla Ani. Zawsze mnie prosi, żebyśmy w pokoju dziennym mieli prawdziwą sofę. Nie taką nowoczesną włoską, lecz miękką ze skóry, albo jeszcze lepiej, ze sztucznej skóry taką, na której się człowiek położy i potem godzinami nie może z niej wstać. Taką dla całej rodziny, mówi Ania.

Myślę, że domek jest niemal gotowy i że mogę przygotować prezent dla Dawida. Klocki Lego. Tylko że tak naprawdę chciałbym bębny. Już teraz boli mnie żołądek na myśl o jego spojrzeniu, gdy zamiast bębnów zobaczy zabawkę. Wszystko razem stawiam pod choinką, którą dzieci ubrały już po południu. Przekładam rzeczy tam i z powrotem i znowu tam i z powrotem. Do diabła, dlaczego nie kupiłam Dawidowi bębnów? Byłby szczęśliwy, a ja byłabym spokojna i przynajmniej kilka dni życia byłoby proste. Przecież to oczywiste, że któregoś dnia mu je kupię. Teraz mogę iść spać. Niebawem zrobi się jasno. Wiem, że nie zasnę.

To są nasze pierwsze niemieckie święta Bożego Narodzenia. Mała katastrofa. Zaraz po naszym przyjeździe do tego kraju umarł mi ojciec i Dawid przestał śpiewać. Zaśpiewał jeszcze tylko na pogrzebie i potem już nigdy, nigdy więcej. Ania nie chce mówić po niemiecku i dlatego wszystkie dzieci w jej klasie mówią po angielsku. Wygląda na to, że ta moja córka jest z żelaza. A ja? Lepiej, żeby zapomniała o swojej samotności. Pierwszy raz w życiu bez przerwy boli mnie głowa, pierwszy raz jem aspirynę i nie śpię w nocy. A tak poza tym wszystko jest w porządku; świętujemy pierwsze niemieckie święta Bożego Narodzenia. Co prawda, mamy jakiś dzień opóźnienia, ale wszystko nam jedno. Szkoda, szkoda tylko, że nie kupiłam tych bębnów.

Nie mogę zasnąć. Dlaczego nie zrobiłam wszystkiego wcześniej? Teraz moglibyśmy być już w Lublanie. Za bardzo poświęciłam się szyciu. Za bardzo za-

głębiam się w gotowanie, a jeszcze bardziej, muszę przyznać, w kulturę niemiecką. Z okazji świąt Bożego Narodzenia trzy dni z rzędu puszczały w telewizji filmy o Sissi, austriackiej cesarzowej. Z Romy Schneider w roli głównej i tak dalej. Jeszcze nigdy nie widziałam żadnego z tych filmów, czemu dziwili się moi niemieccy znajomi. A mąż Sissi Franciszek Józef, i Austria, i Węgry, i Alpy i Dunaj i jej choroba. Gdy jest się bogatym, i choroba wydaje się łagodniejsza. W ten oto sposób spóźniałam się ze świętami Bożego Narodzenia jakiś dzień dwa, jednak przyznam to tylko samej sobie. W rzeczywistości nie wiem, czy jestem zupełnie uczciwa w stosunku do siebie. Tutaj w Niemczech pracuję z pacjentami. Robię cuda niewidy, od psychodramy do tai chi, od jogi do bioenergoterapii. Trudno było mi się przyzwyczaić do głębokich niemieckich dusz, nie, one nie są głębokie, jak powiedziałam, wcześniej drążące do głębi, drążące na wszystkie możliwe sposoby i to dokładnie tam, gdzie tej głębi w rzeczywistości nie ma. I ich dyscyplina. Moim największym sukcesem terapeutycznym jest to, że gdy spóźniam się piętnaście minut na zajęcia z grupą psychoterapeutyczną nikt mnie nie oskarża. Ale to zdarza się naprawdę rzadko, a kiedy już się zdarzy, następnych piętnaście dni jestem szczęśliwa. To oznacza, że w tym kraju stałam się wyjątkowo skromna. Ja im daję tai chi, oni mi radość ze spóźniania się i Sissi. To naprawdę dobra wymiana.

Rano budzi mnie radosny dziecięcy krzyk. Dawid, dzięki Bogu, zapomniał o bębnach i cieszy się z kolorowych zabawek. Ania idzie ze swoją nową rodziną na spacer, a ja marudzę. Znowu muszę się pakować. Od tego nieustannego krążenia po świecie jest mi słabo i nie mogę już patrzeć ani na walizki, ani na plecaki, ani na marynarskie worki. Godzinami chodzę po domu w górę i w dół, zastanawiając się, co z sobą wziąć. Ostatnimi czasy wkładam do walizek wszystko, co mam pod ręką, i w rezultacie mamy tyle bagaży, że nie mieścią się w aucie. Do tego jeszcze prezenty do Lublany, do tego jeszcze Ania i Dawid upierający się, żeby wziąć swoje nowe nabytki. Potem się kłócimy. Słabo mi od tego wszystkiego, słabo mi od moich racjonalnych decyzji, bowiem te, zawsze te okazywały się całkowicie błędne. Życie to nic tylko sama radość.

Mój nowy mąż jest niesychanie nerwowy, tak naprawdę jego nerwica graniczny z histerią. Mówią, że to zwykle kobieca choroba, lecz ja nie byłabym tego taka pewna. Nie wiem, po co znowu jedzie z nami do Lublany. Znowu trzeba będzie się nim zajmować i mówić tylko po angielsku. Nigdy nie da się przekonać, że sam ma swoich krewnych. Nie pozwoli nawet odpocząć trochę mojej głowie. I do tego jeszcze tak niezdarnie prowadzi samochód.

Jedziemy po śniegu, w deszczu i w korku. Dzieci śpią albo śpiewają, albo są głodne, albo muszą do toalety. Pytają, ile jeszcze kilometrów do Lublany, dlaczego nie wyjechaliśmy dzień wcześniej. Po prostu dlatego, moi drodzy, bo oglądałam Sissi. Mąż, niemiecki leworęczny intelektualista o mało nie dostaje zawału serca.

Po śniegu i lodzie jakoś dowlekamy się do granicy na szczytce góry. Cała rodzina siedzi w samochodzie, a ja prowadzę. Mijamy stojące bez ruchu pojazdy, mijamy ludzi, na przóźno pchających je po lodzie na górę. Na granicy robię sobie odpoczynek, do czasu, aż nie dojedziemy do urzędu celnego. Jugosłowiańscy celnicy zdecydowali, że przeliczą wszystko, co się da. Jugosłowiańscy, tureccy, greccy i nie wiem, czy też nie irańscy gastarbeiterzy, wszyscy stojący na granicy przeklinają kraj jugosłowiański. I ja tak samo. Przestraszony Dawid pyta: „Mamo, co jeśli słyszy Cię towarzysz Tito w niebie?”

Poveștile mele de Crăciun

Translated by Paula Braga Šimenc
Contact: bragapaula@hotmail.com

COZONACUL PROASPĂT ȘI CUPTORUL CALD

Cocoșii au început să cânte. Mi-e foarte cald. Mă-ntorc și mă uit la soră-mea și la verișoară-mea, pe urmă la încă o verișoară și la doi veri. Suntem la bunica, la mama lu' tata. În satul Fundătura. Ce mai nume! Un sat uitat de Dumnezeu. A au-zit cineva de el? Pân-aici nu se poate ajunge cu mașina. Cam cu o săptămână înainte de plecare, tata trimite mereu o telegramă în care anunță că urmează să sosim. Mașina o lăsăm undeva, într-un orășel din apropiere, unde au biserică, școală și poștă, la câțiva kilometri distanță de Fundătura, și după noi vine unchiu' cu calu' și cu căruța. Când traversăm câmpurile și pădurea, tata ne spune mereu că pe-aici, în fiecare zi, chiar și pe ploaie, pe vânt și prin zăpadă, mergea pe jos la școală.

Mama s-a dus la Roma la niște cursuri de perfecționare și tata ne-a trimis pentru câteva zile la mama lui și la sora lui mai mică, ea stă la țară cu soțul ei și cu cei cinci copii ai lor. În satul Fundătura. Nu știu cum o fi pentru soră-mea mai mică, dar pentru mine traiul la țară e un chin. Noaptea, noi, copiii, dormim pe cuptor, de mâncat, mâncăm cu toții, nu numai copiii, din aceeași strachină mare pusă-n mijlocul mesei. Lingurile sunt de lemn. De obicei, mâncăm cartofi, fasole verde cu smântână și jumări. Astă-nseamnă că toată ziua sunt flămîndă și de-abia seara mă-ndop cu pâine caldă pe care mătușă-mea o coace în cuptorul pe care dormim noaptea. Toamna, pe cuptor usucă hribi și prune și pere mici pentru compot și chiar felii de mere.

La drept vorbind, e frumos la țară. Înainte de masa de seară, noi, copiii, și femeile mergem cu caii și cu vacile în vale, până la pârâul cel mare. Cum se zice? La adăpat animalele. În timp ce animalele beau apă, femeile din sat umplu ulcioare mari cu apă de izvor. Pe urmă, urcând poteca de pe deal, le poartă pe cap pân-acasă, în sat. În satul acela, uitat de Dumnezeu.

Ziua, noi, copiii, ne jucăm în zăpadă și, câteodată, atâta ne batem în grămezile de paie până când unu-ncepe să plângă. Pe urmă, jucăm cărti pe cupitor, cel mai mult ne place să jucăm taroc, ne mai jucăm câteodată și Nu te supără, frate. De multe ori, mama-mare se uită la noi cum ne jucăm. Cu ea se petrece ceva neobișnuit. Mai mult ca sigur, ba și băga chiar mâna în foc că, dintre toți copiii ei, cel mai mult îl iubește pe tata. Pe mine și pe soră-mea e clar că nu ne suportă. Ne spune tot timpul că suntem prea palide și prea slabe și că n-avem niciun pic de putere. Tot timpul ni-i dă de exemplu pe verișorii noștri. Mi se pare că n-o prea iubește pe mama și nu știu de ce-ar fi trebuit tata să aibă și-un fiu, că doar soră-mea și cu mine suntem de-ajuns. Pe mama-mare n-o privesc niciodată în ochi, fiindcă înțelege că vreau să merg acasă și nu vreau să vadă că am lacrimi în ochi. „Copil răsfățat de oraș, ce ești“, îmi zice când mi se-ntâmplă aşa ceva. Stăm pe cupitor și jucăm a suta oară azi Nu te supără, frate, și nici nu mă mai uit cine trișează. Nu-mi doresc decât să merg acasă.

Din bucătărie se aud vorbele răstite ale lu' mam-mare și ale mătușii: „Sigur că o să-l fac, măcar pentru copii și tot o să-l fac. Că mereu aud că nu sunt ca ai-lații copii!“ Niciodată n-am auzit-o pe mătușă-mea așa de furioasă, ca să nu mai zic că n-am auzit-o răstindu-se la maică-sa. „Și dacă dă cineva pe la noi și pe urmă ne toarnă la Ljubljana?“, o mai potolește mama-mare. „Pai dacă n-au voie să-l aibă pe Moș Crăciun, măcar să le fac copiilor cozonac“, zice mătușa cu glas hotărât.

Seara ne-aduce la masă cozonac proaspăt. Pe dată, totul e dat uitării. Dorimul împreună cu ceilalți copii pe cupitorul cel mare, cartofii și fasolea, chiar și faptul că vrea să mă duc acasă. Toată casa miroase a smântână și a nuci. Mătușa aprinde o lumânare și taie cu cuțitul din cozonac. Afără se aud cântece. Ne uităm pe fereastră. Din casa vecinilor și din casa vecinilor vecinilor și chiar din toate casele din sat vin oameni înfășurați în șaluri calde, cu lumânări în mâini. Se întâlnesc în fața casei noastre, se opresc nițel, apoi își continuă drumul. Și cântă.

„Unde se duc?“, întreb eu curioasă. Mama-mare și mătușa se uită una la alta. „La slujbă, la biserică“. „Și de ce nu ne ducem și noi?“ Iar se uită una la alta și mama-mare zice: „De-aia, că-n timpu' războiului, preotu' l-a denunțat pe tata, care era cu partizanii. Dacă vecinu' nu ne-ar fi zis că vin nemții, azi am fi fost morți cu toții și casa noastră arsă din temelii. Aș că-am putut să ne-ascundem la timp în pădure. Multă, multă vreme am trăit sub ceru' liber“.

Mă așez iar la masă și mănânc cu placere cozonac. Mi-ar plăcea să mă duc cu vecinii, pentru că vrea să văd minunea dumnezeiască din timpul slujbei. Aș vrea să văd o dată cum e biserică pe dinăuntru și mă interesează foarte mult ce e aceea o rugăciune. Ce fac oamenii în biserică? N-am nici cea mai vagă idee.

Dar oricum, n-am de ce să mă grăbesc. Azi, aici sunt cozonacul proaspăt și cupitorul cald. Afără e ger. Biserica e prea departe. Da' când o să mă fac mare, odată tot o să mă duc la biserică de Crăciun.

PRIMUL NOSTRU CRĂCIUN ÎN GERMANIA

Cos perdeluțe, instalez becuri, împleteșc covoare pentru casa de păpuși a Anei. Cumpăr un aragaz mic, farfurii, un frigider, un salon, un dormitor, birouri, camere pentru copii, leagăne de pus în curte și o piscină în subsol. De fapt, cumpăr tot ceea ce noi nu avem și, probabil, de fapt, precis, n-o să avem niciodată. Să cumpăr și un leagăn cu un bebeluș? Încă nu, mai aștept un pic. Așa-mi petrec toată noaptea, în fața căsuței de lemn, mut mobila de colo-colo, la subsol aranjez chiar și o cameră pentru călcăt și cusut. O căsuță pentru Ana. Mereu mă roagă să avem și noi o canapea adevărată în salon. Nu una modernă, italienească, ci una moale, din piele sau și mai bine, una aşă, din imitație din piele, în care să te cufunzi și, după-aia, ore întregi să nu te mai scoli. Una aşă, pentru toată familia, zice Ana.

Cred că, de bine de rău, căsuța e cum trebuie și că pot să pregătesc și cadoul lui David. Un joc Lego. De fapt, își dorește niște tobe. Încă de pe acum mă apucă durerea de burtă când mă gândesc la ochii lui, când o să vadă în loc de tobe un joc pentru copii. Așez totul sub bradul de Crăciun, pe care copiii l-au împodobit îndată după prânz. Mut cadourile de colo-colo. La naiba, de ce nu i-am cumpărat tobe lui David? El ar fi fericit, eu aş fi liniștită, iar viața ar fi măcar pentru câteva zile ușoară. Că doar, oricum aş da-o, tot o să-i le cumpăr într-o zi. Acum pot să mă duc la culcare. Din clipă în clipă o să se crepe de ziua. Știu că nu o să pot dormi.

Acesta este, de fapt, primul nostru Crăciun în Germania. O catastrofă minoră. De îndată ce am ajuns în țara asta, mi-a murit tatăl, iar David a încetat să mai cânte. A mai cântat doar la înmormântare pe urmă, nimic, niciodată. Ana nu vrea să vorbească nemțește și, de aceea, toți copiii din clasa ei vorbesc engleză. Fata asta a mea parcă de e de piatră. Și eu? Mai bine să uit că sunt singură. Prima dată de când mă știu, mă doare încontinuu capul, prima dată iau aspirine, iar noaptea nu dorm. Altminteri, însă, totul e în regulă, și sărbătorim primul nostru Crăciun în Germania. La drept vorbind, cu o oarece întârziere, de o zi sau două, dar ne e tot una. Păcat, păcat doar că n-am cumpărat tobole alea.

Nu pot să dorm. De ce n-am dat un pic zor? Acum am fi putut fi la Ljubljana. Prea mult timp mi-a luat cusutul, prea mult timp mi-a luat gătitul și, mai cu seamă, trebuie să recunosc, cultura germană. De Crăciun, trei zile la rând, la televizor sunt filme despre Sissi, împărăteasa Austriei. Cu Romy Schneider

în rolul principal și aşa mai departe. N-am văzut niciodată niciunul din filmele astea, spre mirarea cunoșcuților mei germani. Ba Franz Josef, soțul lui Sissi, ba Austria, ba Ungaria, ba Alpii și Dunărea și boala ei. Până și boala e mai usoară când ești bogat. Din cauza asta am uitat de Crăciun, o zi, poate două, dar asta nu-o recunosc decât în sinea mea. De fapt, nu știu dacă sunt chiar cinstită cu mine însămi. Aici, în Germania, lucrez cu pacienți. Fac tot felul de minuni dumnezeiești, de la psihodramă la tai-chi, de la joga la bio-energie. M-am obișnuit cu greu cu sufletele abisale ale nemților, nu, nu sunt abisale, nu știu cum să zic, poate însurubate în profunzime, însurubate în toate felurile tocmai acolo unde nu-i urmă de profunzime. Și disciplina lor. Cea mai mare reușită terapeutică a mea constă în aceea că la ora de terapie de grup întârziu cincisprezece minute și nimeni nu-mi reproșează nimic. Dar asta se-ntâmplă rar și, când se-ntâmplă, în următoarele cincisprezece zile sunt fericită. Ceea ce înseamnă că, în țara asta, am devenit extrem de modestă. Eu le dau tai-chi, iar ei bucuria de a întârzia și pe Sissi. De fapt, lucrurile sunt distribuite cât se poate de corect.

Dimineața mă trezesc în chiote de copii. Mulțumesc lui Dumnezeu, David a uitat de tobe și se bucură de jucările multicolore. Ana se duce la plimbare cu noua ei familie, iar eu sunt prost dispusă. Iar trebuie să împachetez. Mi se face rău de toate peregrinările astea prin lume, nu mai suport să văd nici geamantane, nici rucsacuri, nici saci de marină. Ore întregi mă-nvârt în sus și-n jos prin casă și mă gândesc ce să iau cu mine. În ultima vreme, umplu gemantanele cu ce-mi cade-n mâna și de-asta mi se-adună atâtea bagaje de nu-mi intră-n portbagaj. Ca să nu mai zic de cadourile pentru cei din Ljubljana, și de Ana și David care vor să ia cu ei noile daruri. Pe urmă ne certăm. Mi-e rău de toate astea, mi-e rău de deciziile mele raționale, pentru că întotdeauna, chiar întotdeauna, s-au dovedit a fi complet greșite. Viața e doar bucurie.

Noul meu bărbat e nespus de nervos, de fapt, nervoza lui e la limita cu isteria. Se zice că, de regulă, e o boală a femeilor, dar nu sunt tocmai sigură de asta. Nu știu de ce se tot ține după noi când mergem la Ljubljana. Mereu trebuie să ne ocupăm de el și să vorbim engleză. Niciodată nu se lasă convins de faptul că are și el rudele lui. Nu-mi dă voie să am și eu în cap un mic moment de răgaz. Ca să nu mai zic cât de neatent conduce mașina.

Mergem cu mașina pe ninsoare și pe ploaie, în coloană. Copiii dorm sau cântă sau le e foame sau vor la veceu. Întreabă câți kilometri mai sunt până la Ljubljana, întreabă de ce nu am plecat cu o zi mai devreme. Pur și simplu, dragii mei, pentru că eu m-am uitat la Sissi. Bărbatul meu, un intelectual neamț de stânga, aproape că face un atac de apoplexie.

De bine de rău, prin zăpadă și polei, reușim să ne târâm până la granița din vârful dealului. Toată familia stă în mașină, iar eu conduc. Pe lângă mașinile

oprite, care nu se mișcă din loc, pe lângă oamenii care-mping în zadar mașinile în sus, la deal, pe polei. La graniță îmi trag și eu sufletul, că pe urmă vine vama. De data asta, vameșii iugoslavi au luat hotărârea să controleze tot ce mișcă. Muncitorii iugoslavi, turci, greci și, mai știu și eu, poate și cei iranieni, care lucreză în străinătate, stau cu toții la graniță și înjură țara asta iugoslavă. Printre ei mă număr și eu. David întreabă însă imânat: „Mamă, da’ dacă te-aude tovarășu’ Tito din cer?“

Все мои празднования Рождества

Translated by Aleksandra Krasovets
Contact: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Свежий ореховый рулет и теплая печь

Прокричали петухи. Мне жарко. Поворачиваюсь и вижу еще сестру и двоюродную сестру, и еще одну двоюродную сестру, и еще двух двоюродных братьев. Мы у бабушки, у папиной мамы. В деревне Богнеча вас. Вот уж название! Деревня, которую Бог не хочет. Кто-нибудь уже слышал о такой? На автомобиле ты туда не доедешь. Папа всегда отправляет в деревню телеграмму, оповещая о нашем приезде за неделю. Машину мы потом оставляем в соседнем mestечке, где есть церковь, школа и почта, в нескольких километрах от деревни Богнеча вас, и за нами приезжает дядя на телеге с лошадью. Пока мы едем по полям и лесу, отец всякий раз заново объясняет, что он каждое утро ходил здесь пешком в школу, и зимой, и в дождь, и в ветер, и в снег.

Мама уехала на повышение квалификации в Рим, и отец отправил нас на несколько дней к своей маме и младшей сестре, живущей своим хозяйством вместе с мужем и пятью детьми. В деревню Богнеча вас. Не знаю, как для моей младшей сестры, но для меня жизнь в деревне — самое настоящее мучение. Ночью мы, все дети, спим на хлебной печи, а едим все, не только дети, из большой миски, которая стоит посреди стола. Ложки деревянные. Обычно на обед картошка, стручковая фасоль со сливками и шкварками. Это значит, что я весь день голодная и лишь вечером могу наесться свежим хлебом, испеченым тетей в печке, на которой мы потом ночью спим. Осеню на ней сушат белые грибы, чернослив, мелкие груши для компота и яблочные ломтики.

В деревне на самом деле хорошо. Перед ужином мы, все дети и женщины, с лошадьми и коровами спускаемся в долину к большому ручью.

Как они это называют? Поить скот. Пока животные пьют, женщины набирают в большие сосуды воду из родника. Затем они их несут на голове домой в деревню, вверх по крутой горной тропинке. В ту самую деревню, которую Бог не любит.

Днем мы, дети, играем в снегу и иногда закидываем друг друга соломой на сеновале, и длится это, как правило, до тех пор, пока кто-нибудь не расплачется. После этого режемся на печи в карты, лучше всего в тарок, иногда играем в фишки. Бабушка часто наблюдает за нами во время игры. С ней все как-то странно. Из своих детей моего отца она однозначно любит больше всех, это я руку даю на отсечение. А меня с сестрой очевидно не жалует. Не устает нам повторять, что мы слишком бледные и худые, и совсем хилые. Не перестает ставить нам в пример двоюродных братьев. Думаю, что нашу маму она не очень-то любит, и не знаю, почему наш отец должен иметь еще сына, достаточно и нас с сестрой. Я никогда не смотрю бабушке в глаза, так как сразу после этого мне хочется домой, и у меня нет никакого желания показывать ей свои слезы. «Ты избалованный городской ребенок», — говорит она мне в такие моменты. Мы сидим на печи и в сотый раз за сегодня играем в фишки, и я уже больше не слежу, обманывает кто или нет. Я хочу теперь только домой.

Из кухни раздаются бабушкин и тетин крики. «Конечно я его испеку, хотя бы ради детей испеку. Они и так все время слышат, что не такие, как все остальные!» Я еще никогда не слышала, чтобы моя тетя так злилась, а уж тем более повысила голоса на свою маму. «А что если кто-нибудь придет и еще потом расскажет об этом в Любляне?», — успокаивает ее бабушка. «Я испеку детям рулет, если уж они не имеют право праздновать рождество». Вечером она ставит на стол свежеиспеченный ореховый рулет. В ту же секунду все забыто. Ночи с другими детьми на большой печи, картошка и фасоль, и даже желание уехать домой. По всему дому струится аромат сливок и грецких орехов. Тетя зажигает свечу и разрезает ножом хрустящую корочку. Снаружи слышится пение. Мы смотрим в окно. Из соседского дома и из еще одного соседского дома, и вообще из всех домов выходят люди со свечами, укутанные в шали. Встречаются возле нашего дома, немного постоят и идут дальше. Поют.

«Куда они идут?», — с любопытством спрашиваю я. Бабушка с тетей переглядываются. «В церковь, на мессу». «А почему мы не идем?» Они опять переглядываются, и бабушка говорит: «Потому что приходской священник во время войны выдал отца, который был в партизанах. Если бы нас не предупредил сосед, что приближаются немцы, то никто из нас сейчас не был бы в живых, и дом бы сожгли. Так мы смогли во-

время укрыться в лесу. Много, много времени мы провели под открытым небом».

Я снова сажусь за стол и с наслаждением ем рулет. Я бы хотела пойти вместе с соседями, чтобы посмотреть, что это за божье чудо — месса. Я бы с удовольствием когда-нибудь взглянула на церковь изнутри и мне ужасно интересно, что такое молитва. Что вообще люди делают в церкви? У меня нет об этом ни малейшего представления. Но ничего страшного, я никуда не спешу. Сегодня здесь свежий ореховый рулет и теплая печь. Снаружи холодно. Церковь слишком далеко. Но, когда я стану большой, я как-нибудь обязательно пойду в церковь на рождество.

Наше первое немецкое рождество

Я шью маленькие шторки, ставлю светильники, вяжу коврики для кукольного домика для Анны. Покупаю маленькую плиту, посуду, ходильник, гостиную, спальню, кабинеты, детские комнаты, качели для сада и бассейн для подвала. По сути дела покупаю все, чего у нас нет и скорее всего, а точнее наверняка никогда не будет. Может, мне купить еще и люльку с младенцем? Не сейчас, еще немного подожду. Так я всю ночь сижу над деревянным домиком, переставляю мебель с места на место и готовлю комнату для глажки и шитья в подвале. Домик для Анны. Она все время просит меня о том, чтобы у нас в гостиной был большой диван. Не современный итальянский, а мягкий кожаный или еще лучше из искусственной кожи, такой, в который завалишься и потом несколько часов не можешь встать. Такой, для всей семьи, говорит Анна.

Думаю, что домик более или менее удался, и я могу упаковать подарок для Давида. Конструктор «лего». Он, правда, хочет барабаны. Уже сейчас у меня ноет сердце при мысли о том, какие у него будут глаза, когда он увидит детскую игрушку вместо барабанов. Все вместе я ставлю под рождественскую елку, наряженную детьми еще днем. Перекладываю вещи с места на место, снова и снова. Черт, почему я не купила Давиду барабаны? Он бы был счастлив, я бы была спокойна, и жизнь хоть несколько дней была бы простой. Понятно же, что я ему их рано или поздно все равно куплю. Теперь я могу отправиться спать. Вот-вот начнется день. Я знаю, что не засну.

Вообще-то это наше первое немецкое рождество. Меньшее бедствие. Как только мы приехали в эту страну, у меня умер отец, и Давид перестал петь. Пел еще только на похоронах и никогда-никогда больше. Анна не хочет говорить по-немецки, и поэтому все дети в ее классе говорят по-

английски. По всей видимости эта моя дочь сделана из железа. А я? Лучше мне забыть о собственном одиночестве. Впервые в жизни у меня постоянно болит голова, впервые пью аспирин и не сплю по ночам. А в остальном все в порядке, и мы празднуем первое немецкое рождество. Хоть и опаздываем на день–два, но это уже детали. Жаль вот только, действительно жаль, что я не купила эти барабаны.

Не могу уснуть. Почему бы мне было не поторопиться со всем вместе? Сейчас мы могли бы уже быть в Любляне. Я слишком углубилась в шитье, слишком углубилась в стряпню и еще больше, должна признать, в немецкую культуру. На рождественские праздники по телевидению три дня подряд показывали фильмы про Сисси, австрийскую императрицу. С Роми Шнейдер в главной роли и все тому подобное. Я еще ни разу не видела ни одного из этих фильмов, чем очень удивляла своих немецких знакомых. И муж Сисси, Франц Иосиф, и Австрия, и Венгрия, и Альпы с Дунаем, и ее болезнь. Даже болеть легче, когда ты богат. Так я и опоздала с рождеством на день или два, но в этом я признаюсь только себе. На самом деле не знаю, так ли уж я честна сама с собой. Здесь в Германии я работаю с пациентами. Творю чудеса, начиная с психодрамы и тайчи и заканчивая йогой и биоэнергетикой. С трудом привыкла к глубоким немецким душам, нет, не глубоким, не знаю, как сказать, возможно, копающим в глубину, всеми способами копающим именно там, где как раз и нет никакой глубины. И их дисциплина. Мое самое большое терапевтическое достижение заключается в том, что, если я опоздаю на пятнадцать минут на занятие с психотерапевтической группой, мне никто не скажет ни слова упрека. Но это действительно случается крайне редко, и, когда случается, последующие пятнадцать дней я счастлива. Что означает, что в этой стране я стала исключительно скромной. Я им тайчи, они мне радость от опоздания и Сисси. В общем–то все справедливо поровну.

Утром меня будет веселый детский крик. Это Давид, слава богу, забыл про барабаны и радуется ярким игрушкам. Анна выводит свою новую семью на прогулку, и я действую всем на нервы. Опять надо паковаться. Мне уже дурно от всех этих передвижений по миру и вообще больше не могу смотреть ни на чемоданы, ни на рюкзаки, ни на походные мешки. Часами хожу по дому вверх–вниз и соображаю, что бы я взяла с собой. В последнее время я набиваю чемоданы всем, что попадается мне под руку, в результате у нас набирается столько багажа, что он не помещается в машину. И еще подарки для Любляны, и еще Анна и Давид хотят взять с собой свои новые приобретения. Мы ругаемся. Мне уже дурно от всего, дурно от моих рациональных решений, так как они всегда, действительно всегда оказывались абсолютно ошибочными. Жизнь — это одна сплошная радость.

Мой новый муж — оголенные нервы, на самом деле его нервозность уже граничит с истерией. Говорят, что этой болезнью обычно болеют женщины, но я в этом не очень уверена. Не знаю, зачем он опять так рвется с нами в Любляну. Потом опять придется уделять внимание только ему и говорить по-английски. И невозможно его убедить, что у него тоже есть свои родственники. Не дает мне ни малейшей возможности сделать хоть какую-нибудь передышку. Да еще и водит он отвратительно.

Мы едем по снегу и в дождь, движение плотное. Дети спят или поют, или хотят есть, или им нужно в туалет. Спрашивают, сколько еще километров до Любляны, спрашивают, почему мы не поехали уже на день раньше. Просто потому, ненаглядные мои, что я смотрела Сисси. У мужа, немецкого левого интеллектуала, чуть не случается удар.

По заснеженной и заледенелой дороге мы кое-как доползаем до границы на вершине горы. Вся семья в машине, я за рулем. Мы проезжаем мимо стоящих автомобилей, которые никуда не двигаются, мимо людей, которые безрезультатно толкают их по льду в гору. На границе я перевожу дух, пока не подходит наша очередь на таможне. Югославские таможенники тогда решили, что будут трясти всех до последнего. Югославские, турецкие, греческие гастарбайтеры, вплоть до иранских, все стоят на границе и проклинают югославское государство. Среди них и я. Давид испуганно спрашивает: «А что если тебя на небесах услышит товарищ Тито?»

Все мои рождества

Translated by Nadežda Starikova
Contact: nstarikova@mail.ru

Свежая потица и теплая печь

Петухи проснулись. Мне жарко. Я поворачиваюсь и вижу рядом сестру и двоюродную сестру и еще одну и двух двоюродных братьев. Мы у бабушки, папиной мамы. В деревне под названием «Богом забытая». Что за название! Деревня, которой Бог пренебрег. Кто-нибудь слышал о такой? До нее нельзя добраться по шоссе на машине. Папа всегда посыпает телеграмму о нашем приезде заранее. Машину мы оставляем в нескольких километрах от «Богом забытой» деревни, в mestечке, где есть церковь, школа и почта, а за нами приезжает дядя на повозке, запряженной конем. Пока мы едем через луга и леса, папа в который раз рассказывает, как каждое утро он ходил по этой дороге пешком в школу, зимой под дождем и ветром.

Мама уехала повышать квалификацию в Рим, и папа отправил нас на несколько дней к своей маме и младшей сестре, живущей на ферме с мужем и пятерыми детьми. В деревню «Богом забытую». Не знаю, как для моей младшей сестры, а для меня эта жизнь в деревне — сплошные страдания. Ночью мы, дети, спим все вместе на хлебной печи, едят все, не только дети, из большого чугунка, который стоит посреди стола. Ложки из дерева. Обычно едят картофель, зеленую стручковую фасоль со сливками и шкварками. Это значит, что целый день я хожу голодная и только вечером наедаюсь свежим хлебом, который тетя печет в той самой дровянной печи, на которой мы спим ночью. Осеню на ней сушат грибы, сливы, маленькие груши для компота и нарезанные яблоки.

На самом деле, в деревне хорошо. Перед ужином мы все, дети и женщины, идем с конями и коровами в долину к большому ручью. Как это

называется? Пойти скотину. Пока животные пьют, деревенские женщины набирают воду из родника в большие кувшины. Их они потом несут на головах домой в деревню, по крутой тропинке в гору. В ту деревню, которую Бог не любит. Днем мы дети деремся в снегу и иногда бросаемся соломой в сарае, обычно до тех пор, пока кто-нибудь не заревет. Потом на печи играем в карты, больше любим тарок, иногда играем в фишки. Бабушка внимательно следит за тем, как мы играем. Она странная. Моего папу она, руку даю на отсечение, любит больше, чем всех остальных своих детей. Меня и сестру она явно недолюбливает. Постоянно твердит, что мы слишком бледные и худые и совсем истощенные. Постоянно приводит нам в пример братьев. Думаю, она не очень-то любит нашу маму, и не знаю, зачем у нашего отца должен быть еще и сын, нас с сестрой ему и так достаточно. Я никогда не смотрю бабушке в глаза, иначе сразу же тянет домой, а я не хочу, чтобы она заметила мои слезы. «Ты испорченный городской ребенок», — говорит она мне тогда. Мы сидим на печи, и в сотый раз за сегодня, играем в фишки и я даже не слежу за теми, кто мухлюет. Я просто хочу домой.

Из кухни слышны громкие голоса бабушки и тети. «Конечно, я ее испеку, детям испеку. Я и так все время слышу, что они не такие как все!» Я никогда не слышала, чтобы тетя так сердилась, даже кричала на свою маму. «А если кто придет и потом расскажет об этом в Любляне?», — урезонивает ее бабушка. «Раз уж у детей не будет Рождества, пусть хоть потицу попробуют», — говорит тетя решительно.

Вечером она ставит на стол свежую потицу. В мгновение ока все позабыто. Как спали вместе с другими детьми на печи, как ели картошку и фасоль и даже как хотелось домой. Весь дом благоухает орехами и сливками. Тетя зажигает свечу и вонзает нож в потицу. Снаружи раздается пение. Мы выглядываем в окно. Из соседнего дома, и еще одного соседнего дома, и вообще из всех деревенских домов выходят люди, закутанные в теплые платки, со свечами в руках. У нашего дома они встречаются, немного задерживаются и идут вперед по дороге. Они поют.

«Куда они идут?», — спрашиваю я с любопытством. Бабушка и тетя переглядываются. «В церковь, к мессе». «А мы почему не идем? Они опять переглядываются, и бабушка говорит: «Потому что священник во время войны выдал отца, который был в партизанах. Не предупреди нас сосед, что немцы близко, нас бы не было в живых, а дом бы сожгли. А так мы смогли вовремя укрыться в лесу. И долго, очень долго жили под открытым небом».

Я снова сажусь за стол и с удовольствием уплетаю потицу. Я хочу пойти с соседями, чтобы увидеть Божье чудо на литургии. Я хочу хоть раз

посмотреть на церковь изнутри, и мне ужасно интересно, что такое молитва. Что вообще люди делают в церкви? Я понятия не имею об этом. Но пока я не тороплюсь. Сегодня есть свежая потица и теплая печь. Снаружи холодно. Церковь далеко. Но когда я вырасту, обязательно пойду в церковь на Рождество.

Наше первое немецкое Рождество

Я шью маленькие занавески, расставляю лампы, вяжу коврики для Ани-ного кукольного домика. Покупаю маленькую плиту, посуду, холодильник, мебель для гостиной, спальни, кабинета, детской, садовые качели и ванну в подвал. Собственно, я покупаю все, чего у нас нет и, по правде говоря, никогда не будет. Может купить еще колыбельку с младенцем? Не сейчас, еще немного подожду. Так я провожу всю ночь перед деревянным домиком, расставляю мебель, готовлю отдельную комнату для рисования и шитья в подвале. Домик для Ани. Она всегда просит меня, чтобы в гостиной была настоящая софа. Не это современная итальянская, а мягкая кожаная, а еще лучше из кожи ручной выделки, такая, на которую за-валиваешься и потом часами не можешь встать. Такая, для всей семьи, говорит Аня.

Думаю, домик более или менее получился, и я могу заняться подарком для Давида. Кубики лего. Но он ведь хочет барабаны. У меня сосет под ложечкой, как подумаю о его глазах, когда он увидит детскую игрушку вместо барабанов. Все это я положу под рождественскую елку, которую дети украсили еще днем. Я перекладываю предметы туда-сюда, туда-сюда черт, почему Я не купила Давиду барабаны? Он был бы счастлив, я спокойна, и жизнь некоторое время шла бы своим чередом. Ясно, что придет день, и я их ему все равно куплю. Пора идти спать. Вот-вот рассветет. Правда, я все равно не усну.

Дело в том, что это наше первое немецкое Рождество. Небольшая катастрофа. Как только мы приехали в эту страну, у меня умер отец и Давид перестал петь. Еще на похоронах пел, а потом все. Аня не хочет говорить по-немецки, и теперь все дети в ее классе говорят по-английски. У нее стальной характер. А я? Лучше забыть о своем одиночестве. Впервые в жизни у меня постоянно болит голова, впервые я глотаю аспирин и не сплю ночами. А так все хорошо, мы отмечаем наше первое немецкое Рождество. Днем раньше, днем позже — нам все равно. Вот только жаль, что не купила тех барабанов.

Не могу заснуть. Почему я не подсуетилась во время? Мы бы были

уже в Любляне. Слишком много было шитья, я углубилась в кулинарные рецепты, и еще больше — в немецкую культуру. В рождественские праздники по телевизору три дня подряд показывают фильмы о Сисси, австрийской императрице. С Роми Шнайдер в главной роли. Я никогда раньше их не видела, чем немало удивила всех своих немецких знакомых. Там и муж Сисси Франц-Иосиф, и Австрия, и Венгрия, и Альпы и Дунай, и ее болезнь. Правда, болезнь легче перенести, если ты богат. Так вот я и на день или два опоздала с Рождеством, но признаюсь в этом только себе. Не знаю, насколько я сама с собой честна. Здесь в Германии я работаю с пациентами. Творю чудеса господни от психодрамы до гимнастики тайчи, от йоги до биоэнергетики. Я с трудом привыкала к бездонным немецким душам, нет, не бездонным, не знаю, как сказать, может быть, затягивающим в бездну, туда где, как выясняется, ничего как раз и нет. А их дисциплина! Мой самый большой терапевтический успех заключается в том, что, когда я работаю с психотерапевтической группой и задерживаю ее на пятнадцать минут сверх положенного часа, участники этого не замечают. Но это случается крайне редко, а когда случается, я счастлива следующие пятнадцать дней. Похоже, в этой стране мои притязания стали весьма умеренными. Я им тайчи, они мне радость от переработки и Сисси. Каждому — свое.

Утром меня будят веселые детские вопли. Давид, слава Богу, забыл о барабанах и радуется разноцветным игрушкам. Аня ведет свою новую кукольную семью гулять, а я чувствую внутреннее напряжение. Опять надо паковаться. От всех этих перемещений по миру мне становится плохо, видеть больше не могу чемоданы, рюкзаки, походные мешки. Часами я хожу туда-сюда по дому и думаю, что взять с собой. В последний момент набиваю чемоданы всем, что под руку попадется, поэтому у меня всегда столько багажа, что он не помещается в машину. Еще подарки в Любляну, еще Аня и Давид хотят взять с собой все новые приобретения. И мы препираемся. Мне плохо от всего этого, от моих рациональных решений, которые, как правило, оказываются абсолютно ошибочными. Не жизнь — сплошное веселье.

Мой новый муж чрезвычайно нервничает, его нервозность граничит с истерией. Говорят, что обычно это женская болезнь, но я в этом не так уверена. Не знаю, зачем он опять рвется с нами в Любляну. Теперь им придется заниматься отдельно, говорить по-английски. Никак его не убедишь, что у него тоже есть родня. Он совершенно не дает мне вздохнуть. Да еще и машину водит паршиво.

Мы едем по снегу и дождю в плотном ряду. Дети спят, или поют, или просят есть, или хотят в туалет. Спрашивают, сколько километров до

Любляны, спрашивают, почему мы не уехали днем раньше. Да просто потому, мои дорогие, что я смотрела Сисси. Мужа, немецкого левого интеллигента, от такого может хватить удара.

По снегу и льду мы доползаем до границы на верху холма. Семья в машине, я за рулем. Еду мимо грузовиков на обочине, которые никуда не движутся, мимо людей, тщетно толкающих машины по льду в гору. На границе перед таможней будет передышка. Югославские таможенники решили, что будут трясти всех до упора. Югославские, турецкие, греческие, чуть ли не иранские гастарбайтеры — все стоят на границе и проклинают югославское государство. И я вместе с ними. Испуганный Давид спрашивает: «Мама, а вдруг товарищ Тито услышит тебя на небесах?»

Svi moji Božići

Translated by Dragana Bojanić Tijardović
Contact: d.b.t@sbb.rs

SVEŽA ŠTRUDLA SA ORASIMA I TOPLA PEĆ

Petlovi se javiše. Vruće mi je. Okrećem se i ugledam svoju sestru, sestruru od tetke, još jednu sestru od tetke i dva brata od tetke. Kod babe smo, očeve majke. U Bogneči vasi. Kakav naziv! Selo koje Bog neće. Da li je neko ikada čuo za njega? Ne može mu se prići putem kolima. Otac uvek najpre pošalje telegram i najavi naš dolazak oko nedelju dana ranije, pre nego što krenemo na put. Onda kola ostavimo u obližnjem mestu, gde postoji crkva, škola i pošta, nekoliko kilometara dalje od Bogneče vasi, a po nas dođe stric seoskim kolima i konjem. Dok se vozimo preko livada i kroz šumu, otac nam svaki put kaže da je svako jutro tuda peške išao u školu, i zimi, po kiši, vetru i snegu.

Mama je otišla na studijsko usavršavanje u Rim, a otac nas je na nekoliko dana poslao kod svoje majke i mlađe sestre koja živi na seoskom imanju s mužem i petoro dece. U Bogneču vas. Ne znam za moju mlađu sestru, ali za mene je taj boravak u selu prava mala agonija. Noću svi mi, deca, spavamo na kaljevoj peći, a svi, ne samo deca, jedemo iz velike činije koja стоји nasred stola. Kašike su drvene. Obično jedemo krompir, boraniju s pavlakom i čvarcima. To znači da sam ceo dan gladna i da se tek uveče najedem svežeg hleba kojeg tetka peče u peći na kojoj noću spavamo. S jeseni se na toj peći suše vrganji i šljive, male kruške za kompot i kriške jabuka.

U selu je zapravo lepo. Pre večere mi, sva deca, i žene s konjima i kravama idemo u dolinu do velikog potoka. Kako se to zove? Pojiti stoku. Dok životinje piju, žene iz sela zahvataju vodu sa izvora u velike čupove. Zatim te čupove na glavi nose do sela svojim kućama strmim putem uzbrdo. U selo koje Bog ne voli.

Danju se mi, deca, bacamo po snegu i ponekad gađamo slamom u čardaku, obično dok neko ne zaplače. Onda na peći igramo karte, najradije tarok, pone-

kad igramo i »Čoveče ne ljuti se!«. Baka nas često posmatra dok igramo. Ima nešto čudno s njom. Dala bih ruku u vratu da ona od sve dece sigurno najviše voli mog oca. Ali mene i moju sestru očigledno ne voli. Stalno nam ponavlja da smo suviše blede i mršave i da nemamo nikakvu snagu. Stalno nas upoređuje s braćom. Mislim da našu majku ne voli previše, a ne znam zašto bi trebalo da naš otac ima i sina, jer smo mu sestra i ja sasvim dovoljne. Babu nikad ne gledam u oči, jer kad je pogledam, odmah poželim da se vratim kući, a neću da ona primeti moje suze. »Razmaženo gradsko derište«, kaže mi baba u tom trenutku. Sedimo na peći i po stoti put danas igramo »Čoveče ne ljuti se!«, a ja uopšte više ne gledam ko varu. Želim samo da se vratim kući.

Iz kuhinje se čuje vika babe i tetke. »Naravno da će je ispeći, ispeći će je zbog dece. I tako stalno slušaju da se razlikuju od ostalih!« Nikad još nisam čula tetku tako besnu, a kamoli da viće na svoju majku. »Pa šta ako neko dođe, a onda to ispriča i u Ljubljani?«, baba smiruje tetku. »Ispeći će deci štrudlu sa orasima, ako već ne smeju da slave Božić«, odlučno odgovara tetka.

Uveče na sto donosi svežu štrudlu sa orasima. Odmah je sve zaboravljeno. Spavanje s drugom decom na velikoj peći, krompir i boranija, pa i to da želim da idem kući. Cela kuća miriše na slatku pavlaku i orahe. Tetka pali sveću i nožem seće štrudlu. Napolju neko peva. Gledamo kroz prozor. Iz komšijske kuće i iz kuće drugog komšije, i iz svih kuća u selu izlaze ljudi sa svećama, umotani u tople šalove. Sastaju se ispred naše kuće, zastanu malo i nastave dalje putem. Pevajući.

»Gde idu?« pitam radoznalo. Baka i tetka razmenjuju poglede. »U crkvu, na misu.« »Zašto mi ne idemo?« One se opet pogledaju, a baka kaže: »Zato što je sveštenik za vreme rata izdao tvog oca koji je bio u partizanima. Da nam komšija nije javio da dolaze Nemci, danas bismo svi bili mrtvi, a kuću bi nam spaliли. A ovako smo mogli na vreme da se posakrivamo u šumi. Dugo, jako dugo bili smo pod milim nebom.«

Sedam opet za sto i sa appetitom jedem štrudlu. Želim da budem s komšijama i da vidim to čudo božje od mise. Želim da jednom vidim unutrašnjost crkve i kako me interesuje šta je molitva. Šta ljudi uopšte rade u crkvi? Nemam nikakvu predstavu o tome. Ali svejedno, nigde ne žurim. Danas su tu sveža štrudla i topla peć. Napolju je hladno. Crkva je predaleko. Ali kad porastem, jednom će zaista otići u crkvu na Božić.

NAŠ PRVI NEMAČKI BOŽIĆ

Šijem male zavese, stavljam lampice, pletem tepihe za Aninu kućicu za lutke. Kupujem mali šporet, posude, frižider, dnevni boravak, spavaću sobu, radne sobe, dečije sobe, ljljaške za baštu i bazen za podrum. Zapravo, kupujem sve

što mi nemamo i verovatno nikad ni nećemo imati. Da kupim i kolevku sa bebom? Ne sad, sačekaću još malo. Tako ostajem čućeći celu noć ispred male drvene kućice, premeštam nameštaj tamo-amo i pripremam čak i sobu za peglanje i šivenje u podrumu. Kućica za Anu. Ona me uvek moli da u dnevnu sobu smestimo pravu sofу. Ne neku modernu, italijansku, već onu meku, kožnu, ili još bolje od eko kože, u koju se zavalиш, a onda satima ne možeš više da ustaneš iz nje. Da bude za celu porodicu, kaže Ana.

Misljam da je kućica manje više u redu i da mogu da spremam poklon za Davida. Lego kocke. On u stvari želi bubnjeve. Već me sad boli želudac kad pomislim na njegove oči kad ugleda dečiju igračku umesto bubnjeva. Sve to staviću ispod božićnog drvceta koje su deca ukrašavala još u toku popodneva. Premeštam stvari tamo-amo, pa opet amo-tamo. Do đavola, zašto nisam Davidu kupila bubnjeve? Bio bi srećan, a ja bih bila mirna i život bi bar nekoliko dana bio jednostavan. Jer potpuno je jasno da će mu ih jednog dana sigurno kupiti. Sad mogu da odem da spavam. Svakog časa će svanuti. Znam da neću zaspati.

Ovo je naš prvi nemački Božić. Manja katastrofa. Čim smo stigli u ovu zemlju umro mi je otac, a David je prestao da peva. Pevao je samo još na sahrani, a onda više nikad, nikad. Ana neće da govori nemački, pa zbog toga sva deca u njenomodeljenju govore engleski. Očigledno da je ova moja čerka sazdana od čelika. A ja? Bolje da zaboravim svoju samoču. Prvi put u životu stalno me boli glava, prvi put gutam aspirine i noću ne spavam. Mada je inače sve u redu i slavićemo prvi nemački Božić. Doduše, kasnimo koji dan, ali to nam je potpuno svejedno. Šteta, samo šteta što nisam kupila one bubnjeve!

Ne mogu da zaspim. Zašto nisam malo požurila sa svim obavezama? Sad bismo mogli da budemo već u Ljubljani. Previše sam se posvetila šivenju, previše sam se udubila u pečenje kolača, a još više, moram to da priznam, u nemačku kulturu. U toku božićnih praznika na televiziji su se tri dana zaredom prikazivali filmovi o Sisi, austrijskoj carici. Sa Romi Šnajder u glavnoj ulozi, i tako dalje. Nisam još videla nijedan od tih filmova, čemu su se čudili svi moji nemački poznanici. A onda Sisin muž Franc Jozef, pa Austrija, pa Mađarska, pa Alpi i Dunav, i njena bolest. I bolest je lakša kad si bogat. Tako sam propustila i Božić, mada to priznajem samo sebi. Zapravo i ne znam da li sam sasvim poštena prema sebi. Ovde u Nemačkoj radim s pacijentima. Činim čuda božija, od psihodrame do tai čija, od joge do bioenergije. Teško sam se navikla na duboke nemačke duše, ne, nisu duboke, ne znam kako da kažem, možda prodiru u dubinu, buše na svaki način upravo tamo gde dubine sigurno nema. Pa njihova disciplina. Moj najveći terapeutski uspeh jeste u tome da na čas s terapeutskom grupom kasnim petnaest minuta, a niko me zbog toga ne kritikuje. Ali to se zista retko dešava, a kad se desi, srećna sam sledećih petnaest dana. Što znači da

sam u toj zemlji postala veoma skromna. Ja njima tai či, a oni meni zadovoljstvo zbog kašnjenja i Sisi. Stvari su zapravo prilično pravedno raspodeljene.

Ujutro me budi vesela dečija graja. David je, bogu hvala, zaboravio na bubreževe i raduje se šarenim igračkama. Ana vodi svoju novu porodicu u šetnju, a ja zvocam. Opet moram da se pakujem. Od svih tih pomeranja po svetu meni je muka i ne mogu više da smislim ni kofer, ni rančeve, ni mornarske vreće. Satima tumaram po kući, razmišljajući šta da ponesem sa sobom. U poslednje vreme u kofere ubacujem sve što mi dođe pod ruke, pa uvek bude toliko prtljava da ne može da stane u kola. Pa onda pokloni za Ljubljano, pa Ana i David koji žele da sa sobom ponesu sve nove stvari koje su dobili. Onda se svađamo. Muka mi je od svega, muka mi je zbog mojih racionalnih odluka, jer se uvek, ali baš uvek, ispostavi da su one potpuno pogrešne. Život je jedna velika radost.

Moj novi suprug je veoma nervozan, zapravo, njegova se nervosa već graniči s histerijom. Kažu da je to obično ženska bolest, ali ja nisam baš ubeđena u to. Ne znam zašto opet toliko insistira da ide s nama u Ljubljano. Onda moramo opet da se bavimo samo njime i da razgovaramo na engleskom. Ne mogu da ga ubedim da i on ima svoju rodbinu. Ne dozvoljava mi ni da malo odmorim svoj mozak. A i vozi nepažljivo.

Vozimo se po snegu i kiši, i u koloni. Deca spavaju ili pevaju, ili su gladna, ili im se piški. Pitaju koliko još kilometara ima do Ljubljane, pitaju zašto nismo krenuli dan ranije. Dragi moji, zbog toga što sam ja gledala Sisi. Mog muža, nemackog levičarskog intelektualca skoro je strefila srčka.

Kroz sneg i led nekako smo se dovukli do granice na vrhu brda. Cela porodica sedi u kolima, dok ja vozim. Pored vozila koja stoje ne pomerajući se, po red ljudi koji uzalud guraju kola po ledu užbrdo. Na granici sam odahnula, sve dok nismo stigli do carine. Jugoslovenski carinici ovaj put su odlučili da naplate sve živo. Jugoslovenski, turski, grčki, a ko zna, možda i iranski gastarbajteri, svi stoje na granici i psuju jugoslovensku državu. I ja sam među njima. David uplašeno pita: »Mama, a šta ako te sluša drug Tito u nebesima?«

Svi moji Božići

Translated by Jelena Dedeić
Contact: jelena.rasic@sezampro.rs

SVEŽ KOLAČ I TOPLA PEĆ

Javili su se petlovi. Vruće mi je. Okrenem se i vidim moju sestru i sestrinu od tetke i još jednu sestrinu od tetke i dva brata od tetke. Kod bake smo, kod očeve majke. U selu Bogneča vas. Kakvo ime! Selo koje Bog neće. Da li je neko čuo za njega? Do njega se ne može doći putem, automobilom. Otac u selo uvek šalje telegram i najavljuje naš dolazak otprilike nedelju dana pre nego što krenemo na put. Auto zatim ostavljamo u obližnjem mestu gde imaju crkvu, školu i poštu, nekoliko kilometara od Bogneče vasi, a po nas dolazi teča kočijama i konjem. Kada se vozimo preko travnjaka i šume, otac nam uvek iznova govori da je svako jutro ovuda išao pešice u školu, čak i zimi, po kiši, vetru i snegu.

Mama je išla na studijsko usavršavanje u Rim, a otac nas je na nekoliko dana poslao kod svoje majke i mlađe sestre koja živi na farmi sa mužem i sa petorom dece. U Bogneču vas. Ne znam kako je sa mojom mlađom sestrinom, ali za mene je taj boravak na selu pravo malo mučenje. Noću sva deca spavaju na krušnoj peći, a svi, ne samo deca, jedu iz velike posude koja стоји na sredini stola. Kašike su drvene. Obično jedemo krompir, boraniju sa pavlakom i čvarke. To znači da sam ceo dan gladna, a tek uveče se najedem svežeg hleba koji tetka peče u krušnoj peći na kojoj posle toga, noću, spavamo. Na jesen se na njoj suše vrganji i šljive, male kruške za kompot i komadići jabuka.

U stvari, lepo je na selu. Pre večere, deca i žene odlaze u dolinu do velikog potoka, zajedno sa konjima i kravama. Kako se beše to zove? Pojiti stoku. Dok životinje piju, seljanke zahvataju vodu sa izvora u velike krčage. Zatim ih na glavama nose kući u selo, strmim putem u brdo. U ono selo koje Bog ne voli.

Mi deca se bacamo po snegu i ponekad se gađamo slamom u seniku, sve dok neko ne zaplače. Zatim na peći igramo karte. Najviše smo voleli tarok, a

ponekad bismo igrali i »Ne ljuti se, čoveče«. Baba nas često posmatra dok se igramo. Nešto je čudno u vezi sa njom. Mogu ruku u vatrnu da stavim da mog oca verovatno najviše voli od sve svoje dece. Mene i sestru očigledno ne voli. Neprestano nam govori da smo previše blede i mršave i da ništa ne umemo. Neprestano nam kao uzor postavlja braću. Mislim da našu mamu ne voli previše i ne znam zašto bi naš otac trebalo da ima još i sina, kad smo sestra i ja sasvim dovoljne. Babu nikada ne gledam u oči, jer onda odmah poželim da idem kući i ne želim da zapazi moje suze. »Ti razmaženo gradsko derište«, govorila bi u takvom trenutku. Sedimo na peći i po stoti put danas igramo »Čoveče, ne ljuti se« i ja uopšte više ne gledam ko vara u igri, samo želim da idem kući.

Iz kuhinje se začuje vika babe i tetke.: »Naravno da će ga ispeći, zbog dece ču ga ispeći. I onako uvek slušaju kako su drugačiji od ostalih!« Nikad još nisam čula svoju tetku da tako ljutito viče, a kamoli da viče na svoju majku. »I šta ako neko naiđe i sve to ispriča u Ljubljani?« umiruje je baba. »Deci će ispeći kolač, kad već ne smeju imati Božić«, govorila je tetka odlučno.

Uveče donosi na sto svež kolač. Sve je zaboravljeno za tren. Spavanje sa drugom decom na velikoj peći, krompir i boranija, čak i to da bih želeta da idem kući. Cela kuća miriše na šlag i orahe. Tetka pali sveću i nožem seče kolač. Napolju se čuje pesma. Gledamo kroz prozor. Iz komšijine kuće, i iz kuće drugog suseda i iz ostalih seoskih kuća dolaze ljudi sa svećama, zavijeni u tople šalove. Sastaju se ispred naše kuće, malo postoje i odlaze dalje putem. Pevuše dugo.

»Kuda idu«, pitam radoznalo. Baba, mama i tetka se gledaju. »U crkvu; na misu.« »A zašto i mi ne idemo?« Ponovo gledaju jedna u drugu, a baba kaže: »Zato što je sveštenik za vreme rata izdao oca koji je bio u partizanima. »Da nas komšija nije upozorio da dolaze Nemci, danas bi svi bili mrtvi i kuća bi bila zapaljena. Ovako smo na vreme mogli da se sakrijemo u šumu. Dugo dugo vremena smo proveli pod vedrim nebom.«

Ponovo sedam za sto i sa uživanjem jedem kolač. Želim da odem sa komšijama, jer bih volela da vidim to čudo božje od mise. Volela bih da jednom vidim crkvu iznutra i izuzetno me zanima šta je molitva. Šta ljudi uopšte rade u crkvi? Nemam nikakvu predstavu o tome. Ali, svejedno, ne žurim nikuda. Danas su tu svež kolač i topla peć. Napolju je hladno. Crkva je previše daleko. Ali, kada porastem, jednom će zaista otići u crkvu na Božić.

NAŠ PRVI NEMAČKI BOŽIĆ

Šijem male zavese, nameštam lampe, pletem tepihe za Aninu kuću za lutke. Kupujem mali šporet, sudove, frižider, dnevnu sobu, spavaću sobu, radne sobe, dečije sobe, ljljaške za baštu i bazen za podrum. U stvari, kupujem sve što mi

nemamo i najverovatnije, u stvari sigurno, nećemo nikada imati. Da kupim još kolevku sa bebom? Ne sada, još malo ču sačekati. Tako utucam celu noć ispred drvene kućice, premeštaj ovde i onde i napravim pravu sobu za peganje i šivenje u podrumu. Kućica za Anu. Uvek me moli da u dnevnoj sobi nabavimo pravu sofу. Ne onu modernu, italijansku, već meku, kožnu, ili još bolje, od veštačke kože, onu u koju se zavalio, a onda satima i satima ne možeš da ustaneš iz nje. Tako za celu porodicu, kaže Ana.

Mislim da je kućica manje-više u redu i da mogu da pripremim poklon za Davida. Lego kocke. U stvari, on želi bubnjeve. Već sada me boli želudac od pomisli na njegove oči kada bude ugledao dečju igračku umesto bubnjeva. Sve zajedno stavljam ispod božićne jelke, koju su deca okitila još prošlog po-podneva. Premećem stvari ovde i onde i ponovo ovde i onde. Dođavola, zašto Davidu nisam kupila bubnjeve? Bio bi srećan i ja bih bila mirna i život bi bar nekoliko dana bio jednostavan, jer je u svakom slučaju jasno da ču mu ih jednog dana svakako kupiti.

Sada mogu da idem da spavam. Razdaniće se svaki čas. Znam da neću zaspati. Ovo je u stvari naš prvi nemački Božić. Manja katastrofa. Čim smo došli u ovu zemlju, umro mi je otac i David je prestao da peva. Samo je još na sahrani pevao i nikada, nikada više. Ana neće da govori nemački i zato sva deca u njenom razredu govore engleski. Očigledno je da je moja čerka sazdana od gvožđa. A ja? Bolje da zaboravim na svoju samoću. Prvi put u životu me ne-prestano boli glava, prvi put gutam aspirine i noćima ne spavam. Inače je sve u redu i slavimo prvi nemački Božić. Iako stvarno kasnimo koji dan, potpuno nam je svejedno. Šteta, šteta, što nisam kupila one bubnjeve.

Ne mogu da zaspim. Zašto nisam malo više požurila sa svim tim? Sada smo već mogli da budemo u Ljubljani. Previše sam se posvetila šivenju, previše sam se udubila u pečenje, a još više, moram priznati, u nemačku kulturu. Za božićne praznike, na televiziji su tri dana zaredom prikazivali filmove o Sisi, austrijskoj carici. Sa Romi Šnajder u glavnoj ulozi i tako dalje. Još nikada nisam gledala ni-jedan od tih filmova i tome su se čudili svi moji nemački poznanici. I taj Sisin muž Franc Jozef, pa Austrija, pa Mađarska, pa Alpe i Dunav i njena bolest. I bolest je lakša ako si bogat. Tako sam i na Božić zakasnila dan ili dva, mada to pri-znajem samo sebi. Zapravo ne znam da li sam sasvim iskrena prema sebi. Ovde u Nemačkoj radim sa pacijentima. Pravim čuda božija, od psihodrame do taj-čija, od joge do bioenergije. Teško sam se navikla na duboke nemačke duše. Ne, nisu duboke, ne znam kako bih rekla, možda koje prodiru u dubinu, koje na sve načine prodiru upravo tamo gde dubina zapravo i ne postoji. I njihova disciplina. Moj najveći terapeutski uspeh je u tome da na čas sa psihoterapeutskom grupom zakasnim petnaest minuta, a da mi to нико ne prebaci. Ali, to se zaista retko događa i kada se dogodi, sledećih petnaest dana sam srećna. Što znači da

sam u ovoj zemlji postala izuzetno skromna. Ja njima taj-či, oni meni radost prema kašnjenju i Sisi. Stvari su zapravo dosta pravilno podeljene.

Ujutro me budi vesela dečja vika. David je, hvala Bogu, zaboravio na bubreve i raduje se šarenim igračkama. Ana vodi svoju novu porodicu u šetnju, a ja sam nervozna. Opet moram da se pakujem. Muka mi je od sveg tog kretanja po svetu i uopšte više ne mogu da vidim ni kofere, ni rance, ni mornarske vreće. Satima hodam gore-dole po kući i razmišljam šta bih sve mogla da ponesem. U poslednje vreme kofere punim svime što mi dođe pod ruku i tako uvek imamo toliko prtljaga da ne može sve da stane u auto. Onda još pokloni za Ljubljano, pa još Ana i David žele da ponesu nove stvari koje su dobili. Onda se prepiremo. Muka mi je od svega, muka mi je od mojih racionalnih odluka, jer su se one svaki put, ali zaista svaki put pokazale potpuno pogrešnim. Život čini samo radost.

Moj novi muž je nervozan. Zapravo, njegova nervosa se graniči sa histerijom. Kažu da je to obično ženska bolest, ali ja nisam sasvim ubedena u to. Ne znam zašto se opet gura da ide sa nama u Ljubljano. Onda se opet treba baviti samo njime i govoriti engleski. Nikako ga ne možeš ubediti da i sam ima svoje rođake. Ne dozvoljava mi ni ono malo odmora u glavi. Osim toga, vrlo nemarno vozi.

Vozimo u koloni, po snegu i kiši. Deca spavaju, ili pevuše, ili su gladni, ili moraju u toalet, pitaju koliko još kilometara ima do Ljubljane, pitaju zašto nismo otišli dan ranije. Jednostavno zato, dragi moji, što sam ja gledala Sisi. Mužu, nemačkom levičarskom intelektualcu, samo što srce nije stalo.

Po snegu i ledu nekako dopuzimo do granice na vrhu brda. Cela porodica sedi u automobilu i ja vozim. Pored vozila koja stoje, koja se nikuda ne miču, pored ljudi koji automobile uzalud guraju užbrdo po ledu. Na granici odahнем sve dok ne dođemo do carine. Jugoslovenski carinici su ovoga puta odlučili da naplate sve živo. Jugoslovenski, turski, grčki, a čini mi se i iranski gastarbjajteri, svi stoje na granici i psuju jugoslovensku državu. I ja sam među njima. David preplašen pita: »Mama, šta ako te sluša drug Tito na nebesima«.

Todas mis navidades

Translated by Damian Ahlin
Contact: damian.ahlin@gmail.com

UNA POTICA¹ RECIÉN HORNEADA Y UNA ESTUFA CALIENTE

Cantaron los gallos. Tengo calor. Me doy vuelta y veo a mi hermana, mi prima y otra prima y dos primos más. Estamos en lo de mi abuela, la madre de mi padre. En el pueblo Diosnoquiere. ¡Qué nombre! Un pueblo al que Dios no quiere. ¿Alguien escuchó alguna vez acerca de él? Hasta él no es posible acceder con auto por el camino. Papá siempre manda un telegrama al pueblo avisando de nuestra llegada aproximadamente una semana antes de que salgamos hacia allá. Dejamos el auto en un lugar cercano donde tienen una iglesia, una escuela y una oficina postal, algunos kilómetros alejados del pueblo Diosnoquiere, y nos viene a buscar mi tío con su carreta y con los caballos. Cuando viajamos a través de la pradera y del bosque, nuestro padre nos cuenta una y otra vez, que iba al colegio a pie, por este mismo camino, incluso en invierno, con lluvia, viento y nieve.

Mi madre fue a un curso de capacitación a Roma y mi padre nos envió por un par de días con su madre y una hermana menor que vive en la granja con su marido y cinco hijos. Al pueblo Diosnoquiere. No sé que piensa mi hermana menor pero para mí, estar en este pueblo, es un verdadero pequeño sufrimiento. Por las noches todos los chicos dormimos sobre el gran horno de barro con su techo plano donde se hornea el pan; todos, no solo los niños, comemos de un gran cuenco, puesto en medio de la mesa. Las cucharas son de madera. Generalmente comemos papa, chauchas con crema y chicharrones. Esto significa que tengo hambre todo el día y que recién a la noche me sacio con pan fresco

1 Potica: (potizza) es un arrollado o rollo de frutos secos esloveno. Hoy en día casi todo el mundo ya conoce potica, porque es parecida a lo que en España se conoce como bollo, en Alemania el stollen y en México como pastel horneado. (Traductores cuenta)

horneado por mi tía en el horno de barro sobre el cual a la noche dormimos. En el otoño secan hongos sobre él y también ciruelas y pequeñas peras para la compota y manzanas disecadas.

De hecho, es lindo estar en el pueblo. Antes de cenar, todos los niños y mujeres vamos con los caballos y vacas, al valle hasta un gran arroyo. ¿Cómo es que se dice? Abrevar o darle de tomar al ganado. Mientras los animales sacian su sed, las mujeres del pueblo llenan sus grandes vasijas con el agua del arroyo. Luego las llevan sobre sus cabezas hasta el pueblo, por un camino muy empinado. A ese pueblo que Dios no quiere.

Durante el día, los niños nos revolvemos sobre la nieve y a veces nos tiramos paja en el granero, por lo general tanto tiempo, hasta que alguno empieza a llorar. Luego jugamos a las cartas sobre el horno de barro, lo que más nos gusta es el tarok, a veces jugamos también al ludo. Muchas veces mi abuela nos observa mientras jugamos. Algo raro le pasa. Mi padre, y por esto casi pondría las manos en el fuego, es el preferido entre todos sus hijos. A mí y a mi hermana evidentemente no nos quiere. Se la pasa diciendo que somos muy pálidas, muy delgadas y que no tenemos fuerza alguna. Todo el tiempo pone a mis primos de ejemplo. Creo que a mi madre no la quiere demasiado y no sé porque nuestro padre debería tener un hijo más, ya que con nosotras es más que suficiente. Nunca miro a mi abuela a los ojos, ya que luego quiero irme a casa inmediatamente y no quiero que vea mis lágrimas. “¡Qué niña mimada de ciudad!” me dice en aquellas ocasiones. Estamos sentados sobre el horno de barro y ya por centésima vez hoy jugamos al ludo y ya ni miro quien hace trampa. Solo quiero irme a casa.

De la cocina se escuchan gritos entre mi abuela y mi tía. “¡Seguro que voy a hornearla!, aunque sea por los niños lo voy a hacer. ¡Ya así siempre tienen que escuchar que son diferentes a los demás!”. Nunca escuché a mi tía tan enojada, y menos que le grite a su madre. “¿Y qué pasa si alguien viene de visita y luego cuenta esto en Liubliana?” – trata de tranquilizarla mi abuela. “Hornearé para los niños la potica, si es que no pueden festejar la navidad”, dice mi tía decididamente.

A la noche trae a la mesa una potica recién horneada. Inmediatamente está todo olvidado. Dormir con los otros niños sobre el horno de barro, la papa y la chaucha y también el hecho de que quisiera volver a casa. Toda la casa huele a crema y nueces. Mi tía prende una vela y corta la potica con un cuchillo. Afuera se escuchan cantos. Miramos a través de la ventana. De la casa vecina y también de otra casa vecina y prácticamente de todas las casas del pueblo vemos venir a la gente con velas, envueltos con cálidas bufandas. Se encuentran delante de nuestra casa, allí se detienen un rato y siguen su camino. Cantan.

“A dónde van?” Pregunto curiosamente. Mi abuela y mi tía intercambian sus miradas. “A la iglesia, a misa.” Y “¿por qué no vamos nosotros también?” Nuevamente se miran y mi abuela dice: “Porque el párroco durante la guerra delató a mi marido que era miembro de los partisanos. Si nuestro vecino no nos hubiese prevenido que llegaban los alemanes, hoy estaríamos todos muertos y la casa incendiada. Así pudimos escondernos a tiempo en el bosque. Mucho, mucho tiempo sobrevivimos bajo el cielo abierto.”

Me siento a la mesa y como la potica con mucho placer. Deseo ir con los vecinos porque quiero ver este gran milagro divino que es la misa. Una vez quiero ver la iglesia desde adentro y me interesa mucho saber qué es la oración. ¿Qué hace la gente en la iglesia? No me imagino nada al respecto. Pero, de todas formas, no tengo apuro. Hoy están aquí la potica recién horneada y una estufa caliente. Afuera hace frío. La iglesia está muy lejos. Pero cuando sea grande, una vez de verdad iré a la iglesia en navidad.

NUESTRA PRIMERA NAVIDAD ALEMANA

Estoy cosiendo unas pequeñas cortinas, poniendo luces, tejiendo ... alfombritas para la casa de muñecas de Ana. Compro una cocinita, vajilla, heladerita, living, cuarto de dormir, un tallercito, cuarto de niños, hamaca para el jardín y pileta para la bodega. En definitiva, compro todo lo que nosotros no tenemos y probablemente tampoco nunca tengamos. ¿Compro también la cunita con el bebé? No, ahora no, voy a esperar un tiempo más. Así me quedo agachada toda la noche delante de la casita de madera, cambio de lugar los muebles y preparo toda la habitación para planchar y coser en la bodega. La casita para Ana. Siempre me pide que tengamos en el living un sofá de verdad. No uno moderno de diseño italiano, sino uno suave, de cuero o mejor de cuero ecológico como si te tirases sobre él y luego por horas y horas no pudieses levantarte. Uno así para toda la familia, dice Ana.

Creo que la casita está más o menos bien y puedo preparar el regalo para David. Cubos de lego. Aunque en realidad él desea una batería. Ya desde ahora se me retuerce el estómago al pensar en sus ojos cuando vea el juguete en vez de la batería. Pongo todo debajo del árbol de navidad que los niños adornaron ya por la tarde. Acomodo las cosas de aquí para allá y una vez más allá y otra vez aquí. Diablos, ¿por qué no le compré a David la batería? El estaría feliz y yo estaría tranquila y la vida sería más simple aunque sea un par de días. De todos modos queda claro que algún día seguramente se la compraré. Ahora puedo ir a dormir. Amanecerá en cualquier momento. Se, que no me voy a poder dormir.

Esta, a decir verdad, es nuestra primera navidad alemana. Una pequeña catástrofe. Apenas llegamos a este país murió mi padre y David dejó de cantar. Solo cantó en el entierro y luego, nunca, nunca más. Ana no quiere hablar alemán y por eso todos los niños de su clase hablan en inglés. Obviamente esta hija mía está hecha de hierro. ¿Y yo? Mejor me olvido de mi soledad. Por primera vez en la vida me duele la cabeza de manera constante, por primera vez tomo aspirinas y no duermo de noche. Salvo esto, el resto está todo bien y celebramos nuestra primera navidad alemana. Aunque en realidad estamos atrasados un par de días, pero a nosotros no nos importa. Lástima, me apena mucho, el no haber comprado la batería.

No puedo dormir. ¿Por qué no me apuré un poco con todo esto? Ahora ya podríamos estar en Liubliana. Dediqué demasiado tiempo a la costura, a la cocina y por sobre todo, esto debo admitirlo, a la cultura alemana. Para las fiestas navideñas pasaron por televisión durante tres días las películas de Sissi, la emperatriz austriaca. Con Romy Schneider en el papel principal, etc. Nunca vi alguna de estas películas y esto les extrañó a mis colegas alemanes. Y el marido de Sissi, Francisco José, y Austria, y Hungría, y los Alpes y el Danubio y su enfermedad. Hasta la enfermedad es más fácil si sos rico. Por eso hasta se me pasó la navidad por un día o dos, aunque esto me lo admito solo a mí misma. Aunque no sé si soy completamente honesta conmigo. Aquí en Alemania trabajo con pacientes. Hago milagros divinos, del drama psíquico hasta el taichí, del yoga a la bioenergía. Fue muy difícil acostumbrarse a las profundas almas alemanas, no, no son profundas, no sé cómo decirlo, podría ser taladradas en profundidad, perforadas de todas formas precisamente allí donde muy probablemente no hay profundidad. Y su disciplina. Mi mayor éxito terapéutico está en esto, que por hora de psicoterapia de grupo, me retraso quince minutos y nadie me dice nada. Pero esto no pasa muy a menudo, y cuando pasa, estoy feliz por los siguientes quince días. Lo que significa, que me convertí en un ser muy humilde en este país. Yo a ellos taichí y ellos a mi alegría por los retrasos y Sissi. De esta manera podría afirmar que las cosas están justamente distribuidas.

Por la mañana me despiertan los alegres gritos de los niños. David, gracias a Dios, se olvidó de la batería y está contento con sus coloridos juguetes. Ana lleva de paseo a su nueva familia y yo estoy harta de todo. Otra vez debo empacar. Ya me duele el estómago de todas estas mudanzas por el mundo y ya ni siquiera puedo ver más valijas, mochilas ni bolsas marineras. Horas completas camino de acá para allá por la casa y pienso que llevaría. Últimamente lleno las valijas con todas las cosas que tengo a mano y así tenemos siempre tanto equipaje que no cabe todo en el auto. Y los regalos para Liubliana, y Ana y David que quieren llevar sus nuevas adquisiciones. Despues nos peleamos. Me siento mal por todo, me siento mal por mis decisiones racionales, ya que éstas siem-

pre, pero siempre han demostrado ser totalmente erróneas. Esta vida es una total alegría.

Mi nuevo marido está irreconociblemente nervioso, prácticamente su nervosismo linda con la histeria. Dicen que por lo general ésta es una enfermedad de las mujeres, aunque no estoy totalmente segura de ello. No sé porque insiste en venir con nosotros a Liubliana. Después hay que dedicarse otra vez exclusivamente a él y hablar en inglés. No hay manera de convencerlo de que también él tiene sus familiares. Tampoco eso me da respiro en mi cabeza. Hasta el auto maneja con desgano e imprudentemente.

Manejamos con nieve, lluvia y encima en caravana. Los niños duermen o cantan, o tienen hambre, o necesitan ir al baño. Preguntan cuántos kilómetros faltan hasta Liubliana, preguntan porque no partimos un día antes. Sencillamente, mis queridos, porque yo miraba a Sissi. A mi marido, un intelectual alemán de izquierda, casi le da un ataque.

A través de la nieve y del hielo de alguna manera llegamos hasta la frontera en la cima. Toda la familia está sentada en el auto y yo manejo. Pasando al costado de los autos varados, que no se mueven, al costado de la gente que en vano empuja los autos sobre el hielo hacia la cumbre. En la frontera tomo un respiro, hasta que llegamos a la aduana. Los empleados aduaneros yugoslavos decidieron que ahora cobrarán impuestos por absolutamente todo. Los trabajadores temporales yugoslavos, turcos, griegos y no sé si también iraníes, están parados en la frontera y maldicen el estado yugoslavo. Yo también estoy entre ellos. David pregunta espantado: “¿Mamá y si esto lo escucha el camarada Tito en el cielo?”

List of Translators

DAMIAN AHLIN (Argentina)

Born in 1973 in Buenos Aires, Argentina. Since 1996 he has been working at First Data as a QA technical analyst. He studied English and Portuguese for several years. He is a member of a Slovenian theatre group, the Slovenian folk group "Maribor", the Slovenian Cultural Organization, as well as a singer in and co-founder of the Slovenian choir in Carapachay. He has written and edited two books – *Besede dveh celin* (Words of two continents), which is made up of poems in Slovenian and Spanish, and *Café literario* (Literary coffee), which also includes

poems by Gregor Papez and Agustín Mojica. Both books were presented at the International Book Fair in Buenos Aires in 2014, as well as in Guadalajara (Mexico), Frankfurt (Germany), Quito (Ecuador) and Santiago (Chile). He lectures on literature, actively participates in seminars, and collaborates with Slovenian Embassy in Argentina. His first poems were published in the newspaper *Slovenec* (Slovenian) in 1991–1992. He has translated many works (from Spanish to Slovenian and vice-versa) and is preparing some other translations.

Contact: damian.ahlin@gmail.com

GERGELY BAKONYI (Hungary)

Born in 1984 in Budapest, Hungary. He graduated in Hungarian Philology and Pedagogy, later in Slovenian Philology from the Faculty of Philology at the Eötvös Loránd University in Budapest. He has continued his research at the doctoral level. His focus is on the literary genres in the Slovenian literature of the 19th century (the subject of his doctoral thesis), and he also publishes reviews about contemporary literature, paying particular atten-

tion to the great epic genres in verse. He has worked as a reader for several publishers. Since 2010 he has been publishing translations from Slovenian into Hungarian, and his translations of texts by Milan Jesih, Vlado Kreslin, Katarina Marinčič and the Freising manuscripts (Brižinski spomeniki) will soon see print. He has led seminars at his university and moderated literary events with authors from Slovenia.

Contact: gergelybakonyi@yahoo.com

DRAGANA BOJANIĆ TIJARDOVIĆ (Serbia)

Born in 1957 in Feketić, Vojvodina (Serbia). She finished elementary and secondary school in Koper, Slovenia. She graduated in Philosophy and Serbo/Croatian or Croatian/Serbian Language and Literature at the Faculty of Arts, University of Ljubljana. Between 1982 and 1992 she worked as the translator for Slovenian language at the Slovenian editorial board of the Translation Service of the Federal Authorities in Belgrade. Since 1993 she has been a court translator for Slovenian in Belgrade. She has translated numerous theoretical and prose texts and poetry from Slovenian (Tomaž Šalamun, Peter

Semolič, Uroš Zupan, Taja Kramberger, Brane Mozetič, Ifigenija Simonović, Berita Bojetu, Dane Zajc, Lado Kralj, Goran Vojnović, etc.) and into Slovenian (David Albahari, Stevan Raičković, Radmila Lazić, Saša Jelenković, Dragan Velikić, etc.), published in literary magazines and journals in Slovenia, Serbia, Montenegro, Bosnia and Herzegovina; radio broadcasts of her translations have appeared on the national *Radio Slovenia – ARS Programme*. She is also working as simultaneous interpreter from and into Slovenian. She is a member of the Association of Literary Translators of Serbia.

Contact: d.b.t@sbb.rs

PAULA BRAGA ŠIMENC (Romania)

Born in 1958 in Bucharest, Romania. She has an MA in French and Romanian Literature (1981) and a PhD in Education (1998), both from Bucharest University. She has worked as a researcher at the Institute for Educational Sciences in Bucharest. Since 2002 she has been living in Ljubljana, Slovenia, and working as a freelance translator. She has been translating

Slovenian prose and poetry since 2009. Her translations have been published in the main Romanian literary reviews. With the support of the Slovenian Book Agency, she has translated two books – Aleš Debeljak's anthology of poetry *Manufakturna prahu* (*Manufactura tărâii*, 2012) and Drago Jančar's novel *To noč sem jo videl* (*Azi-noapte am văzut-o*, 2014).

Contact: bragapaula@hotmail.com

JELENA DEDEIĆ (Serbia)

Born in Belgrade, Serbia, in 1975, she has a BA in Serbian Language and Literature and General Linguistics from the Faculty of Philology in Belgrade. Upon graduating from university she taught Serbian in elementary school, worked in daily newspapers as a proof-reader, and worked as a translator for numerous companies. She has been translating professional documentation from Slovenian into Serbian on diverse topics, such as economics, law,

pharmacy, accounting and insurance; on psychology for the publisher Psihopolis; as well as diplomatic correspondence and documents for the Embassy of the Republic of Slovenia in Belgrade. Since 2008 she has been translating professional publications for Faculty Doba from Maribor, Slovenia. Translated publications: Andrej Vizjak, Winners of Market Branches; Majda Pšunder, Antonija Milivojević Krajnčić, Behavior of Adolescents and

their Perception of Relations with Parents and School; OMW Users' Manual for the Rohe company. She has also been proof-

reading books and articles, teaching story-writing to students, and teaching Slovenian language in Belgrade to beginners.

Contact: jelena.rasic@sezampro.rs

LJUDMIL DIMITROV (Bulgaria)

Born in 1967. He obtained a degree in Bulgarian Philology (1992), combined with two additional majors – Journalism and Media – at Sofia University. He also graduated in Theatre Directing at the National Academy for Theatre and Film Arts in Sofia. He obtained his doctorate in Russian Literature in 1999. He is a professor of Russian Literature at the University St. Kliment Ohridski in Sofia, and a professor of Russian Drama and Theatre at the Theatre College "Lyuben Grois" in Sofia. Between 2005 and 2010, he was a lecturer for Bulgarian Language, Literature and Culture at the University of Ljubljana. He has authored several scholarly monographs (including *Bagrjana in Slov-*

enija with Ljudmila Malinova-Dimitrova, Ljubljana 2011), textbooks and books (anthologies and collections), over 150 publications in Bulgaria, Russia, Poland, the Czech Republic, Slovakia, Turkey, Italy, Serbia, Slovenia, etc. Also an editor, he translates works from English, Russian and Slovenian. He has translated several works by Slovenian authors into Bulgarian, among them, Aleš Šteger, Matjaž Zupančič, Zofka Kveder, Suzana Tratnik, Mojca Kumerdej, Andrej Blatnik, Andrej Morovič, Maja Novak, Tomaž Kosmač, Andrej Skubic, Mitja Čander, Stanka Hrastelj, Drago Jančar, Evald Flisar, Simona Semenič, Matjaž Zupančič and Vinko Möderndorfer.

Contact: ljudiv@abv.bg

MIROSLAV GRADEČAK (Croatia)

Born in 1983 in Varaždin, Croatia. He studied History, Macedonian Language and Literature and Slovenian Language and Literature at the Faculty of Humanities and Social Sciences in Zagreb. In 2010 he graduated, defending his thesis "Slovenian expressionist literature in historical context". Since 2011 he has been teaching history and Slovenian at Second High School in Varaždin. He has translated and

published various texts, among them several literary texts and two books in the field of history. In cooperation with the Council of the Slovenian national minority of Varaždin County and the Slovenian Cultural Association "Nagel" from Varaždin he promotes Slovenian language and culture in Croatia, and in this context he has organized literary evenings with the Slovenian famous writer Feri Lainšček.

Contact: mgradecak@yahoo.com

MARLENA GRUDA (Poland)

Born in 1984 in Zabrze, Poland. She graduated in Slovenian from the Institute of Slavonic Philology at the University of Silesia, where she is also enrolled in a doctoral programme at the Department of Philology. She focuses her research on literary studies and contemporary Slavic literatures, as well as translation theory. In her doctoral dissertation, she is researching the characteristics of the contemporary hero in Slovenian prose after 1991. In addition to conducting literary research which has recourse to the psychoanalysis of literary works, cultu-

rology-based literary theories, and cognitivism, she also contributes to various projects concerned with the promotion of Slovenian culture abroad. She translates Slovenian prose, poetry and essays. She has already translated works by several renowned Slovenian authors, such as Esad Babačić, Vladimir Bartol, Aleš Debeljak, Milan Dekleva, Tadej Golob, Andrej Hočevar, Milan Jesih, Edvard Kocbek, Srečko Kosovel, Nataša Kramberger, Svetlana Makarovič, Miha Mazzini, Boris A. Novak, Zoran Pevec, Klemen Pisk, Maja Vidmar, and Vlado Žabot.

Contact: marlena.gruda@gmail.com

ALEKSANDRA KRASOVETS (Russia)

Born in 1982 in Moscow, she studied Slovenian Language and Literature at Lomonosov Moscow State University (2000–2005), where she completed the thesis “The Genre Peculiarity of Drago Jančar’s Novels between 1970 and 1990”. Then she studied Russian Literature at Jean-Moulin Lyon III University in France. In 2006 she defended her MA thesis “Russian Avant-garde Poetry in the 1920s”, which also

covered the phenomenon of Russian expressionism. She completed her doctoral dissertation in 2012. She lived in Ljubljana between 2006 and 2014 and returned to Moscow in 2014. She translates scholarly, technical and literary texts, among them some by Goran Vojnović. She is a member of a group preparing a new edition of a Russian-Slovenian Dictionary at University of Ljubljana.

Contact: aleksandrakrasovec@yahoo.com,

TADEJA LACKNER-NABERŽNIK (Austria)

Born in 1964 in Slovenj Gradec, Slovenia. She finished studies of Translatology at the Karl-Franzens-University in Graz and studies of Psychotherapy at the University Donau-Uni-Krems. Currently she is studying Slovenian Language and Literature at the University of Vienna. In her research she focuses on children’s literature and is working on a MA thesis on the phylogeny of *Little Red Riding Hood* in connec-

tion to Svetlana Makarovič’s work *Rdeče jabolko* (The red apple). In addition to being employed in the field of psychotherapy, she works as a translator, interpreter and proof-reader for Slovenian and German. She translated into German works by Slovenian authors such as Maja Novak, Svetlana Makarovič, Sebastijan Pregelj and Danica Križanič Müller.

Contact: tadeja@lackner.at

JUN MITA (Japan)

Born in 1978 in Yokohama, Japan. He started with German Studies and obtained his PhD for the thesis on Belgian symbolism. Thanks to several governmental scholarships, he has studied in Heidelberg (Germany), Brussels/Ghent (Belgium) and Vienna (Austria) where he had the occasion to study Slovenian and Slovenian Literature. Between 2010 and 2011, he carried out research on

Slovenian symbolism at the Department of Comparative Literature in Ljubljana. Since 2014 he has been a lecturer at Kitasato University in Japan for German and Culture in Central Europe. As a literary translator, he has translated prose works from German, Dutch and French into Japanese, and he is now in the planning stage with a publisher for the translation of Slovenian literature.

Contact: junmitalcfr@hotmail.com

KSENIJA PREMUR (Croatia)

Born in 1962 in Zagreb. In 1986 she graduated in Russian Language and Literature at the Faculty of Humanities and Social Sciences in Zagreb, where she was honoured with the Vice-Chancellor's Award. Between 1990 and 1993 she worked as a junior assistant at the Department of Philosophy at the same institution. In 1997 she graduated from the Faculty of Arts in Ljubljana with the thesis "Dynamic structure of the conscience in Bergson's philosophy". In 1997 she received Master's degree in philology from the Faculty of Humanities and Social Sciences in Zagreb

with the thesis "Apart from publishing independent papers". She publishes translations of scientific and literary texts from English, Russian and Slovenian. In the academic year 1997/98 she worked as a senior lecturer for philosophy, aesthetics and Russian language at the High School of Musical arts in Lovran, as well as an independent translator in Zagreb. Between 1998 and 2001 she worked as an assistant lecturer in an Oriental Philosophy course at the University of Zagreb. Since 2005 she has worked as a freelance artist and translator.

Contact: ksenija.premur@zg.t-com.hr

DRAGA RINKEMA (The Netherlands)

Born in 1967, in Mirna Peč, Slovenia. She graduated from the Faculty of Arts in Ljubljana in German Language and Literature, Dutch and Sociology. After that she did postgraduate studies in Sociolinguistics and Applied Linguistics, doing research on Second Language Acquisition at the University of Amsterdam. Her work consists of teaching, writing and translating. She collaborates with different cultur-

al institutions in Slovenia and the Netherlands, among them the Centre for Slovenian Literature and the Dutch Foundation for Literature, and takes part in cultural projects between the two countries. She translated, from Dutch, the poetry of Rutger Kopland, Judith Herzberg, Gerry van der Linden and Jaap Robben. She received the translator prize "Lirikonov zlat." Also, she has written essays on language and

literature, including “Quiet field, diverse vegetation” and “Let us keep our dualis”. From Slovenian she has translated some contemporary poetry by Gregor Podlog-

ar, Meta Kušar, Alja Adam, Gašper Malej and Aleš Mustar; these have been published by the Review of Slavic Languages.

Contact: draga.rinkema4@gmail.com

LUCIA GAJA SCUTERI (Italy)

Born in 1985 in Ljubljana, she graduated in 2007 in Slovenian and Czech from the Faculty of Arts of the University of Naples “L’Orientale” (Italy) with the thesis “Maja Vidmar: an example of contemporary Slovenian poetry”. In 2011 she defended, at the same university, her MA thesis “Slovenian language: a diachronic comparing of TV-speech”. Afterwards, she enrolled in a doctoral course at the Faculty of Humanities at the University of Primorska in Koper. During her doctoral studies she is focusing on the development of Slovenian television-speech in the last thirty years (1980–2013) in rela-

tion to the political implications of the language question within Yugoslavian Slovenia. She was a recipient of a scholarship from the Škrabec association (2009). She has participated in various projects concerned with the promotion of Slovenian culture abroad: the World Festival of Slovenian Literature, University of Ljubljana (2006); the World Festival of Slovenian documentary film, University of Ljubljana (2012); the European project “Sustainable Networking for an Informal Language Learning Community”, University of Naples “L’Orientale” (2013). She has translated technical and scholarly texts.

Contact: lg.scuteri@gmail.com

DARKO SPASOV (Macedonia)

Born in 1976 in Kočani, Macedonia, he graduated from the Faculty of Philology at the Ss. Cyril and Methodius University of Skopje and obtained his MA degree in Theatre Arts at the ESRA – University for Audiovisual Arts in Skopje. He translates works from Slovenian, English and Russian for the Macedonian book market. He has regularly collaborated with the following publishers: Mladinska knjiga Skopje, Matica Makedonska, Kliker knjigi, Esra, and Miš Publishing. He has translated an assortment of contemporary Slovenian dramatic texts (Tina Kosi, Matjaž Zupančič, Dragica Potoč-

njak, Saša Pavček) and works by several renowned Slovenian authors, such as Andrej Rozman-Roza, Drago Jančar, Ela Peroci, Svetlana Makarovič, Barbara Hanuš, Cvetka Bevc, Nina Kokelj, Stanka Hrastelj, Marcello Potocco, Tadej Golob, Andrej Hočevar, France Bevk, Fran Milčinski, and others. He also translates plays by dramatists such as Siegfried Melchinger, Anton Chekhov, and Declan Donnellan. He works as dramaturge in *Teatar Komedija* in Skopje, and is a professor of dramaturgy at the University Gotce Delchev in Shtip.

Contact: polatski@gmail.com

NADEŽDA STARIKOVA (Russia)

Born in 1962 in Moscow, she has a PhD. After graduating from Moscow State University Lomonosov she has worked at the Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences) as a director of the Department and as a professor of Slovenian literature at the Department of Slavic Philology (Moscow State University Lomonosov). She has authored the following books: The Slovenian historical novel of the 1920s–1930s. Typology. Genealogy. Poetics (2006), Slovenian literature from the origins to the boundary of the 20th century (2010), Slovenian literature of the

20th century (2014). As a translator she has participated in these projects: Slovenia. The Path to Independence (2001), Literary Express (2001), Contemporary Slovenian Prose, Poetry, and Drama (2001) and others. Her published translations in Russian encompass works by Aleš Šteger, Aleš Čar, Esad Babačić, Andrej Blatnik, Dušan Jovanović, Evald Flisar, Drago Jančar, Mojca Kumerdej, and Maks Kubo. In 2010 she was honoured with the Tone-Pretnar-Award for ambassadors of the Slovenian language and literature abroad.

Contact: nstarikova@mail.ru

Co-financing Publications of Slovenian Authors in Foreign Languages

Slovenian Book Agency (JAK)

Founded in 2009, the Slovenian Book Agency (JAK) is a government institution that deals with all actors in the book publishing chain, from authors to publishers and readers.

Subsidies to translators for the translation of Slovenian authors

The main form of international promotion is the co-financing of translations from Slovenian into other languages. JAK annually publishes a call for applications for co-financing translations of Slovenian authors' books into other languages, including adult fiction, children's and young adult fiction, and essayistic and critical works on culture and the human-

ities, theatrical plays and comics. Publishing houses, theatres and individual translators can apply. In each case, a contract is concluded with the translator, and therefore all funding goes directly to him or her. The subsidy covers up to 100% of the translation costs. Grants cannot be awarded retroactively.

Mobility grants for Slovenian authors
The call for applications is published once a year. The applicant can be a Slovenian author who has been invited to a literary event abroad. The application must be enclosed with the invitation and the program of the event. The subsidy covers up to 100% of eligible travel expenses.

Contact

Javna agencija za knjigo Republike Slovenije / Slovenian Book Agency
Metelkova 2b, 1000 Ljubljana, Slovenia
Phone: +386 1 369 58 20
Fax: +386 1 369 58 30
Email: gp.jakrs@jakrs.si
Webpage: <http://www.jakrs.si/en/>

Trubar Foundation

The Trubar Foundation is a joint venture of the Slovene Writers' Association, Slovenian PEN and the Center for Slovenian Literature. The aim of the Trubar Foundation is to subsidize publications of Slovenian literature in translation.

Subsidies to publishers for the printing costs of books translated from Slovenian

Foreign publishers can apply for subsidies to publish unpublished translations of Slovenian authors in their native languages. The Trubar Foundation contributes up to 50% of printing costs. It does

not subsidize translation. Priority is given to the works of living authors who are already established in Slovenia. However, the Board will take all applications for works of fiction, poetry, drama, or literary essays into account, as long as they are originally written in Slovenian. The Board consists of seven equal members, including the Presidents of the Slovene Writers' Association and Slovenian PEN. They convene at least twice a year, usually in March and October. Therefore, applications received by the end of February and the end of September will be considered.

Contact

Društvo slovenskih pisateljev / Slovene Writers' Association

Tomšičeva 12, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 251 41 44

Fax: +386 1 421 64 30

Email: dsp@drustvo-dsp.si

Webpage: <http://www.drustvopisateljev.si/en/>

MARUŠA KRESE

All My Christmases

Short stories

Sample translation

Bulgarian	Croatian	Dutch	English
German	Hungarian	Italian	Japanese
Macedonian	Polish	Romanian	Russian
Serbian	Spanish		

JAK
**SLOVENIAN
BOOK
AGENCY**

Slovenian Book Agency, Metelkova 2b,
1000 Ljubljana, Slovenia,
T +386 1 369 58 20 F +386 1 369 58 30
E gp.jakrs@jakrs.si W www.jakrs.si

